

Российская академия наук
Институт человека

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ,
КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

Москва
2002

УДК 300.36
ББК 15.56
Ч-39

Под редакцией
чл.-корр. *Б.Г.Юдина*

Ч-39 **Человеческий** потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения. — М., 2002. — 265 с.

Предлагаемый читателю сборник посвящен развитию концепции человеческого потенциала, на протяжении ряда лет разрабатываемой в Институте человека РАН. Методологическая и концептуальная основа сборника — комплексный междисциплинарный подход к исследованию человека, в связи с чем в сборнике представлены историко-культурный, психологический и социокультурный аспекты изучения человеческого потенциала, отражены его социально-демографические измерения. В отдельные блоки выделены темы научного и интеллектуального потенциала России.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Словосочетание *человеческий потенциал* уже довольно прочно вошло в лексикон научных работников, государственных деятелей, журналистов. А понятие *развитие человеческого потенциала* (иногда употребляют выражение *человеческое развитие*, что соответствует англоязычному *human development*) стало исходным для уже хорошо известной *концепции человеческого потенциала**, которая разрабатывалась во многих странах мира. Её ценность прежде всего в том, что базирующаяся на её основе оценка состояния той или иной страны включает в себя не только традиционные макроэкономические параметры, но также характеристики здоровья и образования населения. И что самое ценное — всем этим трём составляющим придаётся одинаковая значимость.

Развитию концепции человеческого потенциала во многом способствовало то, что начиная с 1990 г. Программа развития ООН (ПРООН) издаёт ежегодные всемирные «Доклады о человеческом развитии». Обоснованный в рамках этой концепции комплексный подход к человеку и к человеческому обществу во многих странах был признан настолько конструктивным и перспективным, что начиная с 1995 г. издаются национальные доклады о человеческом развитии — в том числе во всех государствах Европейского региона ПРООН и, что важно, в России.

Во всемирных докладах ПРООН для всех стран используется единый подход к операционализации представлений о человеке и обществе, к принципам анализа и оценок состояния каждой страны в отдельности и т.д. — для всемирных докладов это в равной степени неизбежно и плодотворно. Но для России (как, впрочем, и для любой другой страны) требуются особые коррективы ООНовских базовых принципов и методик исследования человеческого развития. Во-первых, для «внутреннего» анализа необходимо рассматривать не только уже упомянутые три составляющие человеческого потенциала (экономика, здоровье, образование), но и его различные проекции — интеллектуальный потенциал, популяционный потенциал, личностный потенциал и т.п. Во-вторых, при социокультурной, экономической, этно-географической, исторической и т.п. гетероструктурности

* См., например: Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. Под ред. И.Т.Фролова. М., 1999. Основы изучения человеческого развития. Учебное пособие. Под ред. Н.Б.Баркалова и С.Ф.Иванова. М., 1998.

России общестатистический анализ всей «структуры» может быть существенно осложнён тем, что понятие *человеческий потенциал* может стать не столько интегративным, сколько синкретичным относительно его отдельных проекций.

Чтобы избежать такой опасности, по-видимому, полезно определить самостоятельный аспект анализа человеческого потенциала и, соответственно, самостоятельную приоритетную шкалу его проекций для каждой из «подструктур» России — для различных регионов, этнокультур и конфессий, субкультурных страт и демографических когорт. Методологически это вполне обосновано — оценить каждую проекцию человеческого потенциала для каждой данной «подструктуры». При этом нет оснований опасаться, получим ли мы единую картину, соединив такие оценки по всей России, потому что фактором, объединяющим все эти оценки (и доминантным для каждой оценки в отдельности), является культурная составляющая. Это неудивительно: культурогенез для России оказался едва ли не самым продуктивным из всех процессов её государственного и общественного развития — её экономика, государственность, политические институты до сих пор не выходят из стадии становления и экспериментирования, в то время как культура уже окончательно сформировалась, прочно став феноменом мировой культуры. Поэтому особое внимание к культурным феноменам России (в самой широкой их трактовке) гарантирует продуктивность и достоверность при исследовании её человеческого потенциала.

Предлагаемый читателю сборник составлен на основе материалов Всероссийской научной конференции «Человеческий потенциал России и его интеллектуальная составляющая», проведённой Институтом человека РАН в октябре 2000 г. Интеллектуальный потенциал России является одновременно и производной от российской культуры, и её базой, поэтому неудивительно, что интеллектуальному потенциалу на этой конференции было уделено особое внимание. Кроме того (и это, пожалуй, основное), в условиях современного постиндустриального общества рассмотрение человеческого потенциала любой страны непременно включает в себя оценку или хотя бы учёт её интеллектуального потенциала. Состояние науки, системы образования, институтов культуры и общий культурно-образовательный уровень населения характеризуют страну и её место в мировом сообществе в не меньшей, а иногда и в большей степени, чем состояние её экономики, обороноспособность, торгово-промыш-

ленная база, мощьность природных ресурсов и т.д. В ходе развития мировой цивилизации все эти характеристики (включая и использование природных ресурсов) всё сильнее зависят именно от интеллектуального потенциала страны.

Методологическая и концептуальная основа сборника – комплексный междисциплинарный подход к изучению проблемы человека, поэтому в сборнике представлены также историко-культурный, психологический и социокультурный аспекты изучения человеческого потенциала, отражены его социально-демографические акценты. В отдельный блок выделена тема научного потенциала России.

И.И.Ашмарин

Б.Г.Юдин

Интеллектуальный потенциал личности*

В настоящей статье мы попытаемся сопоставить понятие «интеллектуальный потенциал» с концепцией человеческого потенциала, которая на протяжении ряда лет разрабатывается в Институте человека РАН.¹ Начнем с экспликации этой концепции в том ее виде, который она приобрела в ходе проведенных в Институте исследований.

Обращаясь к изучению проблематики человека, мы уже на первом шагу сталкиваемся со сложнейшей теоретической и методологической проблемой, которая заключается в неопределенности, а может быть, даже и принципиальной неопределимости понятия «человек». Количество самых разнообразных трактовок этого понятия практически необозримо², а между тем, взяв за основу одну из них и тем самым с порога отбросив все остальные, мы рискуем понести серьезные потери и в содержательном, и в ценностном отношении.

В силу сказанного будем рассматривать данное понятие скорее как идеальное, как «регулятивную идею» в смысле Канта, чем как рабочий инструмент. В этом последнем качестве мы используем понятие «человеческий потенциал». По сути дела, речь идет об инструменте, который позволял бы «навести мосты» между философскими размышлениями о сущности, предназначении человека, о смысле его жизни и т.п., с одной стороны, и многообразными конкретно-научными разработками,

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант №00-06-00225.

направленными на описание, оценку, прогнозирование возможностей и перспектив существования и реализации возможностей человека, с другой.

В отечественной и мировой литературе предложено немало понятий и концепций, имеющих целью сформировать такое интегральное представление о человеке, которое могло бы быть проработано аналитически, а значит, употребляться достаточно строго, но вместе с тем поддавалось, хотя бы в принципе, операционализации и даже количественному выражению.

В этой связи можно упомянуть концепции «человеческих ресурсов» и «человеческого капитала». Подходы, в рамках которых человек предстает прежде всего в качестве ресурса, были популярны лет 30 назад; сегодня же их вряд ли можно оценивать как дающие сколько-нибудь полное представление о человеке. Точнее, сфера их применимости, а значит, и круг задач, которые можно решать с их помощью, ныне определены, а значит, и ограничены достаточно четко. Примерно то же самое можно сказать и о более поздней концепции «человеческого капитала».

Обе концепции позволили увидеть в человеке не просто один из функциональных элементов производственных, социальных, технических, коммерческих и т.п. систем, но такое начало, которое — нравится это кому-то или не нравится — никак не может быть жестко встроено в эти системы, редуцировано к чистой функциональности. Собственно, само стремление принять в расчет эти человеческие качества диктовалось, быть может, теми же соображениями улучшения функционирования систем, повышения их управляемости. Но реально оно оборачивалось тем, что в корне менялась сама системная аналитика: в нее так или иначе приходилось вводить элементы нелинейности, то, что ныне принято называть точками бифуркации. Тем не менее этим концепциям свойственна принципиальная ограниченность: человек в них выступал только в своей отнесенности к этим системам и включенности в них, как всего лишь то, что так или иначе *потребляется, используется* в процессах производственной или социальной практики.

Во многих отношениях весьма интересны также концепции «уровня жизни» и «качества жизни». Последняя, в частности, с успехом применяется сегодня для того, чтобы оценивать и оптимизировать деятельность систем здравоохранения³. Существует немало перспективных подходов — как в рамках проблематики здравоохранения, так и в более широком плане — к количе-

ственному определению параметров, характеризующих качество жизни. Однако и эти концепции следует признать односторонними, поскольку они, напротив, представляют человека как существо по преимуществу *потребляющее*, пребывающее, так сказать, в страдательном залоге.

Было бы важно опираться на такое понятие, которое включало бы в себя оба эти аспекта — как то, что человек выступает в качестве потребляемого ресурса, будучи, однако, ресурсом особого рода, способным проявлять собственную, не детерминируемую никакими объемлющими системами, активность, так и то, что сам он требует и потребляет природные и социальные ресурсы. И это понятие должно быть не только более объемным, но и способным отразить представления о *самоценности* человека. И именно этим диктуется обращение к понятию *человеческого потенциала*, которое, как мы считаем, является интегральным по отношению как к названным, так и к другим концепциям. Более того, это понятие, на наш взгляд, удачно оттеняет и такую сторону человеческого бытия, как его принципиальную открытость, незавершенность в любой данный момент человеческой жизни.

Понятие потенциала, как известно, было основательно проработано в физике, в контексте изучения динамических систем. Если не вдаваться в тонкости, то потенциал системы — это ее способность (возможность) совершить некоторую работу. В этом понятии, таким образом, содержится вполне прозрачный намек на величину, которую можно, разумеется, после проведения соответствующих изысканий, сделать исчислимой и измеримой. Характерно, далее, что получаемая таким образом *мера* не есть некая абсолютная характеристика данной системы. Говоря о работе, которую может выполнить данная система, принято определять ее через *разность* потенциалов. Простейший пример: если система представляет собой Землю и некоторый груз массой *m*, поднятый над ее поверхностью на высоту *h*, то работа, которую способен совершить груз при падении на Землю, пропорциональна не только массе, но и высоте, которая в этом примере и выступает как выражение разности потенциалов.

Аналогичным образом и человеческий потенциал (индивиду ли, некоторой социальной группы, популяции, страны...) будет величиной относительной, определяемой как характеристиками самого этого объекта — назовем их, с некоторой долей условности, внутренними, так и характеристиками — соответ-

ственно, внешними — того, что его окружает и с чем ему придется взаимодействовать при совершении некоторой работы. Это важно иметь в виду постольку, поскольку человеческий потенциал индивида только отчасти представляет собой нечто данное ему от рождения — в значительной мере он *формируется, развивается* в процессах социализации личности. Это важно также и в том смысле, что и актуально имеющийся, сформированный у человека потенциал может раскрываться, реализовываться в разной степени в зависимости как от внешних условий, так и от самого индивида.

В этом месте наша аналогия себя исчерпывает. Необходимо сказать об одном принципиальном отличии понятия потенциала, когда оно применяется к человеку, от тех случаев, когда оно применяется к физическим системам. В последнем случае осуществление системой работы, т.е. реализация ее потенциала, всегда ведет к его уменьшению. Иначе обстоит дело с человеческим потенциалом, поскольку его продуктивная реализация во многих случаях (ближайший пример — использование человеком своих способностей для приобретения новых знаний) ведет не к уменьшению, а к развитию, обогащению его потенциала.

Введем теперь еще одно различие. Среди внешних обстоятельств можно выделить, с одной стороны, те, которые неподвластны нашему влиянию и которые нам приходится принимать как данное и, с другой стороны, те, на что можно воздействовать, имея в виду, помимо всего прочего, и улучшение условий для сохранения, развития и реализации человеческого потенциала. В этом месте имеет смысл обратить внимание на то, что в понятии *человеческого* потенциала обнаруживаются не только дескриптивные, но и нормативные составляющие.

Мы считаем важным подчеркнуть это постольку, поскольку концепция человеческого потенциала — и в том виде, в котором она представлена в ежегодных докладах Программы развития ООН,⁴ и в том ее варианте, который разрабатывается в Институте человека, имеет не только теоретические и методологические, но и ценностные основания. Наличие таких оснований, очевидно, характерно не только для этой, но и для любой другой концепции, развиваемой в рамках социального познания. Однако если существующая традиция предписывает автору экспликацию методологических и теоретических оснований предлагаемых им построений, то экспликация ценностных оснований, увы, обычно оказывается уделом лишь того, кто осуществляет их критический разбор.

Возвращаясь теперь к концепции человеческого потенциала, отметим, что она содержит (скорее, быть может, на уровне предположений, чем конкретного изложения) определенные представления о человеке, его месте в мире, его взаимоотношениях с окружающими социальными структурами и т. д. Конечно, речь вовсе не идет о том, чтобы представить авторов этой концепции как приверженцев той или иной версии философской антропологии. Это, однако, не отменяет возможности охарактеризовать их взгляды с философской точки зрения. И в этом смысле представления о человеке, на которые опирается концепция человеческого потенциала, можно назвать *широкими* — не только в количественном, но и в качественном смысле. Будем называть *узкими* — не вкладывая в термины «широкий» и «узкий» ценностных коннотаций — такие трактовки человека, которые стремятся представить все (или, по крайней мере, основное, его сущность), что есть в человеке, как определяемое каким-то одним фактором, одним основанием, одной причиной. Для З. Фрейда, к примеру, это будет либидо, для М. Фуко — власть; нетрудно привести и множество других примеров.

Попытаемся теперь сопоставить с ними концепцию человеческого потенциала — скажем, в ее ООНовском варианте. Прежде всего, само по себе выделение трех составляющих индекса человеческого потенциала (в других переводах — человеческого развития), т. е. приведенного среднедушевого дохода, средней ожидаемой продолжительностью жизни и уровня грамотности населения, никак не может быть совмещено с тем одномерным представлением о человеке, которое характерно для узких концепций. Но, более того, каждая из этих составляющих не говорит ничего определенного о сущности или природе человека — еще раз отметим, что язык здесь вовсе не философский. Мы как будто оказываемся на совсем другом уровне рассмотрения. Это, впрочем, и так, и не совсем так. Ведь сам отказ определять (а стало быть, и ограничивать) сущность или природу человека есть определенная философская позиция. И с этой точки зрения три составляющие ООНовского индекса можно трактовать как то, что характеризует *условия* человеческого развития, человеческой (само)реализации. Чем выше значения этих составляющих, чем выше значение суммарного индекса, тем благоприятнее условия для этой (само)реализации, тем больше *возможности* человека в этом отношении.

При этом ничего не говорится о том, в каких направлениях человеку можно или следует или должно реализовывать имеющиеся у него возможности. Все рассмотрение, таким образом, остается в области *условий, возможностей, средств* — но не *целей*. Безусловно, можно говорить о том, что концепция человеческого потенциала вовсе и не претендует на то, чтобы обсуждать цели, на достижение которых человек направляет свои возможности, что она носит ограниченный характер и является достаточно здоровой для того, чтобы осознавать собственные ограничения. Но и согласившись со всем этим, мы вправе зафиксировать и обозначить саму позицию *воздержания* от излишне определенных и потому чересчур жестких характеристик. Такая позиция может быть не только философски корректной, но и методологически продуктивной.

* * *

Мы говорили о трех составляющих индекса развития человеческого потенциала, представленных в концепции ПР ООН. Как удалось выяснить, и эти составляющие, и индекс в целом характеризуют условия человеческого развития и (само)реализации. Каждую из этих составляющих, очевидно, можно понимать и как определенный вид ресурсов — тогда, с определенным упрощением, приведенный душевой доход будет представлять финансовые (или, в более общем плане, материальные) ресурсы, средняя ожидаемая продолжительность жизни — здоровье, уровень грамотности — образование. При этом дефицит каждого вида ресурсов существенно ограничивает, если не делает вообще невозможной, реализацию человеческого потенциала. Таким образом, каждый из этих видов ресурсов можно считать *необходимым*.

Зададимся теперь вопросом о том, является этот перечень ресурсов исчерпывающим, достаточным. При этом мы, конечно, должны будем отвлечься от того, что относительно каждого вида ресурсов из этого перечня не только разработаны методы количественной оценки и сопоставления, но и собрана богатейшая статистика. Ведь то, что может быть подсчитано, далеко не всегда совпадает с тем, что представляется действительно важным.

В этой связи имеет смысл обратить внимание на исследования В.М. Петрова, в которых предпринимается попытка определения и измерения духовного потенциала.⁵ В рамках духовного потенциала автор выделяет и более дробные виды – эстетический, художественный, социально-нравственный и др. потенциал. Следует отметить, что методика измерений, разрабатываемая В.М. Петровым, существенно отличается от той, что используется в докладах ПР ООН, и представляет самостоятельный интерес.

Отвлекаясь, впрочем, от этой стороны дела, обратим внимание на следующее обстоятельство. Можно, вообще говоря, считать, что повышая уровень грамотности, т.е. приобретая образование, человек усваивает не только некоторые знания о мире и способы оперирования этими знаниями, но и то, что относится к миру духа, культуры, ценностей, нравственности и т.п. Не лишена, однако, оснований и противоположная позиция. В соответствии с ней знания (парадигмально – знания о мире природы) и культура – понятая в данном случае не как совокупность знаний о литературе и искусстве, а как то, что нормирует и наполняет смыслом человеческую деятельность, – не только не обязаны совпадать, но могут даже и противостоять друг другу. В самом деле, приходится ведь встречать людей, у которых высокий уровень образованности сочетается с отсутствием сколько-нибудь оформленных и осознанных убеждений.

Различение образовательной и – будем называть так – культурной составляющей человеческого потенциала, на наш взгляд, имеет серьезный смысл, поскольку соответствующие виды ресурсов играют в деятельности человека существенно разные роли. Первый вид – это, вообще говоря, то что человек волен использовать или не использовать по своему разумению. Чем большими знаниями человек располагает, тем шире спектр имеющихся у него возможностей для достижения собственных целей. Напротив, второй вид ресурсов может блокировать те или иные из открытых возможностей действия. Стоит также отметить, что культурная составляющая человеческого потенциала, безусловно, имеет определенное отношение не только к сфере условий и средств, но и к сфере целей, которые ставит перед собой человек. Впрочем, эта весьма серьезная тема заслуживает отдельного обсуждения.

Важно отметить, что возможности развития и в особенности реализации потенциала во многом зависят от того, насколько в обществе защищены и гарантированы права человека. Между тем в докладах ПР ООН этому вопросу уделяется явно недостаточное внимание. Эта тематика затрагивается лишь в докладе 1996 г. Однако и в нем дело ограничивается тем, что всего лишь приводится таблица, в которой указано, какие из международных документов по правам человека одобрены и ратифицированы в той или иной стране.⁶ Этого, очевидно, явно недостаточно для того, чтобы судить о реальном положении с правами человека. Между тем нарушения прав человека, порождаемые чиновно-бюрократическим произволом, представляют собой очевидное и зачастую чрезвычайно серьезное препятствие на пути реализации человеком имеющихся у него возможностей.

Очевидно, эта составляющая человеческого потенциала не перекрывается ни одной из тех составляющих, которые представлены в концепции ПР ООН. Если же говорить о возможности какой-то оценки состояния с правами человека, то можно было бы продумать вопрос о том, чтобы использовать в качестве показателя количество жалоб, с которыми обращаются граждане. В современной России и на федеральном уровне, и во многих регионах существует институт Уполномоченного по правам человека. Вполне возможно представить себе, что в рамках этого института будет налажен сбор и обработка соответствующей статистики, которая будет весьма красноречивой и показательной.

* * *

Теперь мы в состоянии обратиться к понятию интеллектуального потенциала. Здесь открываются две возможности. Во-первых, есть основания представлять интеллектуальный потенциал как нечто если не тождественное, то близкое к той составляющей человеческого потенциала, которая характеризуется уровнем грамотности. Можно было бы, конечно рассуждать о каких-то нюансах и тончайших различиях, но интуитивно представляется, что грамотность – понятие более широкое, чем понятия интеллект или интеллектуальное развитие.

Вторая возможность – рассматривать интеллект в более традиционном ключе, как присущую человеку способность мышления, рационального познания. В одном ряду с понятием ин-

теллекта тогда оказываются понятия, относящиеся к другим человеческим способностям, таким как чувства, воображение, воля и пр. Понятие же интеллектуального потенциала при этом окажется результатом совершенно иного расчленения понятия «человеческий потенциал» по сравнению с тем, которое мы рассматривали в предыдущих разделах. В этом расчленении надо будет иметь дело, скажем, с физическим, чувственным, нравственным, эмоциональным и т.п. потенциалом.

Но теперь встает вопрос о том, чем обусловлен нынешний интерес к этому понятию. Дело, видимо, в том, что в современном мире интеллектуальное начало все больше доминирует в самых разных областях деятельности человека.

Последние десятилетия прошлого века основательно изменили жизнь человека и общества. Выдающиеся научные достижения стали обрушиваться на человечество буквально лавиной; при этом действующие в современном обществе социально-экономические механизмы позволяют в кратчайшие сроки воплощать эти достижения в новейших технологиях, а затем и в товарах и услугах, адресованных самым широким кругам потребителей. Появляются все новые средства общения между людьми, новые социальные институты, даже совершенно новые области человеческой деятельности, и все это радикально трансформирует саму ткань общественной жизни. При этом образующие ее структуры по мере своего обновления становятся все более восприимчивыми к научно-техническим новшествам; последние же, в свою очередь, непрерывно генерируют импульсы, которые преобразуют не просто внешние условия, но и само содержание, саму суть бытия человека и общества.

Хотя далеко не все пока что понимают и осознают это, тем не менее в нашем мире наука уже отнюдь не ограничивается ролью всего лишь поставщика средств, пусть даже чрезвычайно важных и эффективных. Реальностью во все большей мере становится то, что само существование многих сфер деятельности современного человека опирается на те *научные знания, которые еще только предстоит получить*. Иными словами, получение новых научных знаний все чаще становится не столько следствием внезапных озарений, сколько систематической, если угодно, даже рутинной работой, результат которой более или менее известен заранее. Еще до того, как этот результат бывает получен, хорошо известны и те ниши в производственных и иных процессах повседневной жизни, которые ему предстоит

заполнить. *Научная деятельность*, таким образом, все чаще *предстает* как своего рода поточное производство, *как индустрия исследований*.

Установление и укрепление этих многообразных и чрезвычайно интенсивных взаимозависимостей между наукой, техникой и самыми разными сферами жизни общества имеет одним из своих следствий то, что сегодняшнему человеку приходится обитать среди существенно иных реалий, чем его предшественнику. Ныне ему подвластны разнообразные технологии и устройства, наделяющие его таким физическим и интеллектуальным могуществом, которым прежде не обладали даже боги. Принципиально важно то, что для овладения всем этим арсеналом не требуется каких-то специальных дарований — он доступен и рядовому обывателю, хотя и обладающему некоторой *интеллектуальной подготовкой*. Непрерывно возникают все новые средства, которые не только позволяют человеку компенсировать дефицит собственных ресурсов, но и открывают перед ним совершенно новые пространства для развития и реализации своих возможностей. Сегодня есть все основания констатировать, что именно *всераспространение человеческих возможностей стало — и в обозримом будущем продолжит оставаться — главным вектором научно-технического прогресса*.

Парадоксальным образом, впрочем, усиливая собственное могущество, человек в то же самое время делается все более уязвимым. XX век явил тому тьму примеров: научившись синтезировать химические соединения, не существовавшие ранее в природе и способные проявлять множество полезных свойств, люди тут же стали использовать эти знания в целях создания отравляющих веществ для массового уничтожения себе подобных. Более того, и то, что создавалось для благих целей, нередко порождает такие последствия, которые ложатся тяжким бременем на среду обитания, а значит, и на самого человека.

Первые же шаги в освоении энергии атома привели к созданию столь эффективного смертоносного оружия, что почти всю вторую половину столетия человечеству пришлось жить под прямой угрозой тотального самоуничтожения. Увы, эта угроза, на какое-то время отступившая в конце прошлого века, в новом, только что начавшемся возвращается вновь — на этот раз в совершенно ином и от того, быть может, еще более жутком обличье.

Как оказалось, впрочем, и «мирный атом» может быть приручен лишь до определенных пределов: Чернобыль стал для человечества грозным предупреждением о том, каким колоссальным разрушительным потенциалом могут обладать и те технологии, которые задумывались и создавались для достижения вполне конструктивных и гуманных целей. Действительно, мы уже начинаем привыкать к тому, что причиной большинства техногенных катастроф оказывается пресловутый «человеческий фактор». А это — очевидное свидетельство, во-первых, той мощи, которой обладают сегодня многие решения и действия отдельного человека, и, во-вторых, того, что сам человек бывает психически и морально не готов к тому, чтобы совладать с собственной мощью.

Далее. Взрывоподобное развитие информационных технологий в течение последних десятилетий привело к тому, что человек получил возможность ставить и решать множество задач, которые прежде просто нельзя было помыслить. Становится все больше таких сфер жизни общества, которые критическим образом зависят от надежного, устойчивого функционирования информационных систем и комплексов. Вместе с тем прогресс информационных технологий уже породил такие феномены, как компьютерная преступность, компьютерный терроризм, информационные войны...

Еще более впечатляющими выглядят перспективы современных биологических, прежде всего — генноинженерных технологий. Они уже сегодня широко используются для получения множества изделий промышленного, сельскохозяйственного, медицинского, бытового назначения. В перспективе же — не только моделирование и коррекция процессов, происходящих в живой природе, включая организм человека, но и возможность — одними воспринимаемая как торжество человеческого гения, другими — как самая страшная угроза — создания человеческих существ с заранее заданными физическими, психическими и интеллектуальными характеристиками.

Таким образом, научно-технологическое развитие последних десятилетий все в большей мере концентрируется вокруг человека. Его магистральным направлением становится, как мы уже отмечали, всемерное расширение человеческих возможностей и открытие для человека все новых степеней свободы. Обратная же сторона — это то, что человек все чаще оказывается *критическим звеном* многих технологических процессов, а также под-

вергается *опасностям, порождаемым самими же новыми технологиями*, которые порой несут угрозу не только его физическому и психическому существованию, но и ставят под вопрос саму его идентичность.

Не имея возможности детализировать здесь этот тезис, отметим, что не только научно-техническое, но и социальное развитие отчетливо демонстрирует сегодня нарастающую интеллектуализацию. Собственно, одним из оснований этого является то, что социальное развитие, вообще социальные перемены все чаще реализуются в форме новых *технологий* и по законам, которые в чем-то существенном весьма сходны с законами создания и распространения технологий.

Таким образом, интеллектуальная развитость, интеллектуальный потенциал общества и индивида становятся все более востребованными современной жизнью — вплоть до того, что они определяют возможности не только развития, но самого существования, если угодно — выживания в нынешнем мире. В этом смысле чрезвычайно опасны имеющие сегодня определенное хождение в российском обществе тенденции антиинтеллектуализма, т.е. недоверия, даже враждебности по отношению к интеллекту и к тем, кто воспринимается как его носители.

* * *

Понятие интеллектуального потенциала может употребляться применительно и к отдельному индивиду, и к целым социальным группам или слоям, и к обществу в целом. При этом, однако, интеллектуальный потенциал социальной группы, социального слоя, общества в целом — это всегда не более чем производная от интеллектуального потенциала индивидов. Конечно, этот индивидуальный потенциал всегда формируется путем аккумуляции, освоения того, что индивид получает от общества. Но существовать и воспроизводиться вне и помимо отдельных индивидов интеллектуальный потенциал не может.

Да, государство и общество используют (иногда лучше, иногда хуже, порой совсем бездарно) интеллектуальный потенциал своих членов. Из этого, однако, вовсе не следует, что интеллектуальный потенциал индивида — это нечто вроде доли общественной собственности, которая сдается ему в аренду. Мы здесь несколько утрируем, но такого рода представления о соотноше-

нии «общественного» и «частного» интеллекта вовсе не являются выдумкой. Наиболее показательны в этом отношении весьма распространенные попытки ставить возможность получения высшего образования в зависимость от будущих, прогнозируемых потребностей общества-государства-промышленности... Как будто интеллектуальное развитие требуется человеку только на службе. Как будто, обеспечивая индивиду возможность получить высшее образование, общество не инвестирует в свое будущее, а всего лишь приносит жертву. Как будто, наконец, интеллектуальное развитие имеет смысл лишь для подготовки ресурсов для общества-государства и нисколько не является чем-то самоценным.

И здесь-то понятие интеллектуального потенциала обнаруживает свою значимость. Обеспечивая людям возможность получать качественное высшее образование, общество повышает и их, и свой собственный интеллектуальный потенциал. И, вообще говоря, чем богаче тот интеллектуальный потенциал, которым располагает общество, тем более эффективно будут решаться самые разнообразные задачи, с которыми ему придется сталкиваться. Вместе с тем эта эффективность будет выше там, где люди воспринимают и решают эти задачи как личностно значимые, а не просто навязанные кем-то извне. От общества-государства, следовательно, вовсе не требуется того, чтобы оно канализировало, притом на многие годы вперед, интеллектуальные возможности каждого из своих членов. Быть может, этот рецидив плановой экономики стоит оставить в прошлом?

Примечания

- ¹ См., напр., «Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода». Под ред. И.Т. Фролова. М., 1999; Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала как программа исследований. – В кн.: «Человек-Философия-Гуманизм»: Основные доклады и обзоры Первого Российского философского конгресса (4-7 июня 1997 г.) В 9 томах. Т.9. Спб, 1998. С. 47-54.
- ² Один из последних обзоров – книга К. Вальверде «Философская антропология» (М., 2000), автор которой отнюдь не ограничивается рассмотрением одних лишь *философских* концепций человека.
- ³ См., напр., *Петров В.И., Седова Н.Н.* Проблема качества жизни в биоэтике. Волгоград, 2001.
- ⁴ Удачным изложением этой концепции является учебное пособие «Основы изучения человеческого развития» под ред. Н.Б. Баркалова и С.Ф. Иванова. М., 1998.
- ⁵ См.: *Петров В.М.* Человеческие потенциалы и их распределения: проблема измерений. – В кн.: «Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода». Под ред. И.Т. Фролова. М., 1998, с. 124-150.
- ⁶ Доклад о развитии человека за 1996 г. Нью-Йорк, 1996, с. 214-216.

О понятии интеллектуального потенциала и способах его измерения

1. О понятии интеллектуального потенциала

Человечество вступает в XXI век в условиях невиданного по темпам ускорения материального прогресса, в основе которого лежит развитие науки и техники. Высказанное К.Марксом в середине XIX века предвидение, что наука *становится* важнейшей производительной силой общества полностью оправдалось. Она ею уже *стала*. Характерной чертой общественных наук в наши дни стало усиленное внимание к *динамике* процессов социального развития и их прогнозированию. И то, и другое предполагает использование количественных методов познания, которые предполагают нахождение показателей, допускающих строго формализованную процедуру измерения.

Одностороннее увлечение количественными методами в социологии, в том числе в социологии науки, имевшее место в 60-70-ые годы в нашей стране и за рубежом уступило место более взвешенному подходу, который можно охарактеризовать как стремление сочетать количественные методы с качественными, что вполне согласуется с общими принципами диалектического познания. Качественная сторона состоит прежде всего в выработке основных понятий и установлении связей между ними в соответствии с реальными связями между областями, сторонами общественной жизни. Более того, понятия социологии необходимо соотносить с понятиями более общими – философскими категориями.

Рассматриваемое требование в полной мере относится к поставленной авторами задаче. Процесс развития вообще представляет собою процесс превращения возможности в действи-

тельность, осуществления последующих ступеней процесса, существующих в настоящее время лишь в *потенции*. Одним из наиболее употребительных понятий в эпоху быстрых изменений становится понятие **потенциала**. Это чрезвычайно емкое понятие призвано суммировать возможности роста в той или иной сфере, наличествующие, сложившиеся его предпосылки, которые для своей реализации требуют тех или иных общественных условий. Потенциал роста *не всегда* означает наличие роста в данный момент. Динамика движения количественных показателей потенциала дает возможность создания спектра, веера прогнозов, каждый из которых связывается с предположениями о том или ином воздействии внутренних и внешних факторов на изучаемый процесс.

Понятие потенциала употребляется все более широко: военный потенциал, промышленный потенциал, потенциал плодородия почв, демографический потенциал и т.д. и т.п. Важнейшей чертой в «экспансии» этого понятия является переход к *интегральным* показателям в понимании и измерении потенциала. Наиболее известным и важным интегральным показателем, разработанным под эгидой ЮНЕСКО и широко применяемым в международных сравнениях является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Остановимся на нем подробнее, поскольку найденные подходы и приобретенный при выработке ИРЧП опыт имеет для решения поставленной нами задачи существенное значение.

Проблема измерения человеческого потенциала (это полностью относится и к измерению *интеллектуального потенциала*, о чем далее) приобрела столь важное значение вследствие обострения глобальных противоречий: между ведущими державами и их крупными региональными объединениями, а также между развитыми странами «золотого миллиарда» и остальным человечеством в условиях глобализации экономической и культурной жизни. Возрастающее соперничество между основными мировыми центрами силы в политике, экономике, военной мощи, культурно-информационном влиянии, осуществляемом главным образом через электронные СМИ, предполагает ускоренное наращивание человеческого, прежде всего интеллектуального потенциала.

Оценки и первого, и второго потенциала «на глазок» в современных условиях недостаточны. Предложено немало способов, позволяющих оценивать положение государства в мировой

иерархии по состоянию их *человеческого потенциала*. Обоснование преимуществ принятого в международной практике метода подсчета ИРЧП дано в литературе (1). Некоторые математические приемы, практикуемые при исчислении ИРЧП, будут нами далее использованы. Но сначала следует подчеркнуть принципиальное отличие *человеческого и интеллектуального потенциала*.

Первому из этих понятий, а тем самым количественному показателю, с помощью которого он измеряется, присущ *«сверхинтегральный» характер*. В ИРЧП по определенным правилам суммируются три показателя качества жизни населения: *уровня благосостояния, выражаемого в цифрах душевого дохода; состояния здоровья, выражаемого через показатель предполагаемой средней продолжительности жизни, и образованности, оцениваемой по уровню грамотности и доле молодежи, получающей образование в высших учебных заведениях*. Иначе говоря, под определенным углом зрения в нем суммируются экономические, экологические, культурные факторы жизни народа.

Интеллектуальный потенциал тоже является интегральным понятием, но более специализированным. Мы полагаем, что в нем должны найти в обобщенном виде уровень развития двух тесно связанных между собой областей интеллектуальной жизни общества, а именно — *состояния науки и образования*.

Долгое время эти две сферы жизни не были достаточно связаны. Самые высокие достижения науки в России XIX века — неевклидова геометрия Лобачевского, периодическая система химических элементов Менделеева и т.д. были достигнуты при неграмотности подавляющего большинства русского и других народов страны. И Россия не являлась исключением. Наука могла достигнуть высот, продемонстрировать миру великие достижения при наличии хотя бы нескольких университетских центров и поддержки государством нескольких сотен ученых. Но уже в XIX веке технический прогресс потребовал грамотных рабочих, достаточного количества технических кадров, солидных вложений в создание лабораторий и систему образования. По этому поводу Ф.Энгельс заметил, что «если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов» (2). (Письмо Энгельса Боргиусу 25 января 1894 г. См. М. и Э. Избранные письма М.1947. с. 469). Тогда же связь уровня образования широких масс и успешного использования техники была понята не только в сфере созидания, но и разрушения. В войне Пруссии с Австрией за право

объединения германских земель решающая битва под Садовой (1866 г.) была выиграна, как тогда было метко замечено, прусским школьным учителем.

В конце XX века выигрыш в экономическом, а поэтому и политическом соревновании определяется не только уровнем развития фундаментальной (ее результаты в известной мере могут быть почерпнуты из международной литературы или определяться хорошо организованным «притоком» мозгов) и прикладной науки, но в не меньшей степени уровнем образованности населения. Не случайно в Японии и США в настоящее время осуществляется всеобщее полное (12 лет) среднее образование, после получения которого 60-80% молодых людей продолжают обучение в высшей школе. Презрительное отношение к так называемой «образованщине», время от времени демонстрируемое на страницах газет и журналов, свидетельствует о полном непонимании пружин современного общественного прогресса. Так, М.Рац и Л.Кравченко решительно выступают против попыток «скрестить науку с образованием», поскольку дескать имеются «дураки» и «умные» и первым надо иметь «вдесятеро больше ресурсов» для получения того же результата (3). Действительно люди отличаются по интеллекту и при разных уровнях образования в жизни и науке верх берут не числом, а головой. Но фиксация неравенства способностей в науке, необходимости отбора в нее, важности исключительно светлых голов для ее прогресса и т.п. нисколько не колеблют *необходимости овладения новейшей техникой и связанного с этим развитием творческих приемов и навыков мышления у массы населения. Сегодня прогресс в производстве, технике, бытовых условиях, в ведении боевых действий определяется не только уровнем развития науки и ее воплощения в технических устройствах, но также уровнем овладения научно-техническими знаниями и умениями всего населения.* И далее. Эта область интеллектуальной деятельности не отделена от интеллектуальной деятельности в целом, от общего уровня образованности и культурности народа, а тем самым от гуманитарного образования и гражданского сознания.

Вот почему нам представляется несомненным, что интегральный показатель развития интеллектуального потенциала нации, страны общества имеет право на введение в интеллектуальный оборот. Он нужен, во-первых, для сравнения с путями и темпами интеллектуального развития других народов, во-вторых, для выяснения тенденций развития интеллектуального потенциала в собственной стране.

2. О способе измерения интеллектуального потенциала

Предлагаемый ниже индекс развития интеллектуального потенциала, обозначаемый далее IP, должен дать обобщенное количественное выражение определенного ряда показателей, характеризующих *интеллектуальное* развитие данного общества. Предлагается интегрировать несколько показателей в двух указанных выше взаимосвязанных областях: степени образованности населения, поскольку интеллектуальный потенциал нации определяется культурой широких масс, и состояния науки, поскольку в науке в наибольшей степени концентрируется творческий характер мышления человека, а тем самым интеллектуальный потенциал нации.

В предлагаемом индексе IP (так же как в ИРЧП) фиксируется *наличное*, сложившееся на определенный момент положение в каждой из избранных областей. Так, к примеру, индекс продолжительности жизни для родившихся в данном году не является по сути прогнозным, ибо исчисляется на основе данных о по возрастной смертности за данный (или минувший) год. Тем не менее, ИРЧП может быть сочтен показателем потенциала и использоваться для прогноза постольку, поскольку проводится сравнение значений данного индекса (и его составляющих) в указанных выше двух плоскостях — в целях международного и внутреннего сравнения. Так, Россия в 90-ые годы XX века неумолимо «скользит» вниз в таблицах ИРЧП, составляемых международными организациями, переместившись с 54 на 71 место, в то время как Белорусь сумела подняться в последнее время с 68 на 60 место (4).

Конечно, необходимо учитывать, что применяемый при прогнозах такого рода метод *экстраполяции* весьма несовершенен, особенно если предполагается, что социально-политические и экономические тенденции и механизмы, действовавшие на протяжении предшествующего периода, будут действовать в том же направлении и с такой же силой на протяжении прогнозируемого периода. Поэтому метод экстраполяции, как правило, применяется для обеспечения *вариативности* прогноза на основе выдвижения *различных предположений* о возможных изменениях механизмов действия макросоциальных факторов: развития экономики, системы образования, финансирования научных исследований и их организации, изменения воздействий общества на состояние окружающей среды, роста населения и других. В соот-

ветствии с этими предположениями могут быть составлены более или менее широкие «веера» прогнозов, например, максимальный, средний, минимальный и т.д., в зависимости от условий, при которых развитие будет осуществляться по тому или иному варианту прогноза. Так, при прогнозировании годичного коэффициента естественного прироста населения в России на 2025 год демографами ООН были предложены три варианта: «верхний» — $[-0,15]$, предполагающий известное улучшение экономической, а поэтому и демографической ситуации в стране сравнительно с 1993-1997 гг., когда он составлял в среднем $[-0,5]$; «средний» — $[-0,51]$, предполагающий сохранение в основном нынешнего состояния экономики и уровня жизни населения; «нижний» — $[-0,76]$, основанный на предположении о дальнейшем углублении кризиса в экономике и снижении уровня жизни основной массы населения, а поэтому обострения процессов депопуляции (5).

Конструирование интегрального показателя, позволяющего оценить специально *интеллектуальный потенциал* страны (народа, государства) и дающего возможность прогнозировать его динамику на ближайшую перспективу, сравнивать с мировыми тенденциями, представляется задачей весьма сложной. Мы уже отмечали выше необходимость использования опыта, накопленного при создании и совершенствовании ИРЧП, когда методика подсчета дифференцировалась для различных групп стран (6). Представляется, что методика исчисления ИР также должна различаться для стран с высоким уровнем развития сферы науки и системы образования, и для стран, которые пока что решают задачи ликвидации неграмотности основной массы населения и создания стартовых условий для научной деятельности.

Далее речь будет идти о методах определения ИР по высшей группе стран, поскольку к ней относится и СССР — Россия. Главная особенность развития этой группы стран состоит в том, что наука в них к концу XX века уже стала важнейшей производительной силой. Экономическая, финансовая, военная, политическая мощь развитых государств ныне непосредственно зависит от состояния фундаментальной и прикладной науки, развития НИОКР и know-how, удельного веса наукоемкой продукции в общем объеме промышленного производства и валового национального продукта. Задачей данной статьи, однако, является не сравнение различных стран, а выявление особенностей развития интеллектуального потенциала России (Российская империя — Советский Союз — Российская Федерация) в XX веке.

Рост *интеллектуального потенциала* определяется возможностями двоякого рода. С одной стороны, возможностями обеспечивать науку современными, весьма капиталоемкими приборами, аппаратами и установками (космические станции, синхротроны, радиотелескопы, «думающие» компьютеры» и др.), которые сами по себе являются воплощением новейших достижений научной и технической мысли, а также дорогими материалами высокой степени чистоты. С другой стороны, возможностями подготовки достаточного количества квалифицированных кадров ученых, инженеров, техников, управленцев высокого уровня. Вместе взятые, потребности создания и непрерывного развития материальной базы науки и ее обеспечения кадрами, которые эту базу могут использовать с должной степенью эффективности и совершенствовать, находят сегодня по развитой группе стран обобщенное выражение в финансовом обеспечении сферы науки и сферы образования. В этой связи важно подчеркнуть, что до известной степени в течение определенного периода удастся практически бесплатно использовать достижения мировой науки (как это было в Японии на первой стадии послевоенной модернизации), либо широко привлекать подготовленные в других странах кадры специалистов (как это было в США при создании атомного оружия в годы мировой войны и продолжается в настоящее время, в том числе за счет «утечки умов» из России). Но и тот, и другой путь могут обеспечить рост интеллектуального потенциала лишь в определенных историческими обстоятельствами границах. Прочно войти в число передовых развитых стран и удержаться в лидерах мирового прогресса (последнее сегодня важно для нашей страны), в конечном счете, можно только при создании и наращивании собственного мощного научного потенциала и системы подготовки научных и технических кадров высокой квалификации. В соответствии с этими посылками мы полагаем, что при конструировании такого интегрального индекса, как IP, следует определенным образом свести воедино показатели состояния *образования и науки, образовательного и научного потенциала*.

Измерение роли образовательного потенциала предлагается осуществлять на основании трех индексов. Первый (e_1) должен отразить уровень *общей образованности «взрослого» населения*, то есть, в основной своей массе уже завершившего обучение в учебных заведениях и составляющего костяк занятого населения. Можно исходить из двух возможностей: замерять средний уро-

вень образованности всего занятого, то есть экономически активного населения, либо населения старше 20 лет. Каждый из этих способов имеет свои преимущества. В предлагаемой методике избран второй, так как общий интеллектуальный потенциал общества определяется в значительной мере и неработающим населением: в их число входят матери, воспитывающие молодое поколение, люди пожилого возраста и т.д. К тому же, при таком выборе можно более успешно использовать данные отечественной статистики.

Второй индекс (e_2), который представляется необходимым ввести для измерения роли образования в создании интеллектуального потенциала, это удельный вес в населении студенчества, то есть той части молодежи, которая является резервом пополнения специалистов умственного труда во всех сферах жизни общества. В этих целях в качестве индекса предлагается ввести численность (в пересчете на 10000 населения) студентов высших учебных заведений. Этот индекс непосредственно характеризует уровень *будущей профессиональной подготовки, получаемой молодым поколением* после завершения полного среднего образования. В развитых странах в качестве ближайшей стоит цель дать общее среднее образование всей молодежи; она законодательно закреплена, но не полностью выполняется. В СССР она была поставлена в 1977 году и к концу 80-х годов в значительной мере была достигнута. Конечно, для большей точности следовало бы учитывать все виды получаемого молодежью профессионального образования. Но, поскольку пропорции между численностью выпускников начального (ПТУ), среднего (техникум, колледж, училище) и высшего профессионального образования в России и других развитых странах примерно одинаковы, можно ограничиться относительной численностью студенчества.

Наконец, для измерения образовательного потенциала необходим и третий индекс (e_3) — доля расходов на образование в ВВП. Этот индекс дает представление о средних затратах на одного учащегося, об оснащенности учебных аудиторий ЭВМ и другим современным оборудованием, об издании учебников и учебных пособий, о состоянии и обновлении материальной базы учебных заведений всех типов, наконец, о степени материальной обеспеченности, социальном статусе и качестве педагогического персонала.

Для измерения роли *науки* в создании и росте интеллектуального потенциала предлагается использовать два индекса. Первый (s_1) – удельный вес персонала, занятого в сфере науки и научного обслуживания, в общей численности занятого (экономически активного) населения. Поскольку же эффективность работы этого персонала зависит от материального обеспечения науки (в том числе и оплаты труда работников), то этот показатель следует определенным образом сочетать со вторым (s_2) – удельным весом затрат на науку в процентах к ВВП. В определенных случаях, например, когда данные по ВВП засекречены или искажаются, индекс s_2 может измеряться по удельному весу в национальном доходе. Когда финансирование науки в основном осуществляется на протяжении изучаемого периода государством, как это имело место в СССР, может быть использована в этих же целях доля затрат на науку в государственном бюджете. В последующих выкладках используется первый вариант.

Предлагаемая методика исчисления IP весьма далека от совершенства, так как, в частности, в ней не учитывается степень использования сложившегося научного потенциала. Но измерение эффективности затрат на науку представляется самостоятельной, чрезвычайно сложной проблемой, которая выходит за рамки обсуждаемого вопроса. В порядке обсуждения можно выдвинуть такие показатели: удельный вес наукоемких отраслей в общем объеме промышленного производства, уровень восприимчивости промышленности к научным открытиям и разработкам и т.д. Однако все способы измерения эффективности научных исследований на практике сталкиваются с немалыми трудностями, особенно в условиях милитаризации науки. Например, наукоемкая продукция в советской статистике была столь успешно «запрятана» в официальных справочных данных, что получить достоверные цифры было просто невозможно. Эта проблема имеет глубокий философский смысл, ибо *потенциальное вообще неразрывно связано с актуальным*. Потенциал, если он не используется, быстро угасает, и, напротив, когда практика предъявляет на науку активный спрос, научный потенциал быстро растет, и еще быстрее растет эффективность его использования. Примеры тому и другому дает наша история. В настоящее время невостребованность науки приводит к растущей, во многом уже невозполнимой потере научно-го потенциала Россией.

3. Методика исчисления ИР применительно к СССР-России

Перейдем к изложению предлагаемой схемы подсчета ИР по указанным выше показателям и попытаемся оценить его динамику в СССР и постсоветской России, взяв в качестве исходного момента последний предвоенный год Российской империи (1913). С самого начала следует подчеркнуть, что если допускается известная степень условности в выборе именно предлагаемых показателей для определения индекса развития интеллектуального потенциала, то еще больше условности приходится допускать при создании методики исчисления каждого из них, а также их удельного веса при суммировании для определения значения интегрального индекса ИР. При всех этих «издержках», тем не менее, предлагаемый индекс дает возможность как сопоставления по уровню ИР отдельных стран, так и выявления тенденции его развития в каждой данной стране, что для нас в данном случае является главной задачей.

Индекс общей образованности населения в возрасте свыше 20 лет (e_1) в России предлагается исчислять следующим образом. На основе данных переписи населения (или текущего учета) фиксируется среднее число лет, проведенных в учебных заведениях системы образования. При этом наличие полного среднего общего образования (средняя школа) нами засчитывается за 10 лет. В Советском Союзе долгое время была именно десятилетняя школа, которая затем стала одиннадцатилетней, хотя программы обучения изменились несущественно. Для сравнимости данных по годам и по поколениям мы засчитываем «полное среднее» за 10 лет независимо от типа учебного заведения (вечерняя школа, «среднее» ПТУ и т.п.), которые даже при более длительных сроках обучения уровень знаний давали ниже, чем обычная средняя школа. Среднее специальное и незаконченное высшее засчитывается за 2 года сверх 10, а высшее как 5 сверх 10. Начальное мы полагаем равным 4 годам, а неграмотность и неполное начальное образование приравниваем нулю. Что касается неполного среднего образования, то приходится учитывать, что долгое время это была семилетняя школа, после реформы 1958 года она стала восьмилетней. При обработке данных переписи населения 1959 и 1970 годов мы засчитываем ее за 7 лет обучения, так как большинство лиц в возрасте 20 лет и выше получили этот уровень образования в «семилетке»; начиная с переписи 1979 года — за 8 лет. Наконец, поскольку в ито-

гах переписи 1959 года начальное и неполное среднее были объединены в одной графе, лица, «попавшие» в нее, были учтены нами с общим коэффициентом 5,5. Столь подробное разъяснение понадобилось по данному коэффициенту применительно к нашей стране. При сравнении с другими странами, по-видимому, потребуются дополнительные правила исчисления e_1 .

Второе разъяснение носит более общий характер, оно касается всех индексов по образованию (e_1, e_2, e_3), а также по науке (s_1, s_2). Для сравнимости индексов и их объединения мы выражаем их численно в интервале от 0 до 1. С целью выявления динамики ИР в нашей стране за минимальные значения мы принимаем данные 1913 года, то есть уровень развития дореволюционной России. Что же касается максимальных «натуральных» показателей, соответствующих 1, то представляется целесообразным взять за основу показатели, которые уже сегодня либо достигнуты в наиболее развитых странах мира, либо будут достигнуты ими в ближайшем будущем.

Поясним сказанное сначала на уже рассматривавшемся выше, наиболее сложно исчисляемом индексе e_1 . За максимальное значение этого индекса можно принять 12, поскольку к нему близки США и Япония. В этих и ряде других стран законодательно закреплено всеобщее среднее образование и наблюдается постепенный переход к получению высшего образования значительной частью молодого поколения. Но даже в этих странах известная часть молодежи вступает в жизнь со средним общим или специальным образованием, притом не в 20 лет, а позднее. У старших поколений образовательный уровень существенно ниже. Например, в США 20,7% взрослых «испытывают затруднения в чтении и письме» (7). Поэтому цифру 12 можно рассматривать как некий не слишком отдаленный во времени предел, к которому двинутся развитые страны. Довольно успешно двигался в этом направлении и Советский Союз, что отражено в представленных ниже таблицах.

Сложнее обстоит дело с выбором минимального значения. Всеобщей переписи населения в царской России после 1897 года не было. Эта перепись зафиксировала 28,4% грамотных в возрасте 9 – 49 лет, в 50 губерниях Европейской России. Согласно переписи 1926 года в СССР, в этих же возрастных границах грамотными было 56,6% (8). Принимая во внимание успехи борьбы с неграмотностью в первые годы Советской власти, можно примерно оценить уровень грамотности населения в этих возрастных границах к 1913 году как примерно 40%, то есть, неграмотных было до 60%. В общеобразовательных школах разного

типа в 1914 году насчитывалось 9656 тыс. учащихся (немногим более 20% лиц школьного возраста), из них в 1 – 3 классах – 8082 тыс., в то время, как в 8 – 10 классах всего 153 тыс. (там же, стр. 7). Подавляющее большинство рабочей и часть крестьянской молодежи получали 2 – 3 летнее образование. В старших возрастных группах положение было еще хуже, большинство в этих группах оставалось неграмотным. Коренное население окраин было почти сплошь неграмотным. Взвешивая всю совокупность этих данных, средний уровень образованности для лиц старше 20 лет мы склонны оценить на 1913 год максимум как 2 класса (эта цифра, возможно, преувеличена).

Для подсчета индекса e_1 (а также остальных) можно принять способ, используемый при определении ИРЧП.

$e_1 =$	фактическое значение минус минимальное
	максимальное значение минус минимальное

На основе этой методики исчислим значение индекса e_1 для СССР в 1970 году. Уровень образованности населения старше 20 лет по нашим подсчетам (на основе данных переписи населения 1970 года) был равен 6,02 года (9).

$e_1 =$	6,02 – 2	= 0,40
	12 – 2	

Второй индекс (e_2) – численность студентов на 10000 чел. населения. Примем за максимальное значение 300 студентов, к этому уровню сегодня приближаются США. За минимальную цифру следует при указанных посылках принять 8, поскольку именно таково было число студентов в России 1913 года в пересчете на 10000 чел. населения (127 тыс. студ. на 159,2 млн населения) (10). В СССР с 1970 году насчитывалось 180 студентов вузов на 10000 чел. населения (11). Приняв тот же метод подсчета для коэффициента e_2 , что был применен для e_1 , получаем

$e_2 =$	180 – 8	= 0,589
	300 – 8	

Для исчисления индекса e_3 , который фиксирует уровень затрат на цели образования в процентах к ВВП, предлагается использовать этот же метод. В качестве максимальной цифры можно

принять 10%, к этому уровню приближаются наиболее развитые страны. Например, общие государственные и частные расходы на образование в США составили 8% от ВВП в 1975 году (12). Минимальный порог определим в 1,15%, что примерно соответствует положению в последний мирный год дореволюционной России. Последняя цифра является приблизительной. Она исчислена нами, исходя из того, что расходы на образование в России в бюджете 1913 года были обозначены суммой 135,2 млн рублей (4% бюджета), в то время, как «народный доход» составлял 11,805 млрд (13). Здесь не учитываются затраты на обучение в частных гимназиях, но их было сравнительно немного.

В качестве примера, иллюстрирующего способ исчисления e_3 , возьмем опять же 1970 год. ВВП составлял 643 млрд рублей (в ценах года), расходы на образование из госбюджета и других источников 19,9 млрд руб., то есть 3,09% (14). Проведя вычисление по указанной схеме, мы получаем для СССР 1970 года

$e_3 =$	3,09 – 1,15	= 0,22
	10 – 1,15	

Для исчисления индекса EP , отражающего потенциал сферы образования в общем индексе IP , с известным приближением примем, что индексы e_1 , e_2 и e_3 равноценны. Тогда образовательный потенциал EP может быть исчислен как среднее арифметическое:

$EP = e_1 + e_2 + e_3$	Для СССР в 1970 году	$EP = 0,40 + 0,589 + 0,22 = 0,403$
3		3

При определении индексов s_1 и s_2 , а затем общего индекса SP , характеризующего научный потенциал, а тем самым роль науки в формировании интеллектуального потенциала, также необходимо принять известные допущения. Будем считать, что s_1 и s_2 играют равную роль при определении индекса S . Первый, s_1 , указывает удельный вес занятых в сфере науки и научного обслуживания в составе занятого населения. В 1970 году в СССР в этой сфере было занято 3238 тыс. чел. при общем числе рабочих и служащих 90186 тыс. Кроме того, в колхозах (в среднегодовом исчислении) было занято 16,7 млн человек; итого, 106,9

млн занятых во всем народном хозяйстве. В указанной сфере трудилось 3,03% экономически активного населения (15). Принять за максимум можно 5%, что соответствует примерно численности занятых в науке и научном обслуживании в наиболее развитых странах в настоящее время. Минимум мы исчислим в соответствии с положением в России 1913 года. Оценка и в этом случае является приблизительной. Общее число научных работников (включая занятых в вузах) составляло 11,6 тыс., вместе с обслуживающим персоналом можно эту цифру поднять до 50 тыс. человек. При общей численности населения 159,2 млн чел., активное население можно оценить в 70 млн. Доля занятых в указанной сфере – 0,07% (16), это примерно соответствует положению в России 1913 года (с учетом университетов). Для СССР в 1970 году s_1 будет равен, согласно предложенной методике:

$s_1 =$	3,03 – 0,07	= 0,600
	5 – 0,07	

Для исчисления s_2 обратимся вновь к данным ЦСУ за 1970 год. Расходы на науку *из госбюджета и других источников* составляли 11,7 млрд рублей, (из госбюджета 6,5 млрд). Валовый национальный продукт в ценах того года составлял 643 млрд рублей (17). Из этого следует, что на развитие сферы науки и научного обслуживания расходовалось 1,82% ВВП. Условность этой цифры не подлежит сомнению, так как значительная часть расходов на науку проходила по другим статьям бюджета. Примем за максимум 4%, что в настоящее время достигнуто в Израиле. В США расходы на науку составляли 2,8%, в Швеции – 3%, в других развитых странах – менее (18). Минимум следует установить, исходя из расходов в России 1913 года. Точные данные отсутствуют, тем более, что научных учреждений в составе Академии наук было тогда всего 41 со 154 сотрудниками. Всего в России в 1913 году имелось 298 научных учреждений. Наука в университетах финансировалась как составная часть общих расходов. Мы полагаем, что максимальная цифра при оценке не должна превышать 0,3%. Для СССР в 1970 году s_2 будет при нашем методе исчисления таков:

$s_2 =$	1,82 – 0,3	= 0,411
	4 – 0,3	

Более общий индекс SP, характеризующий научный потенциал страны, мы берем как среднее арифметическое между s_1 и s_2 . Для СССР в 1970 году он будет исчислен следующим образом:

SP =	$s_1 + s_2$	=	0,600 + 0,411	= 0,505
	2		2	

Для исчисления IP теперь остается взять среднее арифметическое от EP и SP. Для СССР в 1970 году получаем:

IP =	EP + SP	=	0,403 + 0,505	= 0,454
	2		2	

Мы намеренно излагали методы подсчета всех индексов по СССР в 1970 году весьма подробно, чтобы, во-первых, проиллюстрировать, как приходится приспособлять общие концептуальные положения к условиям нашей страны и особенностям отечественной статистики. Во-вторых, представляется, что и при условности ряда допущений предлагаемый метод оценки интеллектуального потенциала может дать представление о *тенденции*, если брать ту же страну при соблюдении тех же самых правил ведения статистической отчетности. Эти правила в СССР практически не изменялись.

4. Изменение значения IP за последние десятилетия

Далее приводятся сравнительные данные о движении всех упомянутых показателей статистики и предлагаемых индексов, включая интегральный индекс IP, в СССР за 30-летний период на основе переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 годов. Все данные взяты нами из справочников ЦСУ СССР за 1960, 1970, 1980, 1989 годы, а также, при необходимости, и за другие годы (например, в томе за 1960 год отсутствовали сведения о ВВП, поэтому пришлось обратиться к справочнику за 1965 год) (19). Показатель e_1 за 1960 и 1980 годы вычислен по данным переписей предшествующих лет, т.е. 1959 и 1979 (20).

Индексы за 1997 год исчислены нами на основе данных Госкомстата РФ за этот год (21), за исключением индекса e_1 . Он является результатом экстраполяции на основе данных микропереписи населения 1994 года (22). Нами учитывалось, что три возраста из графы «15 – 19 лет» к 1997 году «перешли» в следующую возрастную графу, и это сказалось на средней цифре из-

за резкого снижения уровня образования молодежи в начале 90-х годов. Так, среди 20 – 24-летних микроперепись 1994 года выявила на 1000 человек 5 с начальным и 3 не имеющих начального образования, в то время, как среди 15 – 19-летних их было соответственно 85 и 5. По нашим подсчетам, в целом средняя цифра образованности населения понизилась с 9,8 в 1994 году до 9,67 в 1997 году. И этот процесс продолжается. В последние годы возросло (по оценкам до 2 млн) число детей, не посещающих школы. Перепись 1999 года позволит, вне сомнения, более точно оценить снижение уровня образованности населения России.

Не воспроизводя в целях экономии места все подсчеты, приведем цифры, характеризующие исходные данные для исчисления интеллектуального потенциала, в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика интеллектуального потенциала в СССР и РФ

Показатели	1960, СССР	1970, СССР	1980, СССР	1989, СССР	1997, РФ
Средний уровень образования населения старше 20 лет (<i>лет</i>)	4,84	6,02	7,74	9,11*	9,67**
Число студентов вузов на 10000 человек (<i>чел.</i>)	111	180	196	179	190
Уровень затрат на образование (<i>% от ВВП</i>)	1,65	3,09	2,92	3,16	4,5
Удельный вес занятых в сфере науки и научного обслуживания (<i>% от занятого населения</i>)	2,14	3,03	3,48	3,23	2,24
Расходы на науку из госбюджета и других источников (<i>% от ВВП</i>)	1,08	1,82	1,99	4,72	1,23

* Взяты данные по РСФСР для удобства сравнения с 1997 годом. Следует учитывать, что различия в образованности населения между республиками были в 80-е годы невелики. Так, в 1986 году на 1000 чел. населения приходилось лиц с высшим образованием по СССР – 108, по РСФСР – 109 человек.

** Оценка сделана на основе данных микропереписи 1994 года с последующей экстраполяцией.

Те же данные в обработанном по предлагаемой методике виде даны в таблице 2.

Таблица 2

Динамика индексов, характеризующих интеллектуальный потенциал в СССР и РФ

Индексы	1960, СССР	1970, СССР	1980, СССР	1989, СССР	1997, РФ
e_1	0,28	0,40	0,57	0,71	0,77
e_2	0,35	0,59	0,64	0,59	0,62
e_3	0,17	0,22	0,20	0,23	0,38
E	0,27	0,40	0,47	0,51	0,59
s_1	0,42	0,60	0,59	0,54	0,44
s_2	0,21	0,27	0,46	1,19	0,25
S	0,31	0,43	0,59	0,96	0,35
IP	0,29	0,41	0,53	0,71	0,47

Для более наглядного выражения тенденции роста IP в послевоенный период в СССР и его снижения в период «реформ» в России последних лет представлены на графике 1.

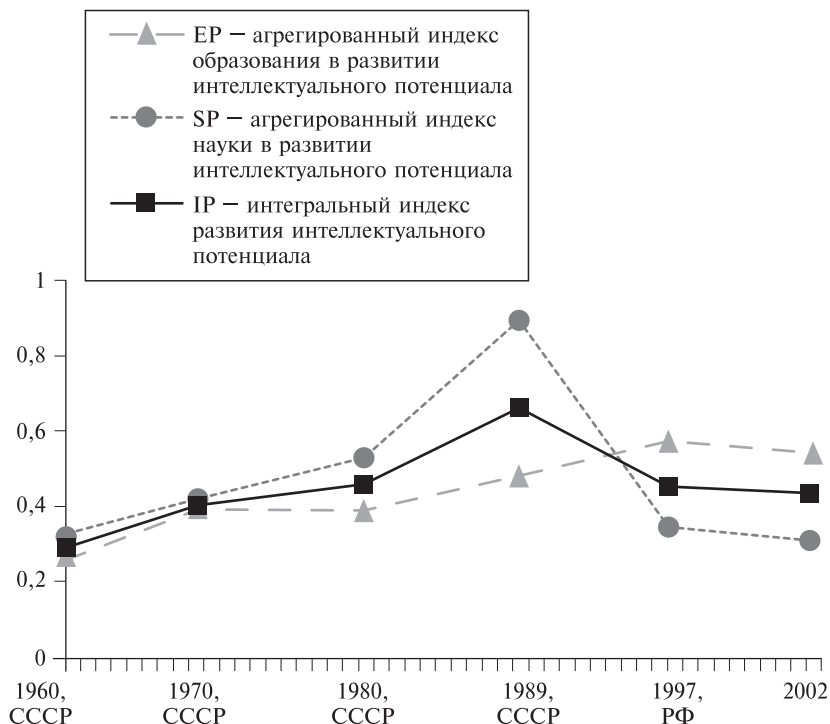
Следует учитывать, что затраты на науку в СССР были снижены, особенно в начале 60-х годов. Скачок в значении индексов s_2 и S в 80-е годы следует отнести за счет более полного отражения в государственной статистике затрат на науку оборонного профиля. Это обстоятельство в известной степени смазывает и всю картину, но общая тенденция роста образования и науки в СССР, а тем самым и IP, видна достаточно отчетливо.

На графике 1 не нашли выражение осязаемое замедление роста и даже снижение ряда показателей во второй половине 80-х годов. Так, уменьшение численности студентов по доле в населении происходило на протяжении всего этого десятилетия, а доля занятых в науке достигла максимума в 1985 году. Но эти явления перекрывались за счет успешного осуществления Закона о всеобщем среднем образовании молодежи (при известном снижении качества аттестата за счет «средних» ПТУ) и постепенного повышения образовательного уровня старших поколений по чисто демографическим причинам.

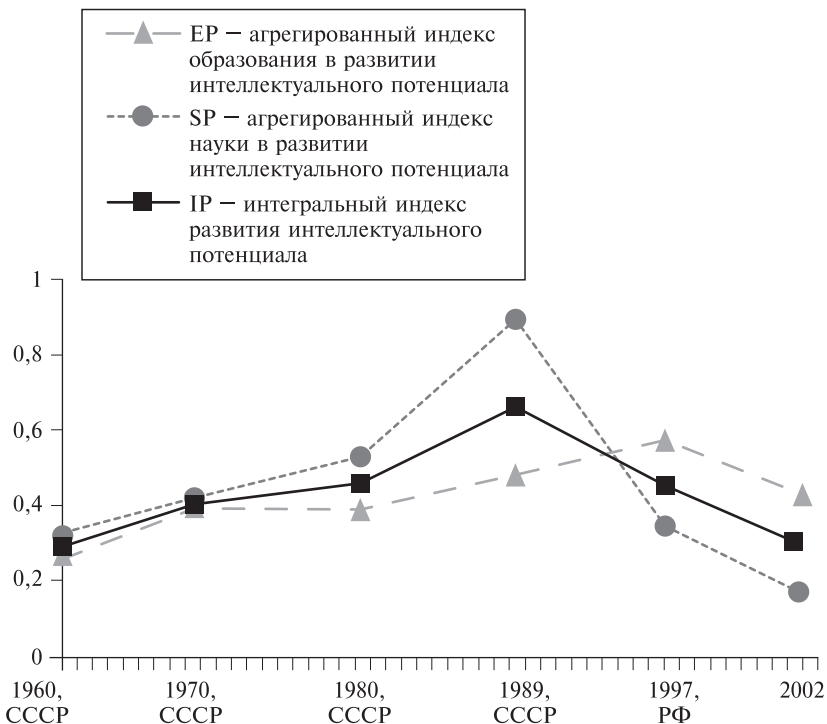
Обращает на себя внимание, что падение индексов EP и SP в России в 90-е годы происходило неравномерно. Сокращение расходов на науку и численности занятых в сфере науки происходило и продолжается в невиданном в мире темпе, наука «сворачивается» в силу ее невостребованности, сокращения ассигнований на нее в госбюжете при малой «подпитке» частного сектора. Деиндустриализация страны и особенно оборонного комплекса, в котором были сосредоточены наукоемкие производства, означает реальную угрозу существованию науки.

График 1

Динамика индексов, характеризующих интеллектуальный потенциал в СССР и РФ

Оптимистический сценарий

Пессимистический сценарий

С другой стороны, снижение образовательного уровня молодого поколения весьма постепенно сказывается на среднем уровне образованности взрослого населения, а тенденция уменьшения численности студентов сменилась на тенденцию возрастания, так что ныне достигнут уровень середины 80-х гг. Поэтому сводный индекс образовательного потенциала как бы «по инерции» продолжал в 90-е годы пока что возрастать, хотя именно в этот период сложились предпосылки для его последующего уменьшения. Это скажется в самое ближайшее время и будет зафиксировано уже в переписи 1999 года. К концу века в состав экономически активного населения начнет входить молодежь, оказавшаяся в ходе «реформ» вне школы или покинувшая ее преждевременно. Поэтому снижение IP будет происходить под воздействием обеих его составляющих.

5. Ближайший прогноз

В своих расчетах авторы первоначально исходили из уровня 1997 года, когда затраты на науку превысили 1%. Однако финансовая катастрофа августа 1998 года, подготовленная наращиванием «пирамиды» внутреннего и внешнего долга, привела к резкому снижению уровня производства (предположительно около 5% по сравнению с 1997 г.), что неминуемо скажется на финансировании науки и образования, в то время, как инфляция приведет к дальнейшему падению уровня жизни большинства населения и снижению среднего числа лет обучения в школе детей и подростков. Продолжится отток кадров из сферы науки. Принимая во внимание всю совокупность обстоятельств последнего времени, мы склонны оценить ситуацию в интересующей нас области на 2002 год следующим образом:

1. Снижение образовательного уровня населения старше 20 лет как сравнительно небольшое в силу инерционности этого показателя. Вступление в жизнь части недоучившихся в 90-е годы будет отчасти перекрываться уходом из жизни лиц старших возрастов с более низким уровнем образования. Так, в 1994 г. при среднем числе лиц с начальным образованием 129 на 1000, в возрасте свыше 55 лет их насчитывалось более 300.

2. Численность студентов на 10000 населения вряд ли существенно изменится, поскольку конкурс в 1997 году был более 2 чел. на место. Сокращение возможностей поступления в вузы для молодежи из мало- и среднеобеспеченных слоев будет перекрыто ростом удельного веса платных мест.

3. Расходы государства на образование будут далее сокращаться как абсолютно, так и в процентах в ВВП. Эта тенденция лишь частично будет покрыта ростом расходов населения. Мы полагаем, что они составят порядка 3%.

4. Затраты государства на науку останутся где-то на уровне 1%, расчеты на «подпитку» из частного сектора невелики.

5. Численность занятых в сфере науки и научного обслуживания будет далее сокращаться примерно до 1 млн чел., кадры науки будут стареть и выбывать по возрасту, отток в другие сферы занятости, где доходы выше, а также за границу будет продолжаться.

Исходя из этих предположений, мы полагаем (это грубая оценка в силу неопределенности социально-экономической ситуации), что рассматриваемые индексы приобретут следующие значения: $e_1 = 0,74$; $e_2 = 0,59$; $e_3 = 0,21$, а тем самым EP как общий показатель общеобразовательного потенциала – 0,51. Что

качается индексов научного потенциала, то $s_1 = 0,27$, $s_2 = 0,19$, а общий индекс $SP = 0,23$. Все это найдет отражение в снижении интегрального индекса IP с $0,47$ в 1997 г. до $0,37$ в 2002 г., это предположение представлено в графике 1 пунктирной линией.

В последующем представляется целесообразным, наряду с разработкой прогнозов по России, совершенствовать далее предлагаемый метод измерения интеллектуального потенциала в нескольких направлениях. Во-первых, применительно к отечественным условиям, с тем, чтобы расширить возможности прогнозирования хотя бы на первое десятилетие XXI века. Во-вторых, необходимо выяснить степень расхождения в росте (снижении) интеллектуального потенциала в государствах, возникших на территории СССР. Сравнение тенденций в России и других странах СНГ (и Балтии) упирается в трудность оценки той части общего научного потенциала, которая приходилась в СССР на ту или иную союзную республику. В-третьих, для проведения международных сравнений, даже в группе развитых стран, потребуется провести сравнительный анализ сложившихся в каждой из них систем образования, чтобы иметь основания для правильного сопоставления числа лет, проведенных в учебных заведениях.

Все эти трудности, тем не менее, представляются преодолимыми, а сравнение интеллектуального потенциала различных стран (регионов) и тенденций его роста — возможным и необходимым, несмотря на все различия в социально-экономическом строе и достигнутых уровнях развития.

Литература

1. См.: Жуков В. Реформы в России. 1985 – 1995 годы. М., 1997. С. 199; The Economist Pocket World in Figures. 1998 edition, p. 26.
2. письмо Энгельса Боргиусу 25 января 1894 г. См. Маркс и Энгельс. Избранные письма М.1947, с. 469.
3. Н.Г.-Наука № 7, июль 1999, с.3.
4. Human Development Report 1999, <http://www.undp.org/hdro/HDI.html>
5. См. СОЦИС. 1998. № 6. С. 60.
6. См. Международный журнал социальных наук. 1995. М. № 10.
7. См. Известия, 15 сентября 1998. С.6.
8. Народное образование, наука, культура в СССР. Статистический сборник. М., 1997. С. 9.
9. Подсчитано на основе данных в книге: Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. т. III, С. 6-7.
10. Народное образование, наука, культура в СССР. Статистический сборник. М., 1997. С. 7.
11. Народное хозяйство СССР в 1970 г. С. 643.
12. См.: Современные Соединенные Штаты Америки: энциклопедический справочник. –М.: Политиздат, 1988. С. 391-392.
13. См.: Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 36, ч. IV. С. 169; т.36, ч. V. С. 176-177.
14. Народное хозяйство СССР в 1970 г. С. 60, 732.
15. См.: там же. С. 404, 510-511.
16. Рассчитано авторами по данным в источнике (5), а также БСЭ, т. 24 ч. II. С. 16, 824-825.
17. Народное хозяйство СССР в 1970 г. С. 60, 732.
18. См.: Фридман Л., Видясов М. Наука в России – некорректные цифры. Независимая газета. 18 сентября 1998 г. С. 7.
19. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник / Госкомстат СССР. -М.: Финансы и статистика, 1987. С. 60.
20. Рассчитано авторами по источникам: Народное хозяйство СССР в 1980 году; Итоги всесоюзной переписи населения 1979 года. т. III, ч.11 с. 189; Народное хозяйство СССР в 1960 году. Народное хозяйство СССР в 1965 году; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. т. СССР, с. 123; Народное хозяйство СССР в 1989 году.
21. Социально-экономическое положение России. 1997 год. Госкомстат России. М., 1998. С. 7-8, 16-18.
22. Российский статистический ежегодник. Госкомстат России. -М.: Логос, 1996. С. 119.

Проблемы реализации интеллектуального потенциала России*

I

Упоминания об интеллектуальном потенциале России в литературе последнего времени встречаются все чаще. Видимо, это не случайно. Сложившаяся в стране проблемная ситуация, связанная с определением стратегии ее выхода из затянувшегося кризиса, естественным образом подводит к мысли о том, что в числе факторов развития интеллектуальный потенциал страны занимает далеко не последнее место. Отсюда вытекает возросшая потребность обращения к нему и необходимость анализа его состояния и определения достойных путей его реализации.

Вообще, следует отметить, что использование понятия потенциала в социальном знании в методологическом плане оказалось весьма продуктивным. Ежегодные доклады ПР ООН о развитии человека прекрасно показали и доказали, что сопоставляя показатели, характеризующие «человеческий потенциал» различных стран, можно сделать, весьма существенные выводы об их уровне, о стоящих перед ними социально-экономических проблемах, о месте, занимаемой каждой из них в общей шкале развития. Но использование понятия потенциала в социальной области можно этим не ограничивать, а расширить и конкретизировать, как представляется, в основном по трем направлениям:

— по уровню человеческих общностей для определения потенциала нации, различных социальных групп, больших или малых. Предельным здесь будет потенциал отдельной личности;

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант 00-06-00225.

– по тем сферам деятельности, уровень развития которых в различных странах можно сравнивать друг с другом. Речь идет о научном, техническом, производственном, военном и т.п. потенциалах;

– по фундаментальным основаниям человеческой деятельности в целом. В данном случае имеются в виду интеллектуальный, духовный, нравственный, творческий потенциалы.

Следует сразу же оговориться, что данная классификация построена на использовании различных оснований, которые в реальной жизни пересекаются и по-разному сочетаются.

Понятие потенциала относится к деятельности человека. Носителем потенциала является субъект. Потенциал характеризует состояние субъекта с точки зрения *возможности* осуществлять определенного вида и качества *деятельность*. Эти возможности создаются обществом в ходе его исторического развития, определяются комплексом различных факторов в их единстве и взаимосвязи. Человеческая деятельность есть процесс *реализации* потенциала. Человека считают специалистом, профессионалом, когда он имеет необходимые знания и навыки, т.е. определенный потенциал, дающий ему возможность качественно выполнять свою работу. И от него ожидают именно такой работы. Это очень важный момент, что потенциал всегда связан с ожиданиями. В простейшем случае, если человек не оправдал ожидания, это означает, что либо ему помешали, либо его потенциал определен неправильно.

Что же касается понятия *интеллектуального* потенциала, то оно отражает интеллектуальную сторону человеческой деятельности — способность к постановке целей и поиску средств их реализации, без чего предметная деятельность невозможна. Вопрос о его составляющих (структуре) не может иметь однозначного ответа, поскольку зависит от того, чей это потенциал — индивида, группы, нации, страны в целом. В последнем случае он, безусловно, включает в себя уровень образования населения и потенциал основных видов деятельности, связанных с ее жизнеобеспечением и развитием — производственный, научно-технический и т.д. Уровень и качество образования населения определяют возможности осуществления необходимых видов деятельности. Например, элементарная техническая грамотность необходима для живущих в наполненной многочисленными механизмами социокультурной среде современной цивилизации. Для характеристики интеллектуального потенциала страны, кро-

ме образования населения, требуется также выделить те группы людей, которые непосредственно заняты интеллектуальным трудом или в труде которых высок удельный вес интеллектуальной составляющей. Именно эти группы обеспечивают воспроизводство интеллектуального потенциала страны и являются источником новаций в производстве и различных сферах интеллектуальной деятельности.

Понятие интеллектуального потенциала начинает использоваться там и тогда, где и когда требуется соединение различных видов интеллектуальной деятельности. Поэтому смысл и значение его как раз в том, что он выполняет *интегративную* функцию по отношению к составляющим его компонентам, когда никакой из них сам по себе вне связи с другими уже недостаточен для решения проблем, например, образование вне взаимосвязи с наукой и т.д. В итоге, все проявления интеллектуального потенциала естественно сопрягаются друг с другом. Тем самым, на теоретическом уровне устраняются препятствия для установления органических взаимосвязей между образованием, наукой, технологией, производством. А на практическом уровне их единство обеспечивается адекватными формами организации. Таким образом, основой интегративных процессов, формирующих интеллектуальный потенциал как целостность, является решение практических проблем.

Во-вторых, потребность в использовании понятия интеллектуального потенциала возникает преимущественно при характеристике деятельности, которая носит творческий инновационный характер, выходит за рамки наработанных алгоритмов и автоматизированных действий. Интеллектуальный потенциал общества — это его возможности генерировать и вносить в исторический процесс нечто новое и тем самым создавать предпосылки для движения вперед. В условиях техногенной цивилизации, где технологический прогресс обеспечивается образовательной, научной (новое знание) и технической деятельностью (изобретения, конструирование), использование человеческого интеллекта в сфере науки и технологии, т.е. деятельность ученых, инженеров, конструкторов, техников, высококвалифицированных рабочих становится решающим фактором развития материального производства. Поддержание соответственного уровня цивилизационного развития находится в прямой зависимости от состояния интеллектуального потенциала общества.

Как известно, существуют две ветви производства: производство материальных благ и воспроизводство самого человека: семья, школа, вся система обучения и воспитания подрастающего поколения, а также охрана здоровья и жизни людей. создание условий для здорового и достойного образа жизни. Удельный вес интеллектуального труда в этих сферах также весьма высок. В «производстве человека» занято большое количество людей. Наряду с инженерами, учителя и врачи являются самыми многочисленными, массовыми интеллигентными профессиями. В своем большинстве они и в советские времена жили небогато, а в России 90-х гг. вообще превратились в «новых бедных» — низкооплачиваемых «бюджетников». Вот данные самооценки материального положения семьи (1997 г.): 76% представителей интеллигенции и 70,8% ИТР считают, что зарплаты им вообще не хватает (приходится занимать), либо хватает на еду и оплату коммунальных услуг. Лишь, соответственно, 2,7 и 3,4% опрошенных ответили, что считают свое материальное положение благополучным¹. Это лишь одно из многих свидетельств близорукой недооценки интеллектуального труда. Его низкая денежная оплата сопровождается потерей престижа в общественном сознании и особенно среди молодежи.

Наконец, поскольку понятие интеллектуального потенциала связано с деятельностью субъекта в определенных условиях места и времени, то все явления, рассматриваемые в его рамках, как бы «привязываются» к этим условиям. Например, предметом анализа может быть не состояние науки как таковой, а лишь науки определенной страны, региона, создающих условия для деятельности конкретного субъекта — носителя научного потенциала. В методологическом плане весьма существенно то, что подход с точки зрения интеллектуального потенциала делает связь науки, как и всех его составляющих, с их социальной основой не искусственной, не навязанной, а вполне естественной и органичной. Как система знания наука интернациональна, ибо для нее в общем неважно, где это знание получено. Но как составляющая интеллектуального потенциала определенной страны наука выступает в ином измерении, где для нее значимо наличие или отсутствие благоприятной среды для получения нового знания. А для страны уровень науки — свидетельство степени развития ее интеллектуального потенциала. Происходящий ныне и в науке процесс глобализации ничего в этом отно-

шении не меняет, т.к. никакая глобализация не отменяет необходимости создания в национальных рамках условий для научных исследований.

Не будет преувеличением сказать, что понятие интеллектуального потенциала весьма содержательное и достаточно сложное. Ранее оно большей частью употреблялось как некая метафора, а не как категория социального знания. Сейчас ситуация изменилась. В постиндустриальном мире ведущую роль играют страны с высоким интеллектуальным потенциалом. Последний востребован именно как некая интегративная целостность. В жизни современного общества возрастает роль науки, образования, новых, в том числе информационных, технологий — всего, что имеет отношение к интеллектуальному потенциалу. Переход развитых стран от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу, экономика которого основана на знаниях (интеллектуальная экономика), также выдвигает на первый план интеллектуальную составляющую человеческой деятельности.

Сложные и многообразные проблемы сохранения и использования интеллектуального потенциала страны порождают нынешние условия России. Из того социально-экономического тупика, куда она была загнана гайдаровскими «реформами», ей — огромной и мощной державе — по статусу положено выбирать, опираясь в первую очередь на собственные силы и средства, что, конечно, не равнозначно изоляционизму. В современную эпоху политика изоляционизма архаична. Речь о том, что варианта «плана Маршалла» для России не предвидится. Да и недостойно нам возлагать надежды на богатого дядюшку.

Откуда же черпать эти силы и средства? Промышленность и сельское хозяйство страны во многом разрушены, а выход из кризиса возможен лишь на путях экономического роста.

Источниками дохода для России могут быть имеющиеся у нее огромные ресурсы минерального сырья. Развивая добывающую промышленность и организуя экспорт сырья страна может получить необходимые средства (если их не разворуют, если они не утекут за рубеж) для активизации экономики. Находятся, аналитики, эксперты, подбрасывающие идею, что Россия обречена двигаться именно по этому «сырьевому пути». По мнению этих «аналитиков» страна выйдет из кризиса, если отдать приоритет добывающей промышленности, создать ей необходимую инфраструктуру, вложить капитал, ориентировать на нее науч-

ные исследования и разработки, систему специального образования и т.п. Это ясно видимое направление и тем более очевидное, что Россия фактически по нему уже движется, «радикальной перестройки экономики не происходит: значительная часть промышленного роста в 1999 году (почти 76%) была обусловлена производством продукции, поставляемой на экспорт (нефти, газа, алюминия, редкоземельных элементов и т.д.), в то же время финансовая ситуация остается стабильной только вследствие высоких мировых цен на сырье и сохраняется критическая зависимость страны от постиндустриального мира»². Последняя фраза как раз говорит о бесперспективности этого пути для России. Скорее он ведет не к ее благополучию, а к превращению в сырьевой придаток Запада. Но у России есть и другое уникальное богатство — интеллектуальный потенциал. Почему власти предрекающие на него не обращали должного внимания? Не следует ли именно ему отдать приоритет и из него сделать главную опору в деле преодоления кризиса? Не этот ли подход предпочтительнее? Для ответа на эти вопросы требуется прежде всего оценить современное состояние ее интеллектуального потенциала.

II

Начнем с образования. В России 99% населения владеют грамотой, 87,6% от соответствующей возрастной группы обучаются в средней школе (примерно 23 место; данные 1997 г.). Около половины принятых в вузы России в 1995 г. поступило в научные вузы, что обеспечило ей по этому любопытному показателю фактически первое место в мире³. В 2000 г. в государственных вузах России обучалось 4270,0 тыс. студентов (в негосударственных 470,6), было принято 1140,3 тыс. человек и выпущено 578,9 тыс., что превысило все показатели за последние 30 лет. На 10 000 человек населения приходится 327 студентов. Численность профессорско-преподавательского состава только государственных вузов составляет свыше 265 тыс. человек.⁴ Эти цифры свидетельствуют, что система образования в России находится на достаточно высоком уровне, и во всяком случае по приведенным показателям Россия не уступает самым развитым странам. Единственно от чего образование сильно страдает, это недостаток финансирования. В первой половине 90-х гг. среднемировой уровень расходов на образование составлял примерно 5% от ВВП. В России этот показатель ниже среднемирового. Но

несмотря на резкое сокращение материального обеспечения системы образования в 90-е гг. удалось предотвратить ее распад и сохранить образовательный потенциал страны. Общеизвестно хорошее качество образования в России, особенно в области естественных и точных наук. Сейчас готовится реформа образования, в частности, введение 12-летнего срока обучения в средней школе, чтобы приблизить последнюю к европейским стандартам, но пока неясно, насколько адекватны условиям России предлагаемые реформы. И хотя далеко не все благополучно в системе и состоянии образования, в том числе вузовского, вывод о том, что Россия — страна с грамотным населением и достаточно высокой планкой среднего и высшего образования, в общем, можно считать убедительным.

Уровень образования и состояние науки в стране связаны напрямую. Но наука менее инертна, чем система образования и за годы реформ она претерпела весьма существенные изменения. Более, чем вдвое (на 55%) сократилась численность научного персонала и составила в 2000 г. 887,7 тыс. человек, из которых исследователей менее половины — 425,9 тыс.⁵, причем, отечественная наука теряла и квалифицированных специалистов («утечка мозгов»). Произошло, старение научных кадров, ибо ослаб приток молодежи, в результате чего по многим направлениям остро встала проблема преемственности научных поколений. Перестало обновляться научное оборудование, что негативно влияло на исследовательскую активность. А ведь наука, в особенности фундаментальная — основа основ и современного образования и технологии, т.е. интеллектуального потенциала в целом. Значительно снизился престиж науки и научного труда, который в советские времена был достаточно высок. Так, социологические опросы, проводившиеся в 1996 и 1999 гг. с целью выяснения рейтинга различных профессий, выявили следующую картину предпочтений: наиболее уважаемой профессией 50% опрошенных (в 1996 — 46%) назвали предпринимательство. Рядом идут журналисты и торговцы — 15 и 14%. Ученые, военнослужащие и инженеры занимают последние места — соответственно 5, 4 и 2%. Причем рейтинг научных работников снижается до последнего времени, т.к. в 1996 г. он равнялся 6%⁶. Не в последнюю очередь все эти негативные последствия связаны с многолетним мизерным государственным финансированием науки и, соответственно, с низкой оплатой научного труда.

В финансовом отношении наука оказалась зажатой в тиски и с другой стороны. Чудовищная приватизация и упадок производства лишили его стимулов к обновлению технологии. Потребность в использовании научно-технических разработок свелась к минимуму. Сокращение бюджетных ассигнований дополнялось отсутствием заказов, а, следовательно, и финансирования со стороны и государства и производства. От этого особенно пострадала отраслевая наука, занимавшаяся технологическими разработками. После 1993 г. в два с лишним раза уменьшилось число конструкторских бюро, а проектных организаций — в 4 раза⁷. Большой урон понесла и наука ВПК.

Перед российской наукой встала проблема элементарного выживания. И эта проблема была решена. Ныне в России более 4000 организаций выполняют научные исследования и разработки. Их число несколько уменьшилось по сравнению с началом 90-х гг. Конечно, научно-технический потенциал страны значительно ослаб. Но несмотря на все потери, несмотря на неблагоприятный климат для научной работы, несмотря на равнодушие власти, несмотря на невостребованность науки государством, обществом, производством, наука России существует, держится и работает. У нее появились новые источники финансирования. В 2000 г. бюджетные ассигнования покрывали 53,7% расходов науки (в 1997 эта цифра равнялась 59,6). Главными дополнительными источниками стали средства, заработанные самими научными организациями, средства организаций предпринимательского сектора, внебюджетных фондов и полученные от иностранцев. В сумме они дали остальную часть!⁸ Это означает, что наука борется за свое существование, что пока наука выжила, но ее дальнейшее существование будет зависеть прежде всего от научной политики государства. Если она будет прежней, наука может не выстоять и перейдет тот критический рубеж, за которым восстановление ее потенциала практически станет невозможным. Если политика изменится и поддержка науки станет государственным приоритетом, судьба ее будет другая. Эта поддержка имеет несколько направлений, но главное — резкое повышение финансирования. За последнее десятилетие доля науки и научного обслуживания в ВВП снизилась с 3% ВВП (1989–1990 гг.) до 0.5–0.8%. Затраты на исследования и разработки в России в расчете на душу населения составляют 66 долларов (в Греции 66,5), в США 842,3, в Германии 527,4, в Великобритании 397,7 и т.д.⁹ Видимо, эти и подобные цифры

дали основание кому-то на Западе сделать вывод, что Россия относится к группе государств «с малым научным потенциалом»¹⁰. Хотя научный потенциал России действительно ослаб, с этим выводом согласиться нельзя. Его сделали люди, плохо знающие нашу страну, реальное состояние ее науки.

По мнению Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, для того, чтобы обеспечить нормальное функционирование гражданских и военных НИОКР, соответствующие расходы должны быть увеличены не менее, чем втрое. И нужен благоприятный климат для научной деятельности в правовом, социально-экономическом и социокультурном плане.

Третья составляющая интеллектуального потенциала — технологическое применение науки, создание инновационного продукта, развитие научно-технической и инновационной деятельности. Надо сказать, что ее состояние не поддается однозначной оценке. С одной стороны, это слабое звено. Как известно, в советский период так и не была налажена эффективная связь науки и производства, использование нововведений («внедрение») проходило с большим трудом, т.к. производство не было в этом заинтересовано. В итоге по своему технологическому уровню наша гражданская промышленность и сельское хозяйство намного отстали от Запада. Вместе с тем, на предприятиях ВПК дело обстояло значительно лучше. Показательно, что их разработки котируются до сих пор. Казалось бы, реформы должны были сохранить достижения и преодолеть этот недостаток прежней системы. Но все вышло наоборот. В 90-е гг. связь науки и производства вообще заглохла, предприятия в абсолютном большинстве отказывались заниматься технологическим обновлением производства. Причины были разные, в том числе недостаток средств. Лишь 5% предприятий в стране оснащены «по последнему слову техники». Удельный вес затрат на технологические инновации на предприятиях, проявляющих инновационную активность, в среднем находится на уровне 4,5-5% от стоимости выпускаемой ими продукции. По данным статистики в 2000 г. в России было создано 688 передовых производственных технологий (в том числе 72 принципиально новых). Из них 190 в промышленности (принципиально новых лишь 25), 123 — в системе высшего образования и 375 в сфере науки и научного обслуживания¹¹. Правда, это несколько ниже показателей 1997 г. из-за августовского кризиса, но разница не столь существенна. В целом же для России цифры мизерные.

Итак, можно полагать, что интеллектуальный потенциал России остается достаточно развитым. Он частично деградировал, но еще не утерять способности обеспечить современный уровень образования, а по некоторым направлениям также научный и технологический прогресс. Однако и этот потенциал по ряду причин задействован не полностью.

III

История нашей страны сложилась таким образом, что на рубеже веков и тысячелетий она, подобно легендарному богатырю, оказалась на перепутье: куда и как двигаться дальше. С 1993 г., когда уже появились признаки кризиса, и по сей день российское общество жило без перспективной стратегии, которая одна способна придать должную целенаправленность текущей политике. В апреле 2002 г., наконец, этот стратегический выбор был сделан. Подписав «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологии на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», Президент России принял судьбоносное для страны решение в пользу инновационного пути ее развития. Будущее интеллектуального потенциала России напрямую зависит от избранного ею пути. Как известно малопродуктивный образ жизни вреден для здоровья. Движение, активность — важнейший фактор поддержания жизненного тонуса. Также и интеллектуальный потенциал: если он не используется, то начинает чахнуть. Но степень его реализации зависит от его востребованности обществом и государством. Создание инновационной экономики и есть тот путь, на котором он был бы максимально использован в интересах страны. А польза может быть от него великая.

Наука может разрабатывать и предлагать различные сценарии дальнейшего развития, но вопрос о том, какие идеи лягут в основу реальной политики и какова будет политика, решается в других сферах. Это имеет и свою положительную сторону: ученые свободны в выработке вариантов, могут исходить, как это и подобает в науке, из существа проблемы, а не руководствоваться какими-либо посторонними соображениями, не подлаживаться к чьим-либо частным интересам. Наука в идеале способна представлять обоснованные аргументированные предложения и к ее данным (тоже в идеале) должны прислушиваться те, кто уполномочен осуществлять стратегический выбор наилучшей для страны в современных условиях модели развития.

Как свидетельствуют появляющиеся в печати высказывания видных российских ученых и организаторов науки, научное сообщество уже давно склонялось к тому, что модель развития с опорой на интеллектуальный потенциал, т.е. инновационная модель, является оптимальной для современной России. Четко и лаконично выразил эту мысль наш нобелевский лауреат Ж.И.Алферов: «...Все должны понять уже теперь: будущее России — это наука и технологии, а не распродажа сырья»¹².

Из всех возможных сценариев развития именно инновационный наилучшим образом решает задачу активной и полноценной реализации интеллектуального потенциала страны. Если данная установка принимается, то *стимулирование инновационной деятельности* становится не просто важной, но коренной проблемой антикризисной политики. Ее решение — задача в первую очередь политическая и социально-экономическая.

Чтобы наука и технология смогли на выходе давать инновационный продукт, необходимо создать в стране *инновационную систему*, в рамках которой достижения науки перевоплощаются бы в новые технологии, устройства, продукты, удовлетворяющие запросы сферы потребления — производственного или непроизводственного. Поэтому данная система является инновационной¹³. Она объединяет науку, технологическую сферу и наукоемкое производство.

Эффективность системы зависит в первую очередь от уровня развития задействованного в ней интеллектуального потенциала. Но если он уже задан, то решающим становится наличие организационного механизма, обеспечивающего протекание потоков необходимой информации между звеньями инновационного процесса. Это будет социально-экономический механизм, образующий инфраструктуру инновационной системы. Исторический опыт показал, что наиболее динамичной и эффективной является инновационная система, основанная на принципах рыночной экономики. Все экономически развитые страны создали у себя системы, в которых важную роль играет технологический рынок. Он выполняет две основные информационные функции. Во-первых, отражает потребность в инновациях, что важно для их создателей, т.к. продукт имеет смысл производить, если на него есть спрос. Во-вторых, рынок обеспечивает «обратную связь» — мнение потребителя о качестве изделия, что служит основанием для дальнейших действий производителя: отказаться от изделия, либо совершенствовать его и т.п. В финансировании инно-

вационной деятельности велик удельный вес частного капитала. Весьма важную роль в обеспечении нормального функционирования инновационной системы выполняет государство. Оно создает для нее правовые нормы, регулирует в соответствии с ними инновационную деятельность, берет на себя часть расходов по ее финансированию. Значительный вклад в создание инновационного продукта вносит малый инновационный бизнес. Таковы основные характеристики инновационной системы. И они варьируются от страны к стране. Термин «система» здесь важен в двух отношениях. Долговременный эффект достигается не за счет отдельных удачных результатов или спорадических связей между наукой и производством, а тогда, когда поддерживается устойчивый уровень инновационной активности в масштабах страны, и, во-вторых, когда инновационная деятельность организационно упорядочена и между составляющими системы установлены прямые и обратные связи.

Перед Россией стоит задача формирования такой системы. Трудности огромные. Прежде всего, отсутствует потребность в инновациях, т.к. не работает экономика. Наука и научно-техническая сфера остаются невостребованными. Сократилось число предприятий, способных производить наукоемкую продукцию. Нет технологического рынка. Очень малые средства вкладываются в разработку инновационного продукта, а развитие инновационной деятельности требует значительных инвестиций. Правда, экономисты уверяют, что проблема разрешима и деньги найти можно. Не хватает знаний и опыта в области управления инновационной деятельностью в условиях рыночной экономики. Но этот недостаток может быть преодолен в процессе создания рыночной инфраструктуры инновационной системы.

Условием формирования эффективно действующей инновационной системы является устранение доставшихся в наследство организационных барьеров между структурами интеллектуального потенциала как целостного образования. Решение этой проблемы становится важной задачей общества и государства. Прежде отдельные и даже вполне успешные попытки (были и такие) преодолеть разрыв между наукой и производством, наукой и образованием в масштабах страны не дали должного эффекта. Производство оставалось «глухим» к потребностям модернизации. Этот разрыв отчасти объясняется действием характерного для советской системы управления феномена

«ведомственности», создававшим серьезные препятствия для установления взаимосвязей между составляющими инновационного процесса. Между тем, интеграция основывается на непрерывном обмене информацией. Последняя является той силой, которая объединяет и скрепляет все составляющие интеллектуального потенциала и образует из них должную целостность. Подход к проблемам научно-технологического развития с точки зрения интеллектуального потенциала является предельно современным и потому, что выдвигает на первый план значение и важность информации. Обеспечение и сохранение целостности интеллектуального потенциала предполагает устранение любых препятствий и барьеров на пути обмена необходимой информацией.

Активизация инновационной деятельности — в чем Россия остро нуждается — требует создания интеграционных организационных форм. Чрезвычайно печально, если реформирование интеллектуальной сферы сведется к копированию западных образцов. Лишь с учетом особенностей страны можно будет добиться реального усиления инновационного потенциала, который входит в современном мире в число важнейших критериев цивилизационного развития. Я согласен с предложением, что «отдельно стоит выделить ось, отражающую уровень инновационности общества (в частности, состояния образования, науки, телекоммуникаций, венчурного производства, структур гражданского общества и т.д.), без существенного повышения которого нет никаких оснований надеяться на становление в России информационного общества, пусть даже в отдаленном будущем»¹⁴

Если в научном сообществе идея создания национальной инновационной системы как необходимого условия перехода России на инновационный путь развития находит все больше сторонников и становится все более популярной, то до последнего времени ни политика, ни СМИ не ориентировали общество на движение именно по этому пути. Поэтому, как свидетельствуют социологические опросы, общественное сознание не воспринимает науку и новые технологии в качестве важнейших факторов экономического роста. Конечно, каждому со школьных лет известно, что современное производство нуждается в применении науки, и от 70 до 80% респондентов обращают внимание на недостаточность финансирования науки, образования, внедрения новых технологий, но в ответах на вопрос: «Что будет иметь ключевое значение для экономического роста?» большинство ставит на первое место политико-правовые факторы. Науку назвали лишь 17% опрошенных, а внедрение новейших технологий — 22%¹⁵. Конечно, значение

соблюдения законов и политической стратегии для роста экономики нельзя недооценивать. Но все-таки это элементы комплекса необходимых предпосылок роста, а технологии определяют его темпы и направленность.

Создание благоприятного климата для развития научно-технической и инновационной деятельности, для укрепления и реализации интеллектуального потенциала требует перенастройки социокультурных ценностных ориентаций общества, которое еще полностью не готово принять этот путь развития. Но это все же временное явление.

Главное же то, что у нас имеются ученые, инженеры, конструкторы, квалифицированные рабочие — подготовленные кадры, способные создавать инновационный продукт.

Образование-наука-технология — та триада, опираясь на которую и используя рыночные механизмы, при правильной общей стратегии можно осуществить рывок, подняться на качественно новый уровень технологического развития и экономического роста, в исторически короткие сроки войти на равных в клуб экономически развитых государств мира. Этот оптимистически звучащий вывод станет реальностью только в том случае, если государство российское, приняв инновационный путь развития и не только декларирует эту стратегию, но сделает ее основой своей экономической политики и будет ее проводить последовательно и эффективно, опираясь на поддержку общества.

Примечания

- ¹ Российское общество и современный политический процесс. Аналитический доклад // Обновление России: трудный поиск решений. Выпуск 6. М., 1998. С. 28.
- ² *В.Иноземцев, Е.Кузнецова.* Социодинамика хозяйственных систем в XX столетии // Свободная мысль, 2001, №1. С. 24.
- ³ Доклад о развитии человека за 1999 г. Нью-Йорк. 2000. С. 177.
- ⁴ Наука России в цифрах. Статистический сборник. ЦИСН. М., 2000. С. 16, 18, 21.
- ⁵ Наука России в цифрах. Статистический сборник. ЦИСН. М., 2000. С. 28.
- ⁶ Там же. С. 112.
- ⁷ Там же. С. 11.
- ⁸ Наука России в цифрах. Статистический сборник. М., 2001. С. 49.
- ⁹ Наука России в цифрах. Статистический сборник. ЦИСН. М., 2000. С. 130.
- ¹⁰ А мы еще хотим сенсаций // Российская газета, 15.02 2001, Наука России в цифрах. Статистический сборник. ЦИСН. 2000. С. 16, 18, 21.
- ¹¹ Наука России в цифрах. М., 2001. С. 89, 90.
- ¹² «Труд», 12.10.2000
- ¹³ Подробнее об этом см. В.Ж. Келле. Инновационные системы. Типология и эффективность // Свободная мысль, 1997. №7. С. 70-80.
- ¹⁴ *Т.И.Заславская.* О некоторых методологических вопросах исследования современного российского общества // Куда идет Россия?.. М., 1999. С. 139.
- ¹⁵ Наука России в цифрах. Статистический сборник. М., 2000. С. 104.

Г.Л.Смолян, В.Н.Костюк

Информационный капитал как важная составляющая интеллектуального капитала

Вопрос об отечественном информационном капитале возник при рассмотрении вопроса о вступлении России в ВТО как некоторый аспект международных торговых отношений применительно к информации. Хотя возможность употребления термина «информационный капитал» подвергалась сомнению, поскольку он не присутствует в словарях и не используется в научной литературе, тем не менее, эксперты пришли к мнению, что проблема отечественного информационного капитала существует и это не проблема покупки-продажи информационных товаров или услуг. Суть проблемы состоит в том, что на сегодняшний день информация как капитал, как ресурс, порождающий капитал, не находится в рыночном экономическом пространстве и во многих случаях информационные ресурсы стоят не дороже, чем средства их хранения. Поэтому было предложено синтезировать различные подходы к пониманию информационного капитала, прежде всего с тем, чтобы найти предмет для законодательной инициативы, для внесения ряда поправок в действующее законодательство, в том числе и в Закон «Об информации, информатизации и защите информации», в Гражданский кодекс.

Однако правомерность использования термина «информационный капитал» требует более серьезной аргументации и выделения тех сторон его содержания, с которыми можно работать практически.

В настоящее время появился ряд предпосылок возникновения и употребления этого понятия. Прежде всего, это широкое использование в научной и научно-популярной литературе и

особенно в речевой практике таких понятий и выражений, например, информационное богатство, информационный потенциал, информационный ресурс, которые облегчают смысловые ассоциации с понятием капитала.

Информация и знания рассматриваются как новый фактор производства; наряду с товарными рынками и рынком капитала появился информационный рынок. Инновационный капитал не мыслим без опоры на развитую информационную инфраструктуру и оказывает мощное влияние на реальный и денежный сектора экономики. Знания, квалификация, профессионализм, способность к творчеству рассматриваются как новые важные характеристики предложений на рынке труда. Часто утверждают, что общество располагает четырьмя видами ресурсов: природные богатства, труд, капитал и информация. Наконец, стало очевидным, что обладание информационным превосходством позволяет быстро получать геополитические, экономические и другие преимущества. Все это делает обоснованным обращение к понятию «информационный капитал», однако требует серьезного анализа контекста, в котором это понятие действительно целесообразно использовать.

Необходимо иметь в виду, что научное понятие капитала как такового, как самовозрастающей стоимости, употребляется только в политико-экономическом смысле, в других же случаях – лишь как метафора. В политико-экономическом смысле капитал существует в трех формах: денежной, физической и человеческой, причем денежная форма является основной, позволяющей переводить капитал из одной формы в другую. В собственно экономическом контексте в развитых странах капитал – главная налогооблагаемая база. Понятно, что прямой перенос этого экономического смысла на понятие информационного капитала вряд ли возможен.

По нашему мнению, «информационный капитал» – это общенаучное понятие, означающее «общественное информационное богатство» и выступающая как синоним «информационного потенциала общества», качественно характеризующая это богатство, этот потенциал. Все эти понятия являются наиболее общими для сферы информационной деятельности. Понятие «информационного капитала», вследствие своих ассоциативных связей, открывает возможности более привычного оперирования понятиями «сохранения», «накопления», «преумножения», «защиты», «эффективного использования» и т.п.

В этом общенаучном контексте информационный капитал можно разделить на следующие образования (составляющие):

1. Информационные ресурсы общества во всем многообразии их форм, источников, способов производства, распространения и использования.

2. Интеллектуальный потенциал общества, формирующийся на основе систем общего и профессионального образования, фундаментальной и прикладной науки, техники и технологий, общей и информационной культуры.

3. Материальная база информационного производства, распространения и потребления информационных продуктов и услуг (соответствующие отрасли промышленности и информационно-коммуникационная инфраструктура).

4. Правовая база (система информационного законодательства) информационного производства, распространения и потребления информационных продуктов и услуг.

5. Часть духовной сферы общественной жизни, формирование и развитие которой обусловлены деятельностью средств массовой информации.

Каждая из этих составляющих имеет свою специфику организации, функционирования и развития и эта специфика должна быть отражена в направлениях государственной информационной политики, ориентированной на сохранение и преумножение информационного капитала российского общества.

В целом сегодня оказывается принципиально важным осознание того факта, что информацией можно владеть, распоряжаться, пользоваться и что на нее распространяются категория собственности. Само это обстоятельство заслуживает специального анализа, поскольку действующее законодательство не устанавливает в полном объеме порядок распределения прав, ответственности и обязанностей собственников информации (будь то государственные или предпринимательские структуры, отдельные граждане).

Еще один аспект использования понятия «информационного капитала» связан с представлением об «инновационном капитале», охватывающем широкий спектр научно-технической информации и производственно-технологических решений, обуславливающих возникновение и распространение инновационного потока как важнейшего фактора индустриального развития. Трудности анализа проблемы инновационного капитала

обусловлены как транснациональным характером его распространения, так и сегодняшними российскими особенностями, порождаемыми неустойчивыми рыночными отношениями.

Сам контекст использования понятия «информационного капитала» подразумевает развитие процессов коммерциализации информации. Однако государство должно видеть границы этого процесса и в рамках государственной информационной политики должно быть определено, какая часть государственных и общественных информационных ресурсов должна предоставляться бесплатно и в свободном доступе.

Следует обратить внимание на еще один перспективный срез тематики «информационного капитала». Он относится к рассмотрению информационного общества через экономическую призму, в частности к следующей его характеристике: информационное общество возникает тогда, когда стоимость товаров и услуг, производимых посредством постоянно обновляемых информационных технологий, составляет более половины ВВП и постоянно растет. Здесь принимается очевидное обстоятельство – общество функционирует в режиме постоянных изменений, для стабильного функционирования его требуется огромное количество социально значимой информации, которая порождается не только и даже не столько социальными структурами, сколько индивидуальной активностью и индивидуальным знанием миллионов людей. В этой ситуации информационный капитал приобретает общественное значение.

Собственно экономическая интерпретация «информационного капитала» с платформы информационного общества состоит в следующем.

В классической экономической науке капитал понимался в вещественной форме: как совокупность вещей (земля, здания, машины, сырье), способных посредством приложения труда увеличивать богатство (доход). Такое определение капитала является правильным для экономики, в которой уровень развития производства, измеряемый потенциальным выпуском, незначителен и основные события происходят в сфере производства. При значительном увеличении потенциального выпуска (возможностей экономики производить товары и услуги) основные события начинают происходить не в реальном, а в номинальном секторе, в котором накапливается невещественное богатство, трансформирующее потенциальный выпуск в фактичес-

кий. Экономика становится более денежной, а капитал в денежной форме выступает посредником между прошлым и будущим богатством.

Это значит, что экономика становится зависящей не только от того, что происходит на рынках уже существующих капиталов и услуг труда, но и в значительной степени от того, что происходит на рынках *будущих* товаров, услуг и капиталов. Последние еще не существуют реально и могут быть представлены только в денежно-информационной форме. Денежный рынок и рынок капиталов дополняется быстро развивающимися рынками знаний и срочных контрактов. Используемая на них информация понимается трояким образом: как профессиональные знания предпринимателя и работника, как технологические знания и как предположения относительно будущего положения дел. Такие знания в целом определяют информационное преимущество отдельных индивидов и составляют основу того, что можно назвать «человеческим капиталом» с высокой долей профессиональной и интеллектуальной собственности. В той степени, в какой «человеческий капитал» зависит от достигнутого уровня образования и науки, последние становятся решающими факторами производства, и текущий уровень образования и науки превращается в критерий конкурентоспособности экономики.

Понятие «информационный капитал» в проекте Концепции государственной политики не использовалось. При уточнении и дополнении Концепции это понятие следует использовать во всех указанных выше смыслах.

Выводы:

1. Задачи формирования, накопления, распространения и коммерческого использования внутри страны и за рубежом национальных информационных ресурсов следует отнести к задачам общегосударственного значения.

2. В рамках существующего законодательства отсутствуют многие нормы, регулирующие владение, распоряжение, распространение и передачу национальных информационных ресурсов, представленных на рынке, что создает возможность неконтролируемого вывоза ценных информационных ресурсов за рубеж, бесконтрольной продажи и перепродажи информации из государственных информационных ресурсов, организации высокоприбыльного частного бизнеса на государственных информационных ресурсах.

3. Государство должно располагать инструментом, позволяющим достоверно оценивать информационный (человеческий в широком смысле) капитал общества и на этой основе осуществлять плановые, регулирующие и контролирующие функции в экономике в целом и в сфере информационной деятельности, в частности.

4. Необходимо формирование активной российской позиции по сотрудничеству с информационными структурами ЕС и мирового сообщества в области информационного капитала.

5. Первоочередной задачей следует считать разработку системы нормативно-правового обеспечения работ по сохранению, преумножению и эффективному использованию отечественного информационного капитала.

ЧАСТЬ II. СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Г.М.Зараковский

Качество населения в аспекте качества жизни: возможные показатели и методы их оценки

В последние годы проблема качества жизни стала ведущей темой многих публикаций социологической, психологической, экономической и даже политической направленности [1,2,3,4]. Это связано с поиском новой концепции устойчивого прогрессивного развития цивилизации. Одновременно ведутся поиски способов измерения качества населения [5,6]. Однако, несмотря на достаточную очевидность взаимосвязи качества жизни и качества населения, работ, посвящённых раскрытию характера этой взаимосвязи, найти не удалось. С целью некоторого восполнения этого пробела написана настоящая статья.

Под **качеством жизни** будем понимать интегральное свойство жизнедеятельности людей – уровень соответствия характеристик жизненных процессов и их текущих результатов позитивным потребностям индивидов или их сообществ – социумов.

Качество населения (КН) – распространённое в демографии и социологии понятие. Но существуют разные его трактовки. Наиболее обоснованной представляется трактовка КН, предложенная Я.И. Рубиным [7]. Он считает, что КН складывается из трёх компонентов: характеристики, структуры, потенциалы.

Характеристики – это здоровье, уровни общеобразовательной подготовки, профессиональной и общей культуры (с множеством «подкультур» – нравственной, трудовой, языковой, политической и др.).

Структуры населения: демографическая, экономическая, социальная и др.

Потенциалы – комплексные свойства, формирующиеся из характеристик и структур, и образующие, в зависимости от комбинаций, разные потенциалы населения: созидательный, духовный и др.

Таким образом, **качество населения** можно рассматривать как его интегральное свойство, создающее потенциальную возможность осуществлять жизнедеятельность

Более содержательно понятие потенциала населения раскрыто в нашей концепции жизненного (или «человеческого») потенциала [8,9].

Жизненный потенциал – интегральное свойство индивида или социума, лежащее в основе его способности к продуктивной жизнедеятельности, то есть, такой жизнедеятельности, которая обеспечивает сохранение жизни и повышение её качества в расширяющихся границах внутренних и внешних условий.

Жизненным потенциалом обладает каждый отдельный человек и любой социум – от производственного коллектива или слоя общества до населения Земли в целом. Применительно к социумам следует использовать термин «**популяционный потенциал**».

Жизненный потенциал складывается из базового и духовно-деятельностного потенциалов. Первый включает в себя анатомо-физиологический статус и здоровье, второй – психофизиологический и культурный потенциалы.

Под **популяционным психофизиологическим потенциалом** (ППП) понимается системное свойство социума, возникающее на базе интеграции психологических и физиологических свойств людей, образующих данный социум. ППП включает в себя личностную, интеллектуальную и адаптивно-ресурсную составляющие.

Личностная составляющая складывается из потребностей, темперамента и характера.

Культурный потенциал является «надстройкой» над ППП и включает в себя общую и специфическую (например, национальную, религиозную, корпоративно-профессиональную) культуру.

Жизненный потенциал – устойчивое, весьма инертное свойство, можно сказать, типологическое свойство населения. Но возможность реализации потенциала в актуальной жизнедеятельности существенно зависит от более динамичного свойства – психического состояния населения.

Таким образом, для построения показателей КЖ и определения взаимоотношений КЖ и КН следует рассматривать четыре компонента в составе интегрального показателя качества на-

селения (или жизненного потенциала населения): показатели потребностей, популяционного анатомо-физиологического статуса и здоровья, духовно-деятельностного потенциала и психических состояний.

В этом перечне структура потребностей поставлена на первое место потому, что именно она, так сказать, по определению, задаёт весь спектр показателей и критериев КЖ.

Нормальный анатомо-физиологический статус и здоровье являются базовой универсальной потребностью и одновременно условием существования и реализации духовно-деятельностного потенциала.

Духовно-деятельностный потенциал создаёт возможность специфически человеческой жизнедеятельности, в том числе, лежит в основе активного формирования людьми того или иного уровня КЖ

Психические состояния играют роль либо регулятора жизнедеятельности в форме функциональных состояний, определяющих ситуационную дееспособность человека (населения), либо оценщика качества жизни в форме субъективного отражения и переживания процесса жизнедеятельности.

В общем виде взаимосвязи между КН и КЖ можно представить в виде блок-схемы, изображённой на рис. 1.

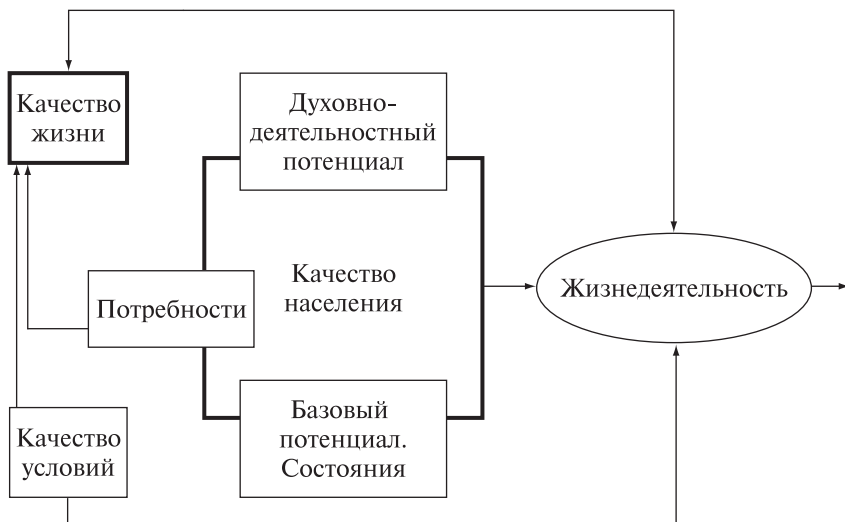

Рис. 1 Взаимосвязь КН и КЖ в системе жизнедеятельности

В приведенной блок-схеме, помимо рассмотренных блоков (КЖ и КН), появился ещё один блок – качество условий жизнедеятельности (КУ).

Под **качеством условий жизнедеятельности** понимается интегральное свойство всех внешних по отношению к человеку (населению) факторов, от которых зависит характер жизнедеятельности, а именно:

- средства деятельности (технические, технологические, информационные, социально-организационные);
- культурная среда (материальная, духовная);
- природная среда;
- ресурсы (финансовые, энергетические, сырьевые).

В существующих интегральных показателях КЖ (например в принятом в ООН показателе «Развития человеческого потенциала») смешивают прямые показатели, т. е. параметры самой жизнедеятельности, и косвенные показатели, каковыми являются показатели условий жизнедеятельности и, частично, качества населения. Для решения задачи только оценки КЖ разведение названных групп показателей не является обязательным. Но для выявления причин того или иного уровня КЖ и определения путей его повышения следует различать зависимые и независимые переменные, т. е. исследовать и определять в явном виде функционалы:

$$\text{КЖ}=\text{F}(\text{КН},\text{КУ}) \text{ или } \text{КН}=\text{f}(\text{КЖ},\text{КУ}).$$

Качество жизни определяется через соответствие параметров жизни потребностям людей. Это соответствие может проявляться в двух формах. Первая форма – переживание людьми удовлетворенности-неудовлетворённости процессом и результатами своей жизнедеятельности. Вторая форма – объективная или внешняя субъективная (т. е. экспертная) оценка потенциалов людей по отношению к объективным критериям анатомо-физиологического статуса и здоровья или к квазиобъективным (т.е. нормативно принятым обществом) критериям: нормам морали, ценностям и результатам жизнедеятельности.

Таким образом прямыми индикаторами КЖ могут быть субъективные и объективные оценки фактического состояния (уровня) названных выше соответствий. Но могут быть и косвенные индикаторы КЖ, как потенциальной возможности достижения того или иного уровня соответствия параметров жизнедеятельности актуальным потребностям населения вследствие наличия необходимого для этого КН и КУ.

Из сделанного анализа видно, что качество населения в аспекте качества собственной жизни выступает в двух ролях: как мера КЖ и как причина определённого уровня КЖ. Поэтому без введения измеримых показателей КН проблему КЖ конструктивно решать невозможно.

Операционализацию таких показателей можно осуществить на основе рассмотрения тех характеристик, из которых складывается КН.

Структура этих характеристик населения представлена в виде блок-схемы на рис. 2. Она положена в основу группировки показателей по последующим разделам, где каждая группа характеристик рассмотрена с позиций определения измеримых индикаторов-показателей и методов их оценки.

Потребности

Потребности классифицируют по разным основаниям. Применительно к задаче определения взаимосвязей между КН и КЖ целесообразно рассматривать два базовых класса потребностей – первичные (анимальгенные), т. е. свойственные человеку как представителю животного мира, и вторичные (антропогенные) – специфически человеческие потребности. Такому подходу больше всего соответствует **классификация потребностей, предложенная А. Маслоу**. Он выделил пять групп потребностей, расположив их в порядке от самых неспецифичных для человека (потребности «нужды») до самых специфичных (потребности «роста»):

– физиологические потребности (голод, жажда, сексуальная потребность);

– потребности в безопасности (стремление к защищённости от неблагоприятных воздействий среды, от агрессии других живых существ, избежание боли т. д.);

– потребности в социальных связях (потребности в любви, в принадлежности к определённой социальной группе, потребность в общении);

– потребности самоуважения (потребности в ощущении самобытности, самостоятельности, в достижении признания со стороны других людей, в одобрении);

– потребности в самоактуализации (потребность в реализации своих стремлений, способностей, возможностей, стремление понять смысл жизни и социальных ценностей).

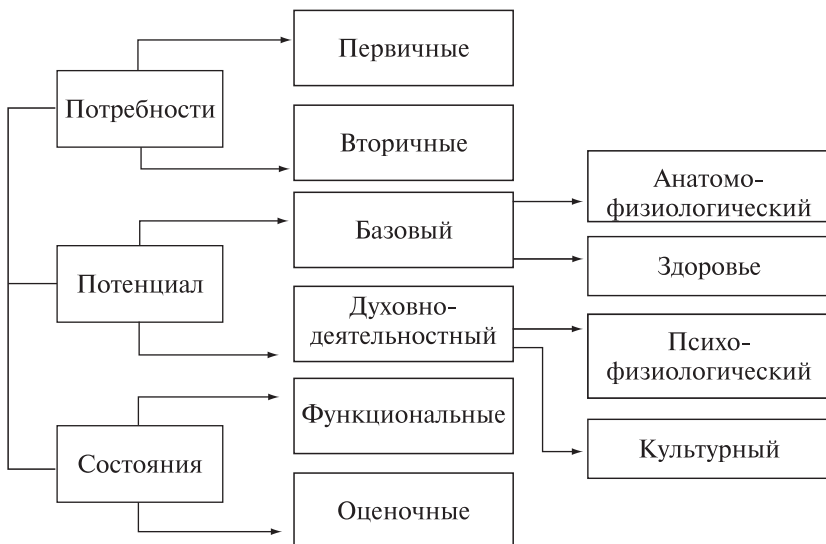

Рис. 2. Структура характеристик качества населения

На основе приведенной классификации В.Э. Мильман разработал тест «**Мотивационный профиль личности**» [10]. Получаемый с помощью этого теста профиль состоит из семи первичных шкал и двух вторичных, разделяющих всех людей на два типа по доминирующей мотивационной тенденции: производительный тип или потребительский.

Потребности, относящиеся к классу вторичных, включают в себя ценности (ценностные ориентации), относящиеся к разным областям жизнедеятельности. Рассмотрим те из них, которые наиболее соответствуют сформулированным выше представлениям о КН.

Ценности повседневной жизни

Эти ценности характеризуют те стремления, желания, которые присущи большинству людей, независимо от социального устройства общества.

Наиболее распространённым методом их выявления считается *опросник М. Рокича* [11]. Различают два класса ценностей: *терминальные* (цели, к которым стремится человек) и *инструментальные* (средства, способы движения к цели). В каждом классе имеется по восемнадцать позиций.

Полезность использования данного метода для решения задач КН – КЖ можно продемонстрировать на примере выявления связи структуры терминальных ценностей с уровнем экономического статуса человека. В таблице 1 представлены результаты обследования 314 человек, выполненного А.Л. и Н.А.Журавлёвыми [12].

Таблица 1

Распределение рангов терминальных ценностей у лиц с разным субъективным экономическим статусом (в баллах от 1 (самый низкий) по 6 (самый высокий)). Приведены средние значения рангов. (по [12])

Ценности	Уровень субъективного экономического статуса					
	1	2	3	4	5	6
Здоровье	1,87	2,01	2,15	2,98	2,16	4,14
Друзья	5,37	6,00	5,40	5,22	5,20	4,86
Бессмертие	8,00	7,81	7,61	7,51	7,68	8,00
Признание	7,23	7,17	7,54	7,61	7,60	7,00
Счастье других	7,60	7,53	7,73	7,43	7,36	7,43
Богатство	7,27	7,41	7,43	7,16	7,00	8,00
Работа	4,73	5,24	5,59	5,48	5,80	6,71
Свобода	7,07	6,56	6,54	6,10	6,68	5,29
Любовь	5,27	5,56	5,15	4,70	5,56	6,71
Мудрость	7,30	6,93	6,98	7,52	7,44	7,29
Красота	7,78	7,69	7,70	7,63	7,80	7,86
Собственность	7,93	7,84	7,74	7,70	7,60	7,57
Материальная Обеспеченность	5,60	5,10	5,63	5,89	5,68	4,00
Творчество	7,60	7,51	7,39	7,47	7,48	8,00
Развлечения	7,90	7,67	7,64	7,35	7,56	7,43
Активная жизнь	7,67	7,49	7,04	7,12	6,40	6,00
Уверенность в себе	6,37	6,10	6,46	6,42	6,12	5,86
Семья	3,47	4,59	4,93	5,89	4,92	4,29

Из таблицы видно, что значимость ряда ценностей меняется в зависимости от экономического положения субъекта. Например, ранг такой ценности, как работа, с возрастом экономического статуса изменяется от 4,73 до 6,71.

Для изучения ценностных ориентаций без ограничения его списка пригоден **метод построения семантических пространств** [13]. Он основан на выявлении конструкторов сознания. (Подробнее о нём сказано ниже при рассмотрении культурного потенциала).

С помощью этого метода, путём обследования в 1995 году 553 человек в возрасте 17 – 70 лет, были изучены свойственные российскому населению ценностные ориентации [14]. (Таблица 2).

Таблица 2

Ценностные ориентации российского населения (по данным [14])

№№	Факторы, ценности	Факторная нагрузка
Первый фактор – «Политические свободы» (52,4 % общей дисперсии)		
1	Чувство личной свободы	0,98
2	Возможность открыто выражать свою точку зрения	0,98
3	Возможность влиять на жизнь своего предприятия	0,98
4	Свобода выезда за рубеж	0,98
5	Свобода перехода с одного места работы на другое	0,96
6	Свобода исповедовать любую религию	0,96
7	Быть хозяином собственной жизни	0,92
8	Социальная мобильность человека, возможность перехода с одной ступеньки социальной лестницы на другую	0,92
9	Возможность раскрыть свои творческие способности	0,91
10	Возможность жить, как тебе хочется	0,90
11	Возможность влиять на политику своей страны	0,88
12	Свобода передвижения по стране	0,75
13	Ощущение осмысленности собственной жизни	0,73
Второй фактор – «Благосостояние» (39,6% общей дисперсии)		
1	Социальная защищённость	0,98
2	Возможность получить квалифицированную медицинскую помощь	0,98

3	Возможность удовлетворить свои духовные потребности (посещать театры, кинотеатры, музеи, покупать книги)	0,98
4	Хорошие жилищные условия	0,96
5	Возможность уделять достаточное время семье	0,96
6	Возможность приобретать необходимые бытовые товары	0,95
7	Возможность хорошо питаться	0,95
8	Наличие свободного времени для отдыха	0,95
9	Возможность получить образование	0,93
10	Правовая защищённость	0,93
11	Гарантированность работы	0,93
12	Материальное благополучие	0,92
13	Возможность заниматься спортом	0,90
14	Наличие дружелюбия между людьми	0,87
15	Чувство собственного достоинства	0,77
16	Уверенность в завтрашнем дне	0,72
17	Крепость семьи	0,69
18	Интерес к жизни	0,57
	Третий фактор – «Осмысленность бытия» (4,3% общей дисперсии)	
1	Чувство собственного достоинства	0,60
2	Ощущение осмысленности собственной жизни	0,58

Общекультурные ценности

Под этим термином понимается стремление людей к определённым типам социальных отношений и организации общества. На основе статистического анализа и теоретического обобщения результатов обследования выборки в 35000 человек, представляющих население 49 стран, выделены следующие *общекультурные ценности: консерватизм, интеллектуальная автономия, аффективная автономия, иерархическое построение общества, равенство, экспансия, гармония.* [15]. Отметим, что выборка россиян в данном исследовании характеризуется тенденцией к консерватизму и иерархической организации общества.

Для оценки общекультурных ценностей применяется специальный опросник, с последующим определением доминирующей в данном обществе той или иной ценности (на основе процентного распределения разных ценностей в обследованной выборке).

Базовые индивидуальные мотивы жизнедеятельности

Данный класс потребностей описан, с приведением примера результатов обследований, в [16]. В основе мотивации людей, независимо от сферы жизнедеятельности, лежат **10 основных ценностей**, включающих ряд частных:

– **сила** – здоровье, социальный статус, престиж, власть над людьми, власть над ресурсами, социальное влияние, авторитет;

– **достижения** – личный успех по критериям социальных стандартов (фактические достижения), развитие способностей (личностный рост), амбиции (уровень самооценки);

– **наслаждения** – стремление к радостным событиям, к получению удовольствий, к счастливой жизни;

– **впечатления** – стремление к разным (острым, волнующим) впечатлениям, в том числе, к неожиданным событиям, к новизне в разных сторонах жизни;

– **самостоятельность** – возможность быть независимым, самому принимать ответственные решения, заниматься творчеством, удовлетворять свою любознательность;

– **самореализация в глобальных интересах** – широта интересов, понимание проблем мира и взаимоотношений человечества с природой, стремление реализовать себя в этом плане, в том числе, проявлять заботу о сохранении мира, о защите окружающей среды;

– **благотворительность** – забота о благополучии близких людей, стремление проявлять доброжелательность и ответственное отношение к другим людям;

– **традиционализм** – уважение и принятие обычаев и идей, традиционных для определенной культуры (светской или религиозной);

– **самоидентификация с определённым обществом** – согласие с нормами, консолидирующими людей в общество, поведение, ориентированное на социальные ожидания, самоконтроль, направленный на недопущение поступков вредных для других членов общества, заинтересованность в судьбах данного общества;

– **безопасность** – стремление к стабильности общества и человеческих отношений, к личной безопасности, безопасности семьи, к национальной безопасности.

Для выявления и оценки выраженности перечисленных мотивов разработаны специальный опросник и проективный тест. Русифицированных вариантов пока нет. Но есть опросники по отдельным перечисленным позициям ([17,18] и др.).

Существует специальный **опросник для оценки самореализации личности В. Хэдэя** (цит. по [19]). Сущность его видна из фрагмента шкалы, определяющей индекс самореализации: «Оцените, пожалуйста:

1. Ваши достижения в жизни.
2. Насколько интересна Ваша повседневная жизнь.
3. Степень, с которой Вы развиваетесь и расширяете сферу собственных интересов.
4. Степень Вашего успеха и продвижения по службе.
5. Насколько захватывающа Ваша жизнь».

Трудовые мотивы

Существует ряд классификаций мотивов труда. Они в значительной мере пересекаются. Последний, достаточно обоснованный вариант [16], следующий:

– **социальные мотивы** – польза людям и обществу, работа в коллективе;

– **внешние побуждения** – зарплата, хорошие условия труда, безопасность труда, социальная защищённость;

– **самоутверждение** – престижность труда, приобретение авторитета;

– **внутренние побуждения** – интересная работа, самостоятельность в работе, возможность достижения личных целей.

Для выявления мотивов труда применяются различные опросники [17,18].

Базовый потенциал

Анатомо-физиологический статус

Человек, как вид, имеет определённую анатомическую и физиологическую «конструкцию». Для полноценной жизнедеятельности, естественно, эта конструкция должна находиться в

пределах определённой нормы. Однако, индивидуальные вариации анатомического строения тела и его частей, аналогичные вариации строения и «технологии» физиологических функций, могут сказываться на параметрах жизнедеятельности и, следовательно на КН и КЖ. Отсюда вытекает необходимость рассматривать анатомо-физиологический статус как частный потенциал, делающий свой вклад в базовый потенциал, индивидуальный или популяционный. Методы оценки анатомических и физиологических параметров и их нормативы достаточно хорошо известны; можно сослаться, в частности, на недавно вышедшую книгу [20].

Здоровье

В Российской Федерации состояние здоровья населения характеризуется медико-статистическими данными по четырем группам показателей:

- медико-демографические показатели (средняя продолжительность жизни, рождаемость, смертность, естественное движение населения);

- общая заболеваемость населения (по стандартной номенклатуре болезней);

- здоровье матери и ребёнка;

- временная неработоспособность и инвалидизация населения.

- Методы определения значений этих показателей широко известны и применяются в медицинской статистике [21].

В качестве интегрального показателя здоровья населения предлагается показатель относительного распределения в обществе:

- лиц практически здоровых;

- лиц, имеющих хронические заболевания, но длительно работоспособных;

- лиц, полностью нетрудоспособных.

Внутри названных категорий имеется своя, детализированная группировка показателей [22,23].

В мировой практике используются и другие системы интегральных показателей здоровья. Например, – несколько индексов здоровья, характеризующих не только статистику заболеваемости, но и влияние различных классов болезней на трудоспособность населения [24,25].

Духовно-деятельностный потенциал

Психофизиологический потенциал

В развитие приведенного в начале статьи определения популяционного психофизиологического потенциала (ППП), прежде всего, следует подчеркнуть, что он характеризует не наличные достижения социума, а его возможности повышать качество жизни. Проявление ППП наиболее очевидно в трудных условиях жизнедеятельности.

Теоретически обоснованными **группами свойств человека**, из которых складываются индивидуальные **психофизиологические потенциалы**, являются:

– **векторная активность**: мотивы, потребности, цели деятельности, направленность личности;

– **эргическая активность**: инициативность, энергичность, другие характеристики темперамента;

– **интеллект**: умственные способности, познавательные стили, креативность, общекультурные знания;

– **регуляторные качества**: способность планировать свою деятельность, воля, устойчивость к стрессовым воздействиям и фрустрации, самооценка, склонность к риску, стремление к самосовершенствованию, самодисциплине, самоактуализации;

– **социообразующие способности**: ценностные ориентации, ролевые качества, социально ориентированные установки и нормативные шаблоны поведения, способность к сопереживанию, к конструктивному разрешению конфликтов;

– **психофизиологические ресурсы** – энергетические и регуляторно-адаптационные (функциональные возможности «настраивать» организм на определенные условия жизнедеятельности).

Популяционный психологический потенциал социума определяется, во-первых, доминированием в нём личностей с определёнными типами индивидуальных потенциалов; во-вторых, характером распределения людей разного типа в обществе в целом и в основных социальных группах.

С целью уточнения состава личностных свойств – индикаторов ППП и нахождения метода пригодного для его оценки, был проанализированы работы в области психологии труда, выполнены с использованием разных тестов. Среди них самым распространённым оказался 16-факторный личностный опросник Кэттелла. С его помощью были получены данные о

связи успешности разных видов трудовой деятельности с определёнными шкалами этого опросника. Путём обобщения этих данных удалось выявить личностные свойства, характерные для большинства видов труда [26].

Были получены следующие основные результаты:

– наиболее универсальными, и, следовательно, имеющими наибольшее значение для популяционного потенциала социума в целом, являются такие личностные качества как энергичность, жизнерадостность, стремление к согласию и совместной деятельности (при условии понимания других людей), стремление к достижениям, смелость, гибкость, самостоятельность, эмоциональная устойчивость в стрессогенных ситуациях;

– психофизиологический популяционный потенциал определяется как доминированием в социуме людей с определёнными чертами личности, так и организацией социума из разных по своему психологическому типу слоёв, групп населения;

– существуют достаточно определённые, характерные для разных социо-профессиональных групп наборы доминирующих в среднем личностных качеств, что свидетельствует о существовании относительно специфических групповых психофизиологических потенциалов.

Что касается второго блока ППП – социального интеллекта, то особых проблем с его операционализацией не возникает. Давно известен комплекс показателей и методик, позволяющий дать интегральную оценку интеллекта людей – IQ. Выполнено большое количество исследований, демонстрирующих значительную силу связи значений этого показателя с эффективностью человеческой деятельности. Так, коэффициент корреляции IQ со стандартным показателем социальной успешности, используемым американскими социологами, достигает значения 0,85 [27]. Хотя, есть публикации и с менее оптимистичными цифрами: значения IQ в подростковом возрасте предопределяют успешность профессионального обучения и последующей карьеры лишь на 25 процентов [28].

Культурный потенциал

Культурный потенциал, понимаемый как некоторая качественно-количественная характеристика нравственного состояния общества, общей и профессиональной образованности, можно оценить посредством уже применяемых для измерения КЖ

показателей. Так, компонентом «Индекса развития человека», принятого ООН, является достигнутый уровень образованности общества. Этот уровень рассчитывается как комбинация индекса грамотности взрослого населения и доли граждан в возрасте до 24 лет, обучающихся в любых учебных заведениях (цит. по [6]).

Однако сущность культурного потенциала значительно шире и глубже. В него входит и менталитет социума, и уровень нравственности, и стереотипы социального поведения, и традиции в различных сферах жизнедеятельности. Пока не предложен какой-либо измеримый интегральный показатель культурного потенциала, понимаемого в таком смысле. Однако рациональный подход к его разработке возможен на базе теории и **методологии психосемантики сознания** [13].

Существо этого подхода заключается в выявлении содержания и структуры культурообусловленных компонентов сознания в виде категориальных единиц (или личностных конструктов) имеющих когнитивные и аффективные аспекты в определённых содержательных областях (природа, люди, мировоззрение и т. п.). Методология психосемантики имеет уже хорошо отработанные несложные методические приёмы обследования людей, способы интеграции эмпирических данных и некоторые интегральные показатели. К ним относится, например, критерий когнитивной сложности семантических пространств Хэмфри.

Психические состояния населения

Состояния функционального типа

Среди многих функциональных психических состояний наибольшее значение для оценки КН имеет комплекс состояний, представляющих собой континуум проявлений напряжённости. Это, в порядке возрастания уровня напряжённости:

- состояние безразличия, апатии;
- слабо активирующая напряжённость;
- оптимальная напряжённость;
- высоко активирующая напряжённость, экзальтация;
- чрезмерная напряжённость деструктивного типа, гиперстресс (в формах агрессии, паники или депрессии).

Методы, применяемые для диагностики таких состояний, довольно разнообразны [17,18,29]. К ним относятся:

– опросник личностной и ситуационной тревожности Сперлинга-Ханина;

– проективный тест оценки фрустрационных переживаний Розенцвейга, другие опросники и тесты.

Особое значение имеют методы оценки состояний, позволяющие прогнозировать развитие напряжённости деструктивного типа.

К ним относится метод прогноза крупномасштабных социальных взрывов Вида Печака [30].

Применительно к российским условиям разработан также прогностический метод оценки уровня стресса при рискованных социально-психологических трудовых ситуациях в коллективах [31]. В основу этого метода положено определение интегрального психологического напряжения населения как результирующего эффекта ряда факторов, связанных с активацией ряда психических функций (рис 3).

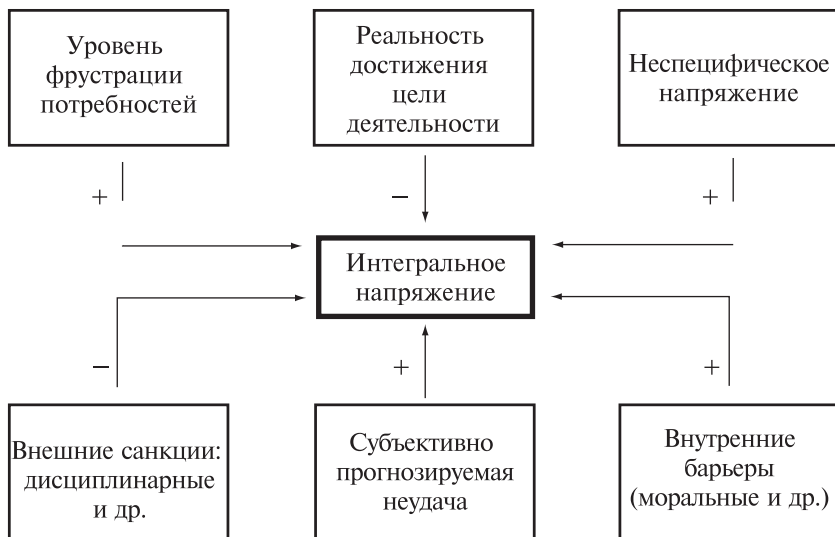

Рис. 3 Блок-схема взаимовлияния основных факторов, определяющих интегральное напряжение населения.

Состояния оценочного типа

К этому классу показателей (в аспекте оценки КН и КЖ) относятся субъективные характеристики, отражающие переживание человеком своей жизни.

Наиболее обобщенным показателем такого состояния населения является «**Социальное самочувствие**» [32].

В этот показатель входят следующие компоненты:

1. Эмоциональный аспект –
 - доминирующее настроение,
 - характер ситуативных эмоциональных состояний, уверенность в завтрашнем дне.
2. Когнитивный аспект –
 - характер оценки и понимания социальных процессов,
 - характер оценки и понимания своего места в системе социальных отношений.
3. Поведенческий аспект –
 - готовность человека к тем или иным изменениям своей социальной позиции,
 - уровень социальной активности.
4. Интегральные характеристики –
 - удовлетворённость своей социальной позицией,
 - удовлетворённость своей реализованностью в трудовой деятельности,
 - уверенность в жизни,
 - удовлетворённость Государством, как субъектом социальной ответственности.

В названном источнике кратко описана методика оценки социального самочувствия по перечисленным компонентам.

Существуют и другие показатели психических состояний оценочного типа.

Методы оценки переживания «счастье» (цит. по [33]).

Оценка переживания счастья осуществляется с помощью специальных опросников одним из двух методов.

Первый метод основан на использовании векторной шкалы. Обследуемому лицу предлагают ответить: какая из предложенных оценок лучше остальных описывает его обычное состояние: необыкновенное счастье, очень счастлив, довольно счастлив, практически (средне) счастлив, немного счастлив, нейтральное со-

стояние (невозможно сказать, счастлив или нет), немного несчастлив, практически несчастлив, довольно несчастлив, очень несчастлив, чрезвычайно несчастлив.

Второй метод заключается в том, что обследуемому лицу предлагается выразить в процентном отношении (в среднем) время, в течение которого он чувствует себя счастливым, несчастным или находится в нейтральном состоянии.

Близким по подходу, но более проективным является **метод саморегистрации эмоций** в течение дня В.К. Вилюнаса [34].

Существо метода состоит в том, что обследуемое лицо 3-4 раза в сутки отмечает в специальном дневнике знак и выраженность своего эмоционального состояния. Затем рассчитывается средняя величина эмоций (со знаком + или -) по следующей формуле;

$$СЭ = \Sigma (Э_i \times Пэ_i) / 100 ,$$

где:

СЭ – средняя величина эмоция;

Э_i – величина i – той эмоции в баллах (от -5 по +5);

Пэ_i – продолжительность i– той эмоции.

Оценка эмоций привязывается не только к времени (периоду) суток, но и к виду жизнедеятельности в этот период (труд, бытовая деятельность и т. д.,.)

Автор приводит пример результатов обследования ста молодых литовцев. СЭ у них оказался 1,16, то есть, положительные эмоции у них несколько доминируют. При этом, в большей степени у женщин (СЭ = 1,24), чем у мужчин (СЭ = 1,00).

Методика выявления содержательных представлений населения о счастливой жизни И.А. Джидарьяна [35].

Автор разработал стандартизированный опросник, основанный на результатах факторного анализа многочисленных суждений россиян о том, что такое счастливая жизнь. Этот метод принципиально отличается от описанных выше методов «измерения счастья» тем, что даёт не только количественную оценку некоторого интегрального ощущения счастья или несчастья, но и раскрывает содержательную структуру данной характеристики КЖ.

Заключение

Качество населения по отношению к качеству жизни играет двойную роль: с одной стороны, оно задаёт содержательную характеристику КЖ, с другой стороны, от него зависит возможность изменения КЖ. Первая роль КН реализуется посредством такой группы характеристик качества населения как потребности, вторая – всей совокупностью характеристик, но, в первую очередь, психофизиологическим потенциалом.

Более содержательно о первой роли КН можно сказать следующее.

Есть универсальные потребности, присущие всему населению любой страны: это – все первичные потребности и некоторая часть вторичных, например, стремление к самореализации. По отношению к таким потребностям характеристики качества жизни могут быть универсальными. Но по отношению к специфическим потребностям разных социумов, соответственно, должны разрабатываться специфические показатели КЖ. Это принципиальное положение относится и к такому социуму как население России. Принятый ООН показатель «Развития человеческого потенциала» является универсальным для всех стран. И его можно применять в целях сравнения КЖ населения в разных странах. Но у России имеются свои, специфические трудности, связанные с особенностями экономической и социальной ситуации. Для преодоления этих трудностей необходимо решать задачи, используя в качестве ориентира специфические показатели КЖ, которые надо ещё разработать.

Таковыми задачами, с нашей точки зрения, являются следующие:

1. Мониторинг КЖ в разных регионах, сравнение их между собой в целях:

– более точной и содержательной оценки уровня жизни и тенденций его изменения;

– определения путей повышения КЖ;

– предупреждения взрывоопасного социально-психологического напряжения населения (вследствие очень большого разрыва между уровнями КЖ различных слоёв населения и проживающих в разных регионах);

2. Мониторинг КЖ в разных социальных слоях и группах населения в целях, аналогичных целям п. 1;

3. Комплексная (социо-гуманитарная и экономическая) экспертиза крупных проектов, затрагивающих интересы больших групп населения;

4. Использование «философии» КЖ и данных о КЖ для воздействия на менталитет населения через СМИ в целях привития «вкуса» к качеству жизни в социально положительном смысле.

Разработку специфических по отношению к перечисленным задачам показателей КЖ с учётом качества населения, и соответствующих методик оценки этих показателей, целесообразно осуществлять по определённому алгоритму:

- выявить структуру потребностной сферы населения и определить доминирующие потребности (интересы, социальные ожидания, мотивы), по отношению к которым будут выбраны частные и интегральный субъективные показатели КЖ;

- определить эталоны (точки отсчета), по отношению к которым люди (представительная выборка населения) при опросе будут давать субъективную оценку КЖ;

- определить нормативные, принятые в данном сообществе или в некотором эталонном сообществе абсолютные значения тех характеристик процессов, результатов и условий жизнедеятельности, по отношению к которым будет производиться объективная оценка КЖ (например, величина прожиточного минимума, экологические нормы);

- выявить и измерить (со знаком + или –) факторы, от которых непосредственно зависит удовлетворение потребностей, или которые определяют возможность осуществить деятельность, инициированную потребностью;

- сопоставить все выделенные факторы с субъективными и объективными оценками, обосновать выводы о причинно-следственных связях;

- рассчитать значения частных и интегральных субъективных и объективных показателей КЖ, сравнить их между собой;

- построить модель системной динамики, связывающей показатели КЖ с причинными факторами (КН и КУ);

- сделать содержательный анализ полученных результатов и обосновать те мероприятия, которые следует осуществить для повышения КЖ и, возможно, для повышения качества населения.

Методики оценки КЖ необходимо сделать «каузальными», т. е. помимо значения показателя КЖ, они должны показывать (хотя бы ориентировочно) факторы, влияющие на КЖ, и, следовательно, подсказывать пути повышения КЖ. Для этой цели могут использоваться модели системной динамики по аналогии с представленной на рис 3. В данном примере связи ха-

рактируются коэффициентами корреляции. Но могут быть и другие характеристики, например, балльные оценки экспертов положительного или отрицательного влияния на КЖ определённых факторов.

Вторая роль качества населения по отношению к качеству жизни — возможность осуществлять деятельность, направленную на повышение КЖ, определяется, главным образом, величиной психофизиологического потенциала населения. Общая методика оценки потенциала известна [9]. Конкретные методики, пригодные для мониторинговых оценок, как популяционного психофизиологического потенциала, так и качества населения в целом, ещё предстоит разработать. Представленные в статье данные и соображения могут послужить основой для решения этой задачи.

Литература

1. Бобков В., Масловский-Мстиславский П. Качество жизни: сущность и показатели. Человек и труд. 1996. № 6.
2. Давыдов Б.И., Пономаренко В.А., Балувев О.Т., Ушаков П.Б. Радиационный риск, здоровье, качество жизни: медико-психологические и социально-экологические аспекты // Авиакосмическая и экологическая медицина. Т. 27, 12. М., 1993.
3. The Quality of Life / Ed by Nussbaum M. Sen A. Oxford: Clarendon press. 1995.
4. Давыдова Е.В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни, М., Институт социологии РАН, 1993
5. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 1998 / Программа развития ООН. – Под общей ред. проф. Ю.Е.Федорова. М.: Права человека, 1998.
6. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. Под ред. И.Т.Фролова. М.: 1999.
7. Рубин Я.И. Качество населения. О сущности и структуре понятия // СОЦИС, 1998, № 9. С. 87-91.
8. Медведев В.И., Зараковский Г.М. Психофизиологический потенциал как фактор устойчивости популяции в условиях глобальных изменений природной среды и климата // Физиология человека. Т. 20. №6. 1994. С. 5-15.
9. Зараковский Г.М., Степанова Г.Б. Психологический потенциал индивида и популяции // Человек. №3. 1998. С. 50-59.
10. Мильман В.Э. Мотивационный профиль личности. В кн.: Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ, 1990.
11. Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина, в 2 т. – М.; Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. Т. 1.
12. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Под ред. А.Л.Журавлёва и Е.В.Шороховой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 1998.
13. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учебное пособие. – Смоленск, Изд-во СГУ, 1997.
14. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. – М.: Изд-во МГУ, 1997. 214 с.
15. Schwarts S.H. A Theory of Cultural Values and Some Implications for Work // Applied Psychology: An International Review, 1999, 48 (1), 37-47.
16. Maria Rose et all. Basic Individual Values and Meaning of Work // Applied Psychology: An International Review, 1999, 48 (1), 49-71.
17. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии; Учебное пособие/ В.Д. Балин, В.К. Гайда, В.К. Гербачевский и др.// Под общей ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. – СПб, издательство ПИТЕР, 2000.
18. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер-Ком, 1999.
19. Раздел проекта «Методика оценки качества жизни (общие положения)» / Рук. Работ М.В. Фёдоров. М.: ВНИИ Технической Эстетики, 1999.
20. Строчкина А.Н., Пахомова В.А. Анатомо-эргономический атлас. М.: Изд-во МГУ. 1999.

21. Статистическая классификация болезней, травм и причин смерти. М., 1984.

22. *Зиньковский А.К.* Состояние психического здоровья населения в городе Твери и Тверской области, проблемы и перспективы. В кн. Здоровье человека. Тверь, 1995. С. 121-124.

23. *Гарина М.Г.* и др. Квалиметрия жизни (Проблемы измерения качества жизни и направления их решения). Материалы краткосрочного семинара. Л., 1991. С. 67-73.

24. *Ошима М.* Показатель здоровья // Человеческий фактор. В 6-ти томах. Под ред. Г.Салвенди. Том 3. Пер. с англ., 1991. С. 364-366.

25. *Басов А.В.* Здоровье человека: очерк современного состояния вопроса // Проблемы психологии и эргономики. Тверь-Ярославль, 1999. № 31. С. 75-77.

26. *Зараковский Г.М., Зацарный Н.Н.* Особенности личностной составляющей психофизиологического потенциала различных социо-профессиональных групп // Физиология человека. 2000. Т. 26. № 2.

27. *Левонтин Р.* Человеческая индивидуальность, наследственность и среда. Перев. с англ., М.; Прогресс-Универс. 1993.

28. International Association of Applied Psychology. News Letter. 1996. Vol. 8. Issue 2.

29. Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа./ Под ред. Л.Г. Дикой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. – 358 с.

30. *Печак, В.Г.* Как произошел распад коммунизма // Иностранная психология. 1993. Т.1. № 1. С. 53-61.

31. *Зараковский Г.М., Медведев В.И., Разыграева Н.А.* Рискованные социально-психологические ситуации как проявление популяционного психо-эмоционального стресса. // Физиология человека, 1997. № 2. С. 33-41.

32. *Симонович Н.Е.* Метод оценки социального самочувствия. Автореферат диссерт. на соиск. уч. степ. канд. психол. наук. М.: Инст. молодёжи. 1999.

33. Раздел проекта «Качество жизни: методология, показатели качества, концепция федеральной программы»./ Рук. Работ М.В. Фёдоров. М.: ВНИИ-Технической Эстетики, 1999.

34. *Вилюнас В.К.* Эмпирические характеристики эмоциональной жизни // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 3. С. 26-35.

35. *Джидарьян И.А.* Счастье и удовлетворённость жизнью в русском обществе // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. Под ред. А.А.Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М., Изд-во РАН. 1997. С. 187-223.

Устойчивое человеческое развитие: размышления о понятии*

В одной из книг, посвященных математическим исследованиям устойчивости есть фраза: «Термин «устойчивость» настолько выразителен, что он сам за себя говорит»¹. Такая вот выразительная «самоопределённость» термина на самом деле размывает его семантические границы. Даже в математическом энциклопедическом словаре сказано: «Устойчивость – термин, не имеющий чётко определённого содержания...»². Полезно заметить, что обе цитаты заимствованы у математиков. Естественные науки прагматичнее подходят к понятиям, «не имеющим чётко определённого содержания». Приведём ещё одну цитату: «Качественная специфика теоретической стадии науки в её развитой форме заключается в том, что при её достижении в полной мере реализуется способность научного мышления к воспроизводству теоретического знания на своей собственной основе».³ Именно на своей собственной основе физика, например, уверенно освоила осторожное математическое толкование понятия устойчивости. «Устойчивость движения», «устойчивость равновесия», «термодинамическая устойчивость», «устойчивость упругих систем» – вот далеко не полный перечень терминов, прижившихся в физике. Прижилось понятие устойчивости и в социальной практике. На эту тему мы и собираемся поразмышлять.

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ – 00-06-00225 и РФФИ – 00-06-80103.

Одним из необходимых условий сохранения и развития человеческого потенциала, как на индивидуальном, так и на социальном уровне является устойчивость человеческого развития. Концепция устойчивого развития была предложена, а точнее, сформулирована на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Первоначально эта концепция была ориентирована на решение глобальных проблем выживания человечества на фоне взаимодействия природы и общества. История самого термина *устойчивое развитие* фактически началась с Декларации Конференции ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972 г.), а также с работ Римского клуба, когда была отчётливо осознана и обозначена проблема негативных последствий техногенных трансформаций социоприродных систем. Созданная в результате Международная комиссия при ООН по окружающей среде и развитию поставила задачу формирования соответствующей программы, для которой было предложено название *устойчивое развитие*. А оно, в свою очередь, было закреплено, уже как термин, на упомянутой выше Конференции ООН в Рио-де-Жанейро.⁴

Русский перевод англоязычного оригинала «sustainable⁵ development» — *устойчивое развитие* — сделан был, похоже, впопыхах. Отсюда, неточно были переданы «дух и буква» этого словосочетания: его значение прямо-таки в неопозитивистской традиции трансформировалось в подобие обобщённой характеристики траектории развития некоей абстрактной системы — само слово *устойчивость* не могло не вызывать механистических ассоциаций. В дальнейшем этот термин, поначалу ориентированный на комплексную проблематику социоприродной коэволюции, стал употребляться уже в контексте социально-экономического развития, но физикалистский акцент остался. (*Устойчивость* и *стабильность* при таком подходе в обыденном сознании различаются лишь стилистической нюансировкой. В приложении к описанию социальных явлений эти понятия одинаково соответствуют необходимому компоненту социальных ожиданий — уверенности в завтрашнем дне. Именно поэтому оба они, как правило, сливаются в понятие *стационарности* — неизменности во времени. При таком понимании *устойчивость* может оказаться неотличимой от обычного застоя, а любые застойные формы жизни общества вполне могут стать сценариями *устойчивого развития* — например, хорошо знакомые нам застойные 70-е — 80-е годы были в 20-м столетии для России одним из наиболее стабильных исторических периодов.)

Здесь полезно ещё раз обратиться к точным наукам и попробовать позаимствовать оттуда подходящие элементы толкования термина *устойчивость*, такие, как например, в механике. Несмотря на упомянутую уже нечёткость определения содержания этого термина, стержневой компонент в нём, всё же, есть. Во-первых, он применим и к состоянию покоя некоторой системы (устойчивое равновесие), и к её движению (устойчивое движение). Во-вторых, в обоих случаях устойчивость предполагает существование внешних и/или внутренних сил, которые при малых отклонениях системы от равновесного положения или от невозмущённой траектории движения возвращают её в исходное положение или к исходной траектории. С таким содержанием понятие устойчивости вполне может быть внедрено в исследование социальных и гуманитарных явлений как термин, доступный аналитической проработке.

В качестве первого шага такой проработки рассмотрим возможные стратегии придания устойчивости развитию человека и общества (здесь можно использовать уже устоявшуюся в отечественной и зарубежной литературе конструкцию «траектории устойчивого развития» – это придаёт ещё более универсальный смысл понятию устойчивости). На наш взгляд, таких стратегий может быть две: 1) установление и строжайшее соблюдение правил, исключающих малейшее отклонение от устойчивой траектории⁶ – *стратегия запрета* и 2) создание механизмов, автоматически возвращающих любую систему к устойчивой траектории при возникновении малых отклонений от этой траектории, или, иными словами, предотвращающих их неуправляемый рост – *стратегия саморегуляции*.

Проиллюстрируем эти стратегии на механизмах обеспечения защищённости человеческого организма от воздействия болезнетворных микроорганизмов. Первая стратегия проявляется в строгом соблюдении правил санитарии и гигиены (мытьё сырых продуктов питания, дезинфекция ран и т.д.). В этом случае осуществляется «запрет» на проникновение бактерий и вирусов в человеческий организм, как на возможность вывода его из устойчивого состояния. Вторая стратегия заложена в основу функционирования иммунной системы человека. При этом допускается реальная возможность проникновения микроорганизмов, но при их обнаружении включаются факторы иммунитета, выполняющие роль механизма саморегуляции, возвращающего человеческий организм в устойчивое состояние.

Переведя эти механизмы в контекст социальной практики (а именно, в контекст современной российской действительности), можно сделать модельное предположение, что первая стратегия осуществляется в основном государственными институтами, а вторая — в большой степени обеспечивается существованием и актуализацией этических норм общества. И если *стратегия запрета* была основной, если не единственной, в советский период нашей истории, то именно *стратегия саморегуляции* представляется основным механизмом устойчивого развития современной России. Исчезло всеисилие репрессивных органов, исчезли многие запреты, и в условиях когда «разрешено всё, что не запрещено», в российском обществе должен действовать иммунитет на неустойчивость — саморегулирующие, стабилизирующие механизмы, которые могут базироваться исключительно на духовно — нравственных ценностях. Эти ценности не были полностью девальвированы ни коммунистической идеологией, ни «диким» капитализмом первых постперестроечных лет, и, на наш взгляд, именно они могут стать фундаментом устойчивого развития современной России. «Сильная вертикаль власти» поэтому вторична по отношению к духовно-нравственным саморегулирующим механизмам, действующим в обществе. Обеспечить устойчивость своего развития.

Но вернёмся к «размышлениям о понятии». Как мы уже говорили, привлекая физико-математические модели и аналоги к трактовке понятия устойчивости в социальной практике, необходимо соблюдать определённую осторожность (как, впрочем, при любом моделировании). Так, например, исследуя устойчивость развития общества как системы, невозможно избежать соблазна привлечь сюда некоторые положения математической теории управляемых систем. Но за полученные при этом новые возможности операционализации понятия устойчивости неизбежно приходится платить издержками редукционизма, а то и просто искажением понятий.

Поясним это на примере. В теории управления любая рассматриваемая система описывается некими выходными переменными, вектором состояния и при этом обязательно задаётся т.н. вектор управления — изначально предполагается невозможность предоставления системы самой себе (без этого, естественно, теория управления просто лишена смысла). При этом сама система, помимо *устойчивости* должна обладать таким вполне мате-

матризованным свойством, как *управляемость*, а состояние системы — также математически заданным свойством *наблюдаемости*.⁷ В теории управления всё это — абстрактные понятия, необходимые элементы математического аппарата. Но в приложении к социальной практике такие, например, понятия, как *управляемость* и *наблюдаемость*, могут вызвать у любого бывшего гражданина СССР весьма неприятные ассоциации. Кроме того, на подобном пути моделирования общественных явлений (общество как управляемая система) полностью элиминируются такие социально значимые понятия, как самоорганизация, саморегуляция, самореализация и т.п.

Здесь довольно продуктивным оказывается синергетический подход⁸. И это неудивительно: традиционная теория управления имеет дело с линейными стационарными системами, в то время, как синергетика (или теория самоорганизации), выросшая из задач нелинейной термодинамики, изначально рассматривает нелинейные, неравновесные системы. Кроме того, в современной теории динамических систем доминирующую роль играют неустойчивости и флуктуации: «Мы существуем в мире неустойчивых процессов...»⁹. И вот тут рассмотрение концепции устойчивого развития, казалось бы, заходит в тупик — устойчивость в неустойчивом мире — либо фикция, либо недолгое торжество иллюзий. Но не будем торопиться уступать торжество скепсису.

Во-первых, неустойчивый мир и мир неустойчивых явлений это принципиально разные понятия. Заметим, с некоторой долей упрощения, что неустойчивость некоторых явлений может придавать устойчивость миру, в котором они имеют место. Во-вторых, вспомним, что *устойчивое развитие* — неточный перевод с английского *sustainable development* (поддерживаемое развитие). И в-третьих, вспомним также, что в своей основе концепция устойчивого развития была ориентирована на равновесную коэволюцию двух подсистем — человечества и окружающей среды. А в этом случае и *sustainable developmen*, и *устойчивое развитие* суммарной системы (человечество-природа) может обеспечиваться прежде всего адаптационными процессами — адаптивным взаимодействием подсистем и актуализацией адаптационных возможностей внутри каждой подсистемы в отдельности.

В природной подсистеме эти возможности обеспечены действием объективных природных законов — физических, химических, биологических — и подтверждены самим фактом суще-

ствования жизни на Земле вот уже более 3 млрд. лет. Длительность же антропогенеза на три-четыре порядка меньше, а человеческое сообщество как единая глобальная подсистема и как глобальный экологический фактор для природной подсистемы существует всего несколько сот лет. При таком «младенческом» возрасте неизбежны проявления младенческого самосознания человечества и такое же его осознание своего места в природной среде. Это проявилось в полном отсутствии у человечества толерантности при решении его внутренних проблем, и экологической культуры при построении его взаимодействия с природой.

Только во второй половине двадцатого столетия (будем надеяться, что это был конец младенческого возраста) человечество начало понимать, что оно на пороге глобальных катастроф. На социальном уровне это – конфликты между разными типами культур (например, Восток–Запад, Север–Юг), между развитыми и развивающимися странами, между поколениями, социальными стратами и т.д. Что же касается экологических проблем сегодняшнего дня, то они настолько хорошо известны и их так много, что мы даже не будем их перечислять. Главное, что толерантность и экологическая культура (или, для краткости, экологичность) это разные формы *актуализации адаптационных возможностей*, или адаптивности человечества (как и отдельной личности).

(Необходимо при этом заметить: во-первых, разные формы – не то же самое, что разные компоненты, а во-вторых, *адаптация* неизбежно сопряжена с любой формой социального развития – так же, как и с популяционно-видовой эволюцией. В метафизическом приближении непрерывный процесс *адаптации* «непрерывно» спроецирован на ось времени, а сам факт этой спроецированности – необходимое условие существования жизни. При таком подходе непрерывность *адаптации* во времени почти аксиоматично предполагает непрерывность спектра её проявлений, или, если угодно, её смысловую континуальность. Опираясь на эти замечания и возвращаясь к линии наших рассуждений, подчеркнём, что актуализация адаптационных возможностей, конечно, не исчерпывается толерантностью и экологичностью.)

Как сказано в уже процитированной выше работе, «... основным источником, позволяющим обществу существовать длительное время, обновляться и находить самобытные пути развития, являются его *адаптационные возможности* (курсив авт.)»¹⁰. Сопрягая это высказывание с нашими предшествующими рас-

суждениями, естественно сделать вывод или, скажем осторожнее, предположить, что актуализация *адаптационных возможностей* – необходимое (а при определённом рассмотрении и достаточное) условие устойчивого человеческого развития.

Назовём эти возможности *адаптационным потенциалом*. При такой номинации к дальнейшим подобным исследованиям вполне логично будет привлекать концепцию *человеческого потенциала*¹¹, поскольку в её ключевом выражении «сохранение, реализация и развитие человеческого потенциала» заключён, практически, тот же смысл, что и в выражении «устойчивое человеческое развитие». Таким образом, получается, что адаптационный потенциал можно считать одним из компонентов или, точнее, одной из проекций человеческого потенциала – такой же, как интеллектуальный потенциал, популяционный потенциал, личностный потенциал и т.п. – всё определяется плоскостью рассмотрения, на которую проецируется понятие человеческого потенциала.

В заключение предложим итоговое «размышление о понятии»: устойчивое человеческое развитие возможно тогда (и только тогда), когда человечество максимально реализовывает свой *адаптационный потенциал*. А чтобы умерить категоричность этого высказывания предложим альтернативу: не максимально, а оптимально.

Примечания

- ¹ Ж.Ла Салль, С. Лефиец. Исследование устойчивости прямым методом Ляпунова. М.: Мир, 1964. С. 164.
- ² Математический энциклопедический словарь. М., 1988. Ст. «Устойчивость».
- ³ В.С.Швырёв. Теоретическое и эмпирическое в научном знании. М.: Наука, 1978. С. 324.
- ⁴ Подробнее см.: А.Д.Урсул. Философия науки и концепция устойчивого развития. «Философия науки». 2000. №2. С. 3-12.
- ⁵ Обр. от глаг. *sustain* – *поддерживать, подкреплять, выдерживать, подтверждать*.
- ⁶ *Устойчивая траектория* – не вполне корректное выражение, но для краткости под ним мы подразумеваем *траекторию устойчивого развития*.
- ⁷ Подробнее см.: А.А.Воронов. Устойчивость, управляемость, наблюдаемость. М., 1979.
- ⁸ См., например: *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997. Князева Е.Н. Синергетический вызов культуре // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М., 2000. С. 252-254.
- ⁹ *Г.Николис, П.Пригожин.* Познание сложного. М., 1990. С. 8.
- ¹⁰ Там же. С. 280.
- ¹¹ Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. Коллективная монография / Под ред. И.Т.Фролова. М., 1999.

Интеллигенция и власть или сбывшиеся пророчества и тревоги

О сборнике «Вехи» за прошедшие девяносто лет, прошедшие со времени его публикации, было (и еще будет) сказано и написано много; в этих заметках хотелось бы коснуться лишь одного, но пожалуй, важнейшего, аспекта сборника — взаимоотношениям интеллигенции и власти. А также того, насколько оправдались тревоги авторов «Вех» в пост-«веховский» период и насколько они злободневны сегодня. Ведь в конечном счете актуальность того или иного произведения определяется неисчерпанностью поставленных им проблем и по прошествии значительных периодов времени.

Собственно, в чем пафос «Вех»? В той тревоге, которую вызвало в кругу известных философов осмысление опыта политического участия интеллигенции на рубеже веков. По существу, «Вехи» стали серьезнейшим предостережением в преддверии катаклизмов, сокрушивших грандиозное здание Российской империи. Авторы «Вех» по существу указали и на возможный субъект этого возможного обрушения — леворадикальную интеллигенцию.

По существу леворадикальная интеллигенция в условиях России взяла на себя функции оппозиции. И в этом отношении политическое развитие страны на рубеже веков шло в русле сложившейся к этому времени традиции: в качестве политической власти на значительном протяжении русской истории выступала административно-политическая бюрократия; российская интеллигенция с момента своего рождения выполняла роль оппозиции. Б.Кистяковский в «Вехах» констатировал: «Русскую бю-

рократию обыкновенно противопоставляют русской интеллигенции, и это в известном смысле правильно» (Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 126)

Это существенно отличает российскую политическую практику от западного политического опыта, в рамках которого конституирующую роль в формировании оппозиции выполняли структуры бизнес-элиты. Традицией же российского политического развития стала оппозиция власти не со стороны экономических субъектов (групп интересов), а со стороны социального образования, не преследующего собственных корпоративных экономических интересов (по определению интеллигенции не есть экономический субъект). В этой связи можно сослаться на определение одного из авторов «Вех» (хотя и высказанное в другой работе) – Н.Бердяева: «Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов... Это и есть разночинная интеллигенция, объединенная исключительно идеями социального характера» (Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 17).

Причины подобной политической диспозиции обусловлены спецификой политического развития российского общества, в котором экономическое процветание есть функция политической власти, а экономические субъекты не просто зависимы от расположения политической власти, а иногда прямо создаются ею, что предопределяет тотальную зависимость российского «меркантильного» класса от власти. Добавьте к этому сравнительно позднее формирование русской буржуазии; ее неконкурентоспособность в соперничестве с европейской; ее общую слабость, обусловленную перманентным дефицитом денег в государстве, что в комплексе обусловило зависимое и подчиненное положение экономической элиты в российской политической системе.

Столь существенная разница не могла не определить целый ряд и иных отличий. Так, если непосредственной целью оппозиции в условиях западной политической системы естественным образом является завоевание политической власти, то в течение значительных периодов отечественной истории интеллигенция выступала в качестве оппонента власти, преследуя не собственные корпоративные интересы, а будучи движима идеями социального переустройства, не ставя непосредственной целью захват власти, а имея в виду коренные системные измене-

ния в обществе. Г. Федотов писал, что хотя объективно интеллигенция боролась за власть более полувека, ее непосредственной целью не был захват власти. «Я говорю объективно, потому что в сознании своем интеллигенция боялась власти, презирала ее и — в странной непоследовательности — мечтала о власти для народа. Во власти интеллигенции всегда чувлось нечто грязное и страшное» (Федотов Г. Революция идет // Судьба и грехи России. СПб, 1992. Т. 1. С. 142). Массовое оппозиционное движение разночинной по преимуществу интеллигенции второй половины XIX в. — начала XX в. — классический тому пример.

Важно отметить, что с самого момента рождения российская интеллигенция в качестве оппозиции действовала не как конкурент, а как смертельный враг власти. Оппозиция существует в любом государстве (за исключением крайних тоталитарных вариантов). Однако если в рамках западных политических систем власть и оппозиция сосуществуют как соперники и конкуренты, придерживающиеся определенных правил игры, гарантирующих целостность системы как таковой, то в России государство и его устойчивость в сознании и власти, и оппозиции превращаются во второстепенный, не имеющий самостоятельной ценности абстракт.

Чрезвычайно симптоматичен тот факт, что если костяк оппозиции составляли разночинцы, то ее идеологами практически на всем протяжении революционного движения составляли выходцы из элитарных кругов общества. В качестве первых «диссидентов» (кн. Курбский, Г. Котошихин, кн. И. А. Хворостинин) выступили выходцы из элитной среды, и в позднейшее время на протяжении практически всей истории революционного движения его идеологами выступали «кающиеся дворяне» — выходцы из привилегированных классов, что дало основание П. Струве констатировать в «Вехах»: «После пугачевщины... все русские политические движения были движениями образованной и привилегированной части России». (Вехи. С. 143).

Низкая степень внутренней сплоченности характерна не только для власти, но и для оппозиции, оказывающейся в состоянии внутреннего раскола на множество групп и течений, разделенных порою неприязнью не меньшей, нежели та, что лежит между властью и оппозицией. При этом доминирующие позиции в структуре оппозиционного движения, как правило, занимало его крайне радикальное крыло, что чрезвычайно сужало возможности конструктивного диалога власти и оппози-

ции, единственным общим знаменателем которого со временем стало устойчивое неприятие линии сторонников умеренно-прагматичной линии.

Смысл действий интеллигенции в качестве оппозиции, как правило, заключался в насильственном ускорении политических процессов: «Делали революцию в то время, когда вся задача состояла в том, чтобы все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании» (Вехи С. 148). Это дало основание А.С. Изгоеву в «Вехах» с сожалением констатировать: «нельзя не отдать себе отчета и в том, какой вред приносит России исторически сложившийся характер ее интеллигенции» (Вехи. С.205), имея в виду фанатичную приверженность тому, что С. Л. Франк определил как нигилистический морализм – «любовь к дальнему», во имя которого можно и должно принести в жертву ближнего. В этой связи Семен Франк пророчески призывал :»От непроизводительного, противокультурного нигилистического морализма мы должны перейти к творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму» (Вехи. С. 184)

Однако жесткое давление на власть со стороны радикальной оппозиции давало неоднозначные, порой прямо противоположные желаемым, результаты. Подобно тому, как выступления идейных предшественников радикальной интеллигенции в лице декабристов спровоцировало жесткость Николая I, так и убийство 1 марта 1881 г. народовольцами «царя-реформатора» Александра II обусловило серию «контрреформ» Александра III. Поразительно совпадение мрачных символов начала царствования Николая I и Александра III: восхождение на престол Николая I «торжественно открылось виселицами» (А. Герцен) – казнью пяти декабристов. Пять виселиц казненных народовольцев знаменовали начало царствования Александра III.

Наиболее ярко пагубные последствия натиска левого радикализма на правительство демонстрирует анализ влияния левой радикальной интеллигенции на выработку правительственного курса в 1860-80-х гг. (опыт, несомненно учитывавшийся авторами «Вех»). Это воздействие было амбивалентным: с одной стороны давление на власть «слева» было призвано обеспечить необратимость преобразований в связи с непоследовательностью позиции верховной власти (традицией Александра II стала отставка либеральных реформаторов после осуществления преобразований). Неустойчивость реформистской установки объяснялась тем, что в самом императоре Александре II боролись два

начала: осознание необходимости дальнейшей модернизации страны и опасения, что реформы невольно могут усилить оппозиционное движение.

Причем демократической эволюции российской политической системы препятствовали две противоположные, но могущественные политические силы – правый и левый радикализм. К.Д. Кавелин писал в 1866 г., что правительство имеет перед собою две разнородные, хотя и тесно связанные между собою, оппозиционные партии – «оппозицию, преимущественно принадлежащую молодому поколению, с нигилистическим характером; и оппозицию ... ультраконсервативную, аристократическую» (Зайончковский П. А. Записка К. Д. Кавелина о нигилизме» // Исторический архив. Т.У. Л., Наука,1950. С.334).

Рупором «аристократического» правого радикализма стала группировка П.А. Шувалова, отражавшая интересы земельной аристократии – поместного дворянства, оказавшегося под двойным ударом – со стороны экономически активных групп, «выдавливавших» дворянство из привычной экономической ниши, и со стороны либеральной бюрократии, вытеснявшей земельную аристократию из активной политики. Благодаря апелляции к левой угрозе Шувалову удалось не только добиться выдвижения своих протеже на ключевые посты в структуре властного истеблишмента, но и получить на посту шефа жандармов в 1866-1874 гг. столь широкие полномочия, что современники назвали его Петром IV. Однако, несмотря на очевидный, но временный успех Шувалова, замедление процесса реформ, наметившееся во второй половине 1860-х гг., было обусловлено не столько влиянием консерваторов, сколько радикализмом слева – натиском революционной интеллигенции. Радикализм оппозиции стал значимым фактором, заблокировавшим возможности демократической эволюции политической системы России.

«Первым залпом» по реформам стало первое покушение на «царя-освободителя» (выстрел Д. Каракозова 4 апреля 1866 г.), послужив поводом для частичного замедления, а впоследствии сворачивания курса реформ. Характерно, что каждая новая акция радикалов вызывала новую волну отката процесса реформ назад. Наиболее нагляден этот процесс в сфере судебной практики. Практически каждый значимый терракт вынуждал правительство отступать от судебной реформы: в 1867 г. после выстрела Д. Каракозова г. был частично ликвидирован принцип несменяемости судей. В 1871 г. после процесса С. Нечаева был

изменен порядок расследования политических дел: их расследованием должны были теперь заниматься не судебные следователи, а III отделение канцелярии. В 1872 г. рассмотрение политических дел было передано из судебных палат в Особое присутствие Правительствующего Сената (ОППС). Закон 1874 г. усилил меры ответственности за принадлежность к революционным организациям. В 1878 г. в условиях размаха террора при явно благожелательном отношении большинства общества к радикалам (оправдательные приговоры судов присяжных по политическим делам стали к этому времени традицией) дела об особо тяжких государственных преступлениях были переданы военным судам с требованием смертной казни почти по всем случаям. Покушение 1 марта 1887 г. (А. Ульянов и др.) послужило поводом к изданию циркуляра, запрещающего военным судам применять иные меры наказания, кроме смертной казни. К 1890 г. политические преступления были окончательно исключены из компетенции суда и до революции 1905 г. рассматривались только в административном порядке. В этой связи Р. Пайпс пишет, что именно на «прогрессивном» общественном мнении лежит ответственность за срыв первой попытки в истории страны «поставить дело так, чтобы правительство тягалось со своими подданными на равных» (Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 388).

Таким образом, форсированная радикализация требований оппозиции, вплоть до насильственного свержения власти, только что осуществившей важнейшие реформы, принесла прямо противоположный результат: объективным результатом натиска радикальной оппозиции стала не дальнейшая модернизация политической системы, а ревизия осуществленных по инициативе власти модернизационных преобразований; обратной стороной левого экстремизма нередко стал жесткий правый консерватизм.

Сходными были результаты революции 1905-1907 гг., осмысление мрачных последствий которой (реакция 1907-1909 гг.) стало непосредственным поводом пессимистических выводов авторов «Вех»: «...революция (1905-1907 гг. — О.Г.) есть духовное детище интеллигенции, а следовательно, ее история есть исторический суд над этой интеллигенцией» (Вехи. С. 45).

Таким образом, в качестве оппозиции русская радикальная интеллигенция продемонстрировала неэффективность. Быть может, более успешным было выступление интеллигенции в качестве политической власти?

Правоту авторов «Вех» о политическом бесплодии интеллигенции подтвердил февраль 1917 г. — ведь Временное правительство по существу стало правительством либеральной интеллигенции. Между тем даже симпатизировавший либеральной интеллигенции французский посол при дворе последнего русского императора М. Палеолог и оказывавший им всемерную поддержку в связи с заинтересованностью Франции в продолжении участия России в первой мировой войне (что было обещано либералами в случае вхождения их в правительство), тем не менее отмечал, что российские либералы слишком умозрительны, слишком «книжны», чтобы быть людьми действия: «Понимание общих идей и знание политических систем недостаточны для управления человеческими делами: здесь необходим еще практический смысл, интуитивное понимание возможного и необходимого, быстрота решений, твердость плана, понимание страстей, обдуманная смелость, — все качества, которых... лишены «кадеты», несмотря на их патриотизм и добрые намерения» (Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 215-216).

Симптоматично, что не только пресса называла либералов «инвалидами революции», но и сами деятели либерального крыла признавали собственную слабость. Так, В. Шульгин впоследствии вспоминал: «Мы способны были... безболезненно пересест с депутатских кресел на министерские... под условием, чтобы императорский караул охранял нас». А. Гучков, рассматривая в качестве цели планировавшегося им заговора ротацию состава правительства, полагал, что деятельность такового будет более эффективной, если в его состав войдут не либералы из оппозиции, а либеральные бюрократы типа А. Кривошеина и С. Сазонова, так как Гучков, по его собственному призванию, не находил в либеральных политиках необходимого гражданского мужества и твердости, которое должно быть «проявлено властью в столь ответственные моменты. Скорее его можно было встретить у представителей бюрократии» (Из воспоминаний Гучкова // Последние новости. Париж. 1936. 13 сентября).

Итог деятельности Временного правительства хорошо известен; общим знаменателем мнений различных наблюдателей может служить вердикт известного российского дипломата А. Савинского: «Лишенные скрупулезности и патриотизма люди, невежественные и пустые, руководимые жалкими амбициями и личными интересами... Лишенные политического чутья, подго-

товки или знаний, невежественные в большинстве элементарных проблем... Получив в свои руки работающую на полном ходу машину государства, они преуспели в крушении этого государства на протяжении всего лишь нескольких недель (Цит. по: Уткин А. Вызов Запада и ответ России М., 1996. С. 181). Это мнение разделяют и современные исследователи. Так, уже упоминавшийся выше Р. Пайпс пишет: дореволюционная русская интеллигенция «считала само собой разумеющимся, что русская бюрократия — это стадо тщеславных и алчных тупиц. Однако последующие события продемонстрировали ошибочность интеллигентских представлений, ведь, придя к власти в феврале 1917 года, они за каких-нибудь два, от силы четыре месяца дали распасться государству и обществу — тому самому государству и тому самому обществу, цельность которых бюрократы все же худо-бедно сохраняли на протяжении веков (Пайпс Р. Русская революция. Т. 1. М., 1994. С. 80).

В точном соответствии со сложившейся российской политической практикой, для которой характерно доминирование радикального крыла оппозиции над умеренным, на смену либеральной интеллигенции у власти пришло экстремистское крыло интеллигенции — большевики. Философия и практика большевизма во многом стали продолжением фанатизма русской дореволюционной леворадикальной интеллигенции. И столь же инструментально, как она, большевики относились к стране и ее населению, рассматривая его в качестве сырого материала, что дало Горькому констатировать: Ленин обращается с людьми, как металлург с рудой. Большевистское руководство, в большинстве своем вышедшее из среды разночинной интеллигенции, придя к власти, обнаружила поразительную жестокость не только по отношению к прежней элите, но и своим материнским социальным группам.

А что же в наши дни? Быть может, мнения авторов «Вех» устарели? Этот вопрос тем более уместен, что реформы 1990-х гг. «взошли» на волне массового оппозиционного демократического движения рубеже 1980-1990-х гг., костяк которого составила интеллигенция.

Что касается корпоративного единства интеллигенции (и без того крайне слабого), то в ходе реформ оно окончательно распалось: «узкий круг» вошел в состав правящей элиты; основная масса маргинализировалась. Что касается интеллигенции у власти, то с сожалением приходится констатировать, что лицом

интеллигенции у власти стали лица Станкевича и Собчака. И дело даже не в том, что интеллигенция привела к власти плутократию. Главное в том, что технологии осуществления рыночных реформ, осуществлявшихся новым поколением радикальной интеллигенции под лозунгами либерализма, поразительно похожи на методы борьбы левой интеллигенции за идеалы социализма в начале века. Разнятся только лозунги: на смену заклипаниям о тотальной коммунизации пришли не менее категоричные призывы к тотальной приватизации. А в целом та же бестрепетность, тот же фанатизм, то же стремление достичь цели посредством «красногвардейской атаки» там, году востребованы взвешенность и постепенность... Не случайно за новым поколением интеллигенции у власти прочно закрепилась характеристика «рыночных большевиков». Так что пророчества авторов «Вех» смело можно считать сбывшимися и сегодня.

В этой связи представляются необоснованными страхи в связи с возможным возвращением бюрократии на властный Олимп: может, быть, она спасет пошатнувшийся корабль русской государственности? А если вдруг бюрократии придется прибегнуть к непопулярным мерам, то надо помнить, кто несет действительную ответственность за актуализацию подобных мер: это радикалы, поразительно напоминающие тех, кто еще в начале века побуждал философов с тревогой всматриваться в будущее страны.

Виртуальное управление персоналом в XX веке

Внутрифирменная подготовка кадров

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Исторически и логически вопрос о внутрифирменной подготовке кадров (ВФПК) возник после того как произошло разделение процесса производства и процесса подготовки кадров для производства, и оказалось, что кадры, подготовленные вне производства в принципе не соответствуют требованиям, предъявляемым им со стороны производства. Пожалуй, впервые такое затруднение было зафиксировано в конце 19 века в США, когда оказалось, что специалисты, окончившие ВУЗы, не могут сразу приступить к выполнению производственных задач, потому что не знают производства. В свою очередь, это несоответствие возникло вследствие того, что вузовская подготовка оторвалась от производства и «окуклилась» сама в себе, формализуясь в преподаваемых предметах и отставая от производства, развивающегося в технологическом плане быстрее, чем происходит смена когнитивных парадигм вузовских предметов. В Соединенных Штатах в конце 19 – начале 20 веков эта проблема была снята резким изменением вузовских программ.

Но на Западе проблема вузовской подготовки опять возникла в 60-х годах 20 века, и уже не могла быть снята изменением программ обучения, потому что большинство программ в среднем за пять лет наполовину устаревают. А менять так быстро свои программы ВУЗы не могут хотя бы потому, что возникает проблема обеспечения ВУЗов (обучение, найм и т.п.) преподавателями, соответствующими уровню развития производства. Не говоря уже о том, что ВУЗы просто не могут каждые пять лет менять свою лабораторную и производственную базу, обеспечивая уровень ее соответствия быстро развивающемуся производству.

В 70-е стратегическим направлением в обеспечении производства подходящими кадрами стал лозунг укрепления связи между производством, с одной стороны, и системой образования (среднего и высшего) — с другой. Компании стали делать инвестиции в образование. Инвестиции принимали самые различные формы: фирмы оплачивали определенные образовательные программы, даже создавали и финансировали школы для детей своих сотрудников, выплачивали стипендии и т.д. Эффект от этих инвестиций был заметным, но частным — по тем программы, которые фирмы финансировали, школьники и студенты учились лучше, в спецшколах успеваемость была выше. Но в целом уровень образованности не повысился, тем более, что компании часто упрекали во вмешательстве в процесс обучения. Компании оказались в положении буриданова осла: если фирмы пытаются целенаправленно вкладывать деньги в систему образования, их обвиняют во вмешательстве, если же фирмы просто дают деньги учебным заведениям, они не могут контролировать то как эти деньги расходуются. В таких условиях американские компании в начале 80-х годов стали постепенно отказываться от инвестирования образования.

2. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Отказавшись от масштабного финансирования вузовской системы образования, компании стали создавать свои структуры подготовки кадров. В середине 80-х годов в США в частных компаниях было около 50 тысяч специалистов занятых подготовкой и переподготовкой рабочей силы. В крупных фирмах до 25% работающих специалистов повышают свою квалификацию. Расходы на внутрифирменную подготовку кадров в США во второй половине 80-х годов в некоторых фирмах составили следующие величины:

ИБМ — 750 млн. долларов (5% затрат на оплату труда);

Дженерал электрик — 260 млн. долларов (2%);

Ксерокс — 257 млн. долларов (4%);

Тексас инструментс — 45 млн. долларов (3,5%);

Моторола — 42 млн. долларов (2,6%).

В эти суммы не включена зарплата работников, проходящих подготовку. В случае ее включения сумма расходов почти удвоится.

В силу ее значимости и потребляемых ресурсов внутрифирменную систему подготовки кадров иногда называют «теневой системой образования».

Американский бизнес ежегодно тратит на специальные программы ВФПК около 263 долларов на одного работника. Кроме того, от 90 до 180 млрд. долларов, по оценке экспертов, — на подготовку кадров непосредственно на производстве. Таким образом, суммарные затраты компаний на ВФПК (210 млрд. долларов) стали сопоставимы с общей суммой государственных и частных расходов на школьное и высшее образование (свыше 350 млрд. долларов).

Но в США позволить себе внутрифирменную подготовку кадров могут только крупные компании. Большая часть затрат на внутрифирменную подготовку приходится на менее чем 10% всех американских компаний. Не все даже крупные компании имеют собственную систему внутрифирменной подготовки, многие из них объединяются для создания межфирменных центров обучения и переподготовки.

Среди малых фирм, с объемом годовых продаж менее 50 млн. долларов, лишь 6% проводят тестирование вновь принимаемых на работу, а из этого числа фирм лишь 25% проводят обучение своих кадров или посылают их на внешние курсы.

В США основной упор во внутрифирменной подготовке делается на повышение квалификации специалистов с высшим образованием, прежде всего — управленцев. Вероятность обучения по внутрифирменным программам на 50% выше для лиц с высшим образованием, чем без него. Для управляющих со степенью магистра или доктора в 2 раза выше, чем для бакалавра.

С одной стороны, в этом компании правы. Небольшая управленческая группа может существенно повысить прибыльность фирмы. Известно, что после того как японская фирма «Мацусита» приобрела один из телевизионных заводов американской фирмы «Моторола ТВ», двенадцати японским управляющим за пять лет практически без замены рабочей силы удалось сократить фонд гарантийного ремонта с 22 млн. до 3,5 млн. долларов, уменьшить число производственных дефектов на 100 приемников со 140 до 6, сократить рекламации в первые 90 дней после продажи с 70 до 7% и снизить текучесть кадров с 30 до 1% в год.

Но сами японцы утверждают, и американцы все больше с этим соглашаются, что многое определяется низшими уровнями в социальных иерархиях компаний. В японских фирмах в

США (на которых занято уже более 500 тысяч американцев) тратят на переподготовку одного рабочего почти на 1000 долларов в год больше, чем в американских фирмах. В результате на автомобильных японских фирмах в США качество автомобилей почти одинаково с качеством автомобилей произведенных в Японии, в то время как качество собственно американских автомобилей значительно уступает японским.

Об экономической отдаче затрат на внутрифирменную подготовку говорить сложно, ибо ее практически невозможно определить. Лишь 20% фирм в США пытаются оценивать эффективность вкладов в подготовку своих специалистов. В основном решения об инвестициях в подготовку кадров носят субъективный характер. В США, в отличие, например, от японских и немецких фирм, подготовка кадров не стала частью их конкурентной стратегии. Ежегодные затраты американского бизнеса на ВФПК более, чем в два раза уступают немецким фирмам, а в области подготовки рабочих кадров – более чем в 17 раз в расчете на одного человека. В США государство не стимулирует усилия фирм по подготовке кадров, в отличие, например, от Франции, где фирмы, проводящие профессиональную подготовку своих кадров, получают налоговые льготы.

3. СТРУКТУРА СИСТЕМЫ ВФПК

Еще в начале 50-х годов практически все кадровые вопросы были сосредоточены в отделах персонала (Personal Department). Основная задача работы таких отделов – отбор и расстановка кадров. Компании выступали в качестве потребителей кадров. В настоящее время почти во всех корпорациях выделена служба, занимающаяся подготовкой кадров : отдел подготовки (Training Department). Система подготовки охватывает все категории сотрудников – от рабочих до высших управляющих, и включает различные виды обучения: от двухнедельных курсов до четырехлетних программ, дающих ученую степень. Основными функциями отделов подготовки являются:

- планирование работы с кадрами;
- разработка учебных материалов и техники;
- оценка эффективности использования затрачиваемых средств;
- собственно подготовка кадров.

Одна из самых мощных структур внутрифирменной подготовки создана на «Дженерал моторз» (ДМ).

ДМ имеет 6 центральных учебных центров, численность преподавательского персонала которых составляет около 1000 человек. Кроме того имеет 31 региональный учебный центр, где обучение проводится по программам, разработанным в центральных учебных отделах. Четыре из шести центральных отделов готовят кадры для всех подразделений фирмы.

Первый из них – «колледж Дженерал моторз» имеет статус учебного заведения с правом присвоения ученой степени бакалавра. Он готовит управленческие и инженерные кадры для концерна ДМ. Эта категория сотрудников компании на 90% состоит из выпускников «колледж Дженерал моторз». Одновременно в «колледж Дженерал моторз» обучается около 2500 человек. Время обучения – 4 года. Затраты на одного учащегося составляют 3500 долларов в год.

Второй центральный отдел – центр повышения квалификации инженерного персонала корпорации. Обучение происходит по программы длительностью 1-2 семестра.

Третий центральный отдел – центр повышения квалификации управленческого персонала корпорации.

Четвертый центральный отдел – центр повышения квалификации управляющих, специализирующихся в области снабжения и сбыта.

Пятый и шестой центральные отделы разрабатывают программы для региональных учебных центров.

Мелкие фирмы обучают рабочих и управленцев низшего звена, а инженеров и высший управленческий персонал отправляют в подготовительные центры других корпораций и высшие учебные заведения.

В настоящее время считается, что затраты на обучение и переподготовку являются долгосрочными инвестициями в персонал, а не расходами. Существует т.н. «четырёхстадийная система оценки» систем обучения и переобучения, состоящая из четырех элементов:

- 1) оценка содержания курса и методов обучения самим обучающимся;
- 2) проверка знаний учащегося;
- 3) оценка изменения психологических установок и поведения человека в результате обучения;
- 4) определение экономической эффективности программ.

Для четвертого пункта существуют расчетные формулы, но это фактически невозможно просчитать.

3.1. Подготовка рабочих

Подготовка рабочих сводится в основном к овладению конкретной рабочей специальностью.

3.2. Подготовка низшего управленческого персонала

Подготовка низшего управленческого персонала сводится в основном к овладению курсами по «человеческим отношениям», где рассматриваются возможные на производстве виды межличностных конфликтов и способы управления ими.

3.3. Подготовка ИТР и научного персонала

Подготовка ИТР и научного персонала состоит из двух направлений:

- ориентация (для вновь принятых);
- повышение квалификации.

Вводные программы ориентации вновь принятых бывают разной длительности (до двух лет), и делятся на общую и специализированную.

Цель общей части программы – ознакомление с производством, адаптация вновь принятого и подбор работы наиболее подходящей для данного человека. Эти задачи часто решаются методом ротации, когда человек работает на различных рабочих местах в фирме.

Специализированная часть проводится непосредственно на рабочем месте, на котором человек будет работать. Основная роль в специализированной подготовке отводится руководителю подразделения. Специализированная подготовка проводится по трем основным направлениям:

- углубление знаний тех сотрудников, которые остаются на данном рабочем месте;
- подготовка резерва управления;
- переквалификация.

Специализированная подготовка на 80% проводится внутри фирмы, и лишь на 20% – вне фирмы. Внефирменная подготовка имеет различные формы: обучение в университетах (с отры-

вом и без отрыва от производства), стажировка в других фирмах, участие в конференциях, семинарах и проч. В университетах организуются специальные курсы для сотрудников фирм, проходящих специализированную подготовку. Во внутрифирменной подготовке также используются университетские преподаватели, кабельное телевидение. Есть специальные программы внутрифирменной подготовки для получения ученой степени бакалавра, магистра и доктора наук.

3.4. Подготовка управленческих кадров

Крупные фирмы, такие, например, как Дженерал электрик, ИБМ, АТТ, Вестингауз, имеют собственные институты (вузы) для своих управленческих кадров. Наиболее известные из них: Институт ИБМ, основанный в 1959 году, Институт по изучению и совершенствованию управления при Дженерал электрик, созданный в 1955 году.

- Основные направления подготовки управленческих кадров:
- вводные программы для выпускников школ бизнеса;
 - подготовка резерва управления;
 - повышение квалификации.

Для выявления потенциальных возможностей новичков и сотрудников повышающих свою квалификацию часто используются так называемые «центры оценки персонала». Метод создан в 30-е годы, и в настоящее время используется более чем в 2000 компаниях США. Метод центра оценки применяется в отношении управляющих низшего и среднего звена и состоит в следующем.

Группа работников фирмы, готовящихся впервые занять руководящие должности, а также готовящихся в резерв управления, выполняют различные тесты и упражнения, результаты которых оценивают управляющие более высокого уровня (которые проходят специальную подготовку для этого). Набор упражнений обычно состоит из деловых игр, занятий по лабораторному методу, психологических тестов, интервью.

Для повышения квалификации управляющих высшего звена используются как правило возможности высших учебных заведений: посылают в университеты, для внутрифирменной подготовки приглашают из университетов специалистов и консультантов. Промышленность не может внутри себя обеспечить повышение квалификации управляющих высшего звена, и счи-

тается, что их подготовка должна носить форму life-longeducation. Программы для ВУП – наиболее сложные и дорогостоящие, например, в Дженерал электрик ее продолжительность составляет 13 недель. 13-недельный курс делится на три периода. В течение первых 6 недель занятия проводятся внешними специалистами, и включают в себя обзор последних тенденций в экономической, социальной и политической областях. Следующие 3 недели отводятся на ознакомление с проблемами, стоящими непосредственно перед корпорацией. Последние 3 недели – это курс занятий по методу разбора хозяйственных ситуаций под руководством преподавателей из университетов.

Психологические методы, используемые при подготовке управляющих высшего звена, делятся на пассивные и активные. Пассивные – это лекции, самостоятельное чтение литературы, просмотр кино– и телепрограмм. Применение активных методов направлено на овладение практическими навыками. К активным методам относятся: ролевые игры, лабораторный метод, конфликтные группы, Т-группы, «самообучающиеся» группы и т.п. Задачи, решаемые с помощью активных методов, заключаются в выработке стиля поведения, в овладении приемами создания благоприятного морального климата в компании, в отработке навыков самоконтроля и контроля поведения других, в овладении своими эмоциями, в обучении коммуникативности, в отработке умений преодолевать страх, неуверенность, агрессивность, замкнутость, в отработке навыков лидерства и т.п.

Генезис виртуального управления персоналом

Представления о месте и роли персонала в функционировании предприятия на протяжении XX века неоднократно и кардинально менялись. Выделяя психологический принцип, по которому происходила смена представлений о человеке, можно сказать, что в процессе развития организационной парадигмы происходило включение в технологический процесс все более «неосязаемых» человеческих факторов, которые со временем становились все более «осязаемыми» и все более увеличивающими эффективность производства.

Первыми «неосязаемыми» факторами, которые были изучены и включены в технологию, были усталость и движение. Это произошло в начале 20 века в период «научной организации труда». Заслуга Ф.Тейлора (одна из многих) заключалась в том,

что он доказал, что технологический процесс должен строиться с учетом физической усталости человека. В соответствии с принципами «научной организации труда», нужно дозировать физические нагрузки на человека и предоставлять время на отдых. Тем самым в технологический процесс был включен принципиально новый элемент – человеческий фактор. Если до сих пор человек рассматривался как *условие* производства, как то, что обеспечивает протекание технологического процесса, то теперь один из человеческих факторов стал *элементом* технологического процесса. Теперь сам технологический процесс стал строиться с учетом того что существует усталость человека.

Возьмем «классическую» человеческую работу: переноска тяжестей. Если до Ф.Тейлора поддержание своих сил было делом самого рабочего, то теперь – это стало делом проектировщика (работодателя). Произошла парадоксальная вещь с точки зрения дотейлоровской парадигмы производства: в технологический процесс был включен элемент прямо обратный природе этого процесса – бездействие человека (отдых). То, за что человек до сих пор только наказывался как за безделье, стало неотъемлемой частью производства (Taylor, 1911).

С психологической точки зрения здесь произошла очень важная вещь: человек был разделен на самого себя, с одной стороны, и на его способности (свойства) – с другой, в данном случае свойство физически уставать (утомление). Теперь не сам человек отвечал за свою работоспособность, а работодатель. Свойство физически уставать перестало быть имманентным свойством человека, а стало технологическим элементом.

Любопытно при этом то, что измерять, объективно фиксировать физическую усталость не могли как в те далекие теперь годы, так не могут и в настоящее время, несмотря на огромное количество попыток сделать это. Есть методы сравнительной оценки утомления, косвенной оценки, но прямых методов измерения усталости нет. Как показал опыт, самый точный и лучший способ оценки усталости – это субъективный.

И вот этот объективно неосязаемый человеческий фактор стал элементом технологии. Теперь эта идея звучит трюизмом, а в те годы звучала революционно.

Кроме утомления, пожалуй, еще только движение стало предметом столь тщательного изучения в «научной организации труда». И в отношении движения тоже перестали полагаться на природные способности человека и стали специально их орга-

низовывать. Классическим примером изучения и организации движения являются работы по анализу работы каменщика (Gilbreth, 1911).

Утомление (как и профессиональное движение) с психологической точки зрения интересно тем, что оно *порождается* в процессе труда, хотя само не является элементом этого труда, *существует* только пока только этот трудовой процесс длится, *влияет* на трудовой процесс и является *самостоятельным* явлением с присущими только ему свойствами.

Здесь можно попытаться возразить, что утомление сохраняется и после труда. Это верно, но только в отношении неправильно построенной технологии, т.е. без учета усталости человека. В нормальной технологии, о чем ратовала научная организация труда, свою работоспособность человек должен восстанавливать в процессе труда. В противном случае это будет не «научная организация труда», а изнашивание здоровья человека. И тогда речь будет идти не об утомлении, а о изменении человека. Теоретически, с точки зрения принципов «научной организации труда», человек в конце рабочего дня должен работать столь же производительно, сколь и в начале рабочего дня, т.е. утомление и в начале рабочего дня, и в его конце должны быть одинаковыми – его не должно быть. Так что собственно утомление как технологический процесс существует только актуально, только «здесь и теперь» – во время технологического процесса. Все остальное – это либо недостатки организации труда, либо совсем другое, например, изнашивание организма.

Утомление является психологически самостоятельным явлением. Его можно компенсировать только отдыхом и ничем иным. Невозможно бороться с утомлением другими средствами: повышением зарплаты, увеличением срока отпуска, социальными льготами и т.д.

Таким образом, утомление соответствует всем четырем признакам *виртуальной реальности*: порожденность, актуальность, автономность и интерактивность (Носов, 1994; 2000). Еще более виртуальным является рабочие движения человека. Собственно, потому и была сложность технологического включения утомления, что оно является виртуальным явлением: неосязаемым, не ухватываемым объективно.

Итак, первый этап генезиса виртуального управления персоналом характеризуется признанием объективного существования определенных индивидуальных свойств человека: утомления, движения и т.п.

Второй этап генезиса виртуального управления персоналом характеризуется признанием объективного существования межличностных свойств человека в качестве элемента технологического процесса.

То, что такой неосязаемый и объективно не измеряемый фактор как трудовые межличностные отношения должны стать элементом производственной технологии, доказал известный хоторнский эксперимент. Межличностные отношения, существующие в процессе труда, являются виртуальным явлением, соответствующим всем четырем признакам виртуальной реальности: порожденность, актуальность, автономность и интерактивность.

Порожденность. Межличностные производственные отношения порождаются в процессе производства, любая другая ситуация породит даже между теми же людьми совершенно другие отношения.

Актуальность. Межличностные производственные отношения существуют только актуально, только во время производственного процесса. Конечно, они могут быть вынесены за производственные рамки, но тогда они становятся неадекватными, как отношения между «толстым» и «тонким» в чеховском рассказе.

Автономность. Межличностные производственные отношения сами относятся к совершенно другой реальности, нежели производственно-технологическая, а именно: к сфере межличностных отношений, — которая не может быть сведена к производственно-технологической парадигме. Межличностные отношения относительно технологии обладают статусом самостоятельного существования.

Интерактивность. Межличностные производственные отношения интерактивны, т.е. несмотря на то, что порождаются в процессе производства, сами активно влияют на этот процесс, т.е. технологический процесс, с одной стороны, и межличностные производственные отношения, с другой стороны, взаимодействуют друг с другом. Собственно, в констатации этого факта и заключался результат хоторнского эксперимента.

После хоторнского эксперимента и соответствующей концептуализации межличностные отношения, так же как и утомление, стали включаться в качестве неотъемлемого элемента в технологический процесс.

Таким образом, в предмет управления персоналом оказалась включенной еще одна человеческая виртуальная реальность, а сами оргструктуры тем самым перешли на следующий уровень

в своем виртуальной генезисе. Отметим, что этот генезис обладает таким свойством, что в его процессе не происходит «отрицания отрицания», т.е. каждый следующий этап развития не только не отрицает предыдущий этап, но, напротив, возможен только при полноценном включении в себя предыдущих этапов. Бессмысленно и невозможно говорить об учете межличностных отношений в технологическом процессе до тех пор, пока все проблемы физиологического комфорта не будут эффективно решены: усталости, освещенности, организации движения, антропологических параметров и т.д. Хоторнский эксперимент сам по себе открыл лишь факт существования межличностных отношений, но из него не следует, что возможно эффективное производство на базе учета лишь межличностных отношений, без учета физиологического комфорта. Виртуальный генезис движется в направлении учета, захватывая все более тонких психологических реалий при сохранении существования всех предыдущих реалий. Например, компьютерные технологии развиваются за счет отказа на каждом следующем этапе от компонентной базы предыдущего этапа: лампы сменились транзисторами, транзисторы — микросхемами и т.д. Виртуальный генезис похож скорее на восхождение на гору: следующий этап не может существовать без существования предыдущего, как вершина горы даже не может быть вершиной без своего основания, превращаясь в нуль, в равнину при отсутствии основания; и наоборот, чем больше основание, тем мощнее гора и выше вершина.

На следующем этапе генезиса виртуального управления персоналом произошло открытие важности с технологической точки зрения личностных качеств человека. Оказалось, что личностные качества работника, прежде всего те, которые имеют активную природу — целеустремленность, мотивированность на развитие, креативность, предприимчивость и т.д. — значительно повышают производительность труда и эффективность производства.

Очевидно, что с производственной точки зрения эта психологическая реальность является уже абсолютно виртуальной. Например, предприимчивость никак нельзя померить, кроме как по результату деятельности. Производственная предприимчивость, т.е. именно та, которая необходима технологическому процессу, а не любая, в принципе может проявиться (возникнуть: свойство порожденности) и существовать только в процессе труда (свойство актуальности), она не сводится к реаль-

ности технологического процесса (свойство самостоятельности) и активно влияет на технологический процесс (свойство интерактивности).

На следующем этапе генезиса виртуального управления персоналом в технологический процесс были включены так называемые трансперсональные способности человека: способность трансформации свойств своей психики и личности. От человека стало требоваться, чтобы он преобразил свои «естественные» психические качества и приобрел именно те, которые требуются с производственной точки зрения. Человек теперь должен уметь преобразовать свою замкнутость в общительность, свою угрюмость в жизнерадостность, свою стеснительность в предприимчивость и т.д.

Эти новые качества даже относительно человека, не говоря уже о технологическом процессе, являются виртуальными – порождаемыми личностью в процессе и для эффективного выполнения своих производственных (технологических) функций.

Систематизируя процесс генезиса виртуального управления персоналом в XX в., можно сказать следующее.

Первый этап – этап научной организации труда (1900-1930-е гг.).

Предметом организации является рабочее место работника физического труда. Базовой антропологической моделью является физическое тело человека (психофизиологические качества человека). Базовой психологической теорией является научная организация труда (Ф.Тейлор). Рабочим методом является хронометраж. Базовой теорией организации является теория бюрократии (М.Вебер). Технологизируемой виртуальной реальностью являются физиологические качества человека.

Второй этап – этап человеческих отношений (1930-1960-е гг.).

Предметом организации является производственное подразделение. Базовой антропологической моделью является социальный человек. Базовой психологической моделью являются теории межличностных отношений (Э.Мэйо, Д.Макгрегор). Рабочим методом являются опросники. Базовой теорией организации является теория социальной организации (Ч.Барнард, Ф.Селзник). Технологизируемой виртуальной реальностью являются межличностные отношения.

Третий этап – индивидуально-психологический (1970-1980-е гг.).

Предметом организации являются целые организации. Базовой антропологической моделью является индивид. Базовой психологической моделью являются теории личности (Маслоу).

Рабочим методом являются тесты. Базовой теорией организации является средовые теории, организации в среде (Чандлер, П.Лоуренс и Дж.Лорш). Технологизируемой виртуальной реальностью являются личностные качества человека.

Четвертый этап – трансперсональный (с 1980-х г.).

Предметом организации является среда. Базовой антропологической моделью является трансцендентный человек (его измененные состояния сознания). Базовой психологической моделью являются теории развития и трансцендентных реальностей. Рабочим методом являются тренинги. Базовой теорией организации является теории развития организации (Т.Питерс, Р.Уотермен, К.Уэйк, Дж.Марч). Технологизируемой виртуальной реальностью являются трансперсональные качества человека.

Продолжая используемую выше логику рассуждений, можно утверждать, что пятый этап будет информационным (Neisbitt, 1982; Neisbitt, Aburdere, 1990).

Предметом организации являются принципы функционирования среды. Базовой антропологической моделью является стохастический человек. Базовой психологической моделью является теория фазовых состояний человека. Рабочим методом являются разрешение неопределенных ситуаций. Базовой теорией организации является теории информационной структуры и саморазвития организации. Технологизируемой виртуальной реальностью являются трансперсональные психические фазовые переходы.

Заключение

Собственно, на третьем этапе и было зафиксировано несоответствие выпускников требованиям фирм, поскольку школа, средняя и высшая, не обеспечивала должной квалификацией. На первом и втором этапах квалификация не нужна была как таковая, она не была доминирующим фактором обеспечения дивидендов, поскольку эти дивиденды создавались за счет усовершенствования среды обитания и системы внутрифирменных отношений. На четвертом этапе повышенные требования к квалификации отпадут, поскольку основным источником развития фирм будут психические ресурсы человека, и в сравнении со средствами затрачиваемыми на задействование психических ресурсов, затраты на обеспечение квалификации будут незначи-

тельными, во-первых, а во-вторых, обязательными, не подвергаемыми даже обсуждению, как в настоящее время не обсуждаются траты на среду обитания и управленческие структуры.

О достаточно бурном развитии психологических моделей сознания и их практическом применении говорит тот факт, что в США в конце 80-х годов в промышленности тратилось 4 млрд. долларов на консультантов в области духовного роста и творчества; из 500 крупнейших компаний свыше половины используют в своей работе различные техники по «расширению сознания» (Neisbitt, Aburdere, 1990).

Эта тенденция соответствует некоторым прогнозам, согласно которым в 21 веке общество из промышленного трансформируется в информационное, что приведет к необходимости соответствующей подготовки людей к жизни и труду. Соответственно изменится принцип бизнеса: от менеджерства произойдет переход к лидерству, цель которого — пробуждать новые способности в человеке и готовить его быстро реагировать на перемены. Любопытно и естественно, что если переход к современному этапу развития общества знаменовался бурным ростом университетов, то переход к следующему — бурным ростом музеев, например, в Великобритании новый музей открывается каждые 18 дней (Neisbitt, Aburdere, 1990).

Что касается ближайших перспектив внутрифирменной подготовки, то в свете вышесказанного очевидно, что «духовные» методы, начинающие применяться относительно высшего управленческого персонала, будут постепенно опускаться на все более низкие иерархические уровни организации.

Литература

1. *Акофф Р.* Планирование в больших экономических системах. М.: Сов.радио, 1972.
2. *Базаров Т.Ю.* Технология центров оценки для государственных служащих: Проблемы конкурсного отбора. М.: ИПКгосслужащих, 1995.
3. *Большакова Г.К.* США: роль корпораций и государства в подготовке кадров. М.: Наука, 1987.
4. *Вильховченко Э.* Западный опыт развития «человеческих ресурсов» в эпоху НТР // Проблемы теории и практики управления, 1993. № 3.
5. *Ле Галль Ж.-М.* Управление человеческими ресурсами. М.: Конкорд, 1995.
6. *Грачев М.* Суперкадры. Управление персоналом в международной корпорации. М.: Дело, 1993.
7. *Зарецкая С.Л.* США: бизнес и образование. М.: ИНИОН, 1993.
8. *Зарецкая С.Л.* Государство и образование: опыт стран Запада. М.: ИНИОН, 1992.
9. *Иванцевич Дж.М., Лобанов А.А.* Человеческие ресурсы управления. М.: Дело, 1993.
10. *Носов Н.А.* Психологические виртуальные реальности. М.: Ин-т человека РАН, 1994.
11. *Носов Н.А.* Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000.
12. *Питерс Т., Уотермен Р.* В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний). М.: Прогресс, 1986.
13. *Шкаратан О., Тихонова Е.* Потенциал человеческих ресурсов России // Общественные науки и современность, 1995, № 4.
14. *Gilbreth F.B.* Motion study. N.Y.: L., 1911.
15. *Neisbitt J.* Megatrends: Ten new Directions Transforming Our Lives. N.Y.: Warner Books, 1982.
16. *Neisbitt J., Aburdere P.* Megatrends 2000: Ten new Directions for the 1990's. N.Y.: William Mjrrrow & Co., 1990.
17. *Taylor F.W.* The principles of scientific management. N.Y.: Harper and Row, 1911.

Н.Н.Авдеева, Г.Б.Степанова

Современные факторы риска для человеческого и интеллектуального потенциала страны*

Ведущими факторами, создающими угрозы для человеческого потенциала, являются:

- неблагоприятное состояние и негативные тенденции изменения продолжительности жизни и смертности населения;
- снижение уровня физического и психического здоровья под влиянием социально-экологических факторов среды жизнедеятельности;
- ухудшающееся положение детей, семьи, молодежи как важнейших составляющих человеческого потенциала будущих поколений;
- некоторые тенденции, связанные с практическим использованием научно-технических достижений;
- новое состояние культурного и образовательного пространства развития молодых поколений.

Частично эти факторы риска связаны с общим ходом цивилизационного процесса, характерного для современной постиндустриальной эпохи, частично – они специфичны для условий быстрых социально-экономических перемен в нашей стране.

Состояние здоровья населения как фактор риска

Сегодняшняя демографическая ситуация в РФ оценивается многими специалистами как кризисная. С 1992 году воспроизводство населения в России приобрело новое качество: впервые

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 00-06-80103 и Российского гуманитарного научного фонда, проект №00-06-00225.

за все послевоенное время число смертей, зарегистрированных за год превысило число рождений. Депопуляция за январь-сентябрь 1999 г. составила 668,3 тыс. человек. При продолжающемся падении рождаемости неизбежно падает процентная доля молодежи и возрастает — пенсионеров. Особенно выражена эта тенденция в крупных городах, где люди пенсионного возраста составляют более четверти населения.

«Старение» возрастной структуры населения является **социальным фактором риска** из-за повышения нагрузки на трудоспособную часть населения.

Ожидаемая продолжительность жизни остается очень низкой для экономически развитой страны — последнее место в Европе у мужчин и одно из последних у женщин. Основные составляющие избыточной смертности, влияющие на ожидаемую продолжительность жизни населения России, связаны с тремя составляющими:

1) очень высокой смертностью от болезней системы кровообращения, в отличие от большинства экономически развитых стран не снижающейся на протяжении последних десятилетий;

2) сверхсмертностью от несчастных случаев, отравлений, травм, убийств, самоубийств в трудоспособных возрастах, особенно у мужчин.

3) относительно высокой смертностью от болезней органов дыхания и, в меньшей степени, от инфекционных болезней.

За 1999 г. по сравнению с 1998 г. смертность выросла по всем основным классам причин, в меньшей степени — по группе новообразований (на 1-2%), в большей — по группе болезней системы кровообращения (на 9%), особенно от гипертонической болезни (на 71%). Среди причин смертности на этот период наибольший рост произошел в группах инфекционных и паразитарных заболеваний (29%), «самоубийства» (10%) и «убийства» (9%).

Таким образом, современный кризис общественного здоровья в России обусловлен не столько «старыми» причинами смерти, такими как инфекционные болезни, а пришедшими им на смену «новыми» видами патологии, в первую очередь болезнями системы кровообращения. Социальное неблагополучие способствует сближению эндогенных и экзогенных причин смертности. В 1999 г. показатель смертности от несчастных случаев, отравлений и травм (197,9 на 100 тыс. населения) приблизился к показателю смертности от новообразований (205,1). В настоящее время эта тенденция сохраняется.

Другими **социально-психологическими факторами риска** являются: низкий уровень культуры поведения, отсутствие в массовом сознании установок и ценностей здорового образа жизни, отсутствие достаточной информированности населения.

Наряду с возрастанием смертности, сокращением ожидаемой продолжительности жизни происходит падение рождаемости. Коэффициент суммарной рождаемости за девяностые годы снизился с 2,0 до 1,2. В 1999 г. по сравнению с 1998 г. рождаемость сократилась на 5%, причем общий коэффициент рождаемости (8,5%) оказался самым низким за всю историю России.

Сегодня сокращение рождаемости происходит за счет отказа (или откладывающегося рождения) даже не второго, а первого и единственного младенца. Установка на массовую бездетность укрепляется.

Наряду со снижением рождаемости имеет место и сокращение брачности. За девяностые годы количество мужчин, состоящих в браке (на 1000 человек), снизилось с 19,1 (1990 г.) до 13,3 (1999 г.), женщин – с 16,8 до 11,8. Снижение брачности связано, в первую очередь, с откладыванием браков. Такая ситуация приводит к отрицательным демографическим (сокращение числа первых рождений) и медико-социальным последствиям (рост аборт, вторичное бесплодие, внебрачные рождения, отказ от новорожденных).

Особую тревогу вызывает состояние психического здоровья населения. Все еще остается высоким число больных алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, а также больных другими психическими расстройствами. Растет число умственно отсталых детей.

Влияние социально-экологических факторов на человеческий потенциал

Возможные психологические и социальные последствия современной социально-экологической ситуации обусловлены **двумя группами факторов:**

– воздействующими на психические явления посредством сдвигов в физиологических процессах;

– влияющими на психику человека путем изменения социальных и экономических условий с последующими возможными сдвигами в физиологических процессах психогенного характера.

К факторам **первой группы** относятся явления гипоксии, воздействие определенных отравляющих веществ на атмосферу, ухудшение качества питания и т. п. Наиболее существенными факторами **второй группы** являются: снижение уровня жизни, безработица, неуверенность в будущем для себя и своих детей, увеличение миграции, несоответствие затрат труда и социальной компенсации этих затрат, трудности получения образования и организации досуга (из-за высокой стоимости последних) и др.

Здоровье населения прямо связано с ухудшающейся экологической обстановкой. Экологические факторы, влияющие на состояние здоровья человека, связаны с техногенными изменениями ландшафта (изменения рельефа, активизация экзогенных геологических процессов, загрязнение территории промышленными и бытовыми отходами, загрязнение почв, ухудшение состояния растительного животного мира), физическими условиями среды жизнедеятельности (тепловое и радиационное загрязнения, электромагнитное излучение, шум, вибрация и пр.), климатическими особенностями среды проживания. К постоянно действующим экологическим факторам риска для здоровья человека относятся загрязнения атмосферы и водных объектов.

Дополнительный риск представляет низкий уровень мониторинга экологически опасных для здоровья человека факторов среды и производных от них показателей состояния здоровья населения, разобщенность и недостаточность мер, принимаемых на различных уровнях по адаптации различных групп населения к среде жизнедеятельности и реабилитации этой среды.

Положение детей в условиях социально-экономических перемен

В последние годы социально-экономические показатели положения детей по ряду параметров оказались неблагоприятными, причем негативные тенденции продолжают нарастать. Тревогу вызывает высокая младенческая и детская смертность. Так, в 1999 г. младенческая смертность составила – 16,9 на 1000 родившихся. Очень высока и не имеет тенденции к снижению материнская смертность. Увеличился показатель осложнений беременности, родов и послеродового периода – с 42,0 в 1995 г. до 48,4 в 1999 г. Увеличилось число хронически больных детей,

особенно с болезнями нервной системы, органов пищеварения, онкологическими заболеваниями, заболеваниями крови, эндокринной системы, опорно-двигательного аппарата. Специальные исследования показывают, что более 20% детей дошкольного возраста имеют хронические заболевания, более, чем у 50% школьников зафиксировано ослабление здоровья, более 40% детей к окончанию школы ограничены в выборе профессии по состоянию здоровья. Снижение уровня жизни вызвало значительное ухудшение качества питания детей, смещение его состава в сторону углеводородной модели потребления, что будет отрицательно сказываться на физическом и психическом здоровье в последующих возрастах.

Благополучие детей неразрывно связано с созданием необходимых условий для их воспитания, образования, духовного развития. Необходимо отметить **ряд тенденций**, которые, являясь **факторами социально-психологического риска**, негативно сказываются на **духовно-нравственном развитии и воспитании детей**. Так, резко сократилось производство детских и юношеских художественных, мультипликационных, учебных фильмов. Прекратила свое существование сеть специализированных детских кинотеатров.

Особым социальным фактором риска является нарастающая бездомность среди детей и подростков и высокий уровень правонарушений, совершаемых детьми и подростками. Общая численность бездомных детей в России продолжает расти. По данным Генеральной прокуратуры она достигает 2 млн. человек.

В последние годы в России **наблюдается увеличение числа детей, оставшихся без попечения родителей.** До сих пор на государственном уровне не разработаны адекватные программы воспитания и образования детей-сирот в учреждениях интернатного типа, отсутствует система подготовки психолого-педагогических кадров для этих образовательных учреждений. При таких условиях сохраняется высокий процент воспитанников детских домов и домов-интернатов, не способных к полноценной социальной и психологической адаптации в обществе.

Особая проблема – социально-психологическая реабилитация детей беженцев и вынужденных переселенцев (на 1 июля 1999 г. Федеральной миграционной службой было зарегистрировано 1.1 млн. человек).

Большую остроту приобрела **проблема детской заболеваемости и инвалидности.** Число детей в возрасте до 14 лет с врожденными пороками развития с 1995 г. до 1999 г. увеличилось с 4.2

до 6.4. (на 1000 человек), с психическими расстройствами – с 7.5 до 8,1, с нарушениями иммунитета – с 9.8 до 14,4, с болезнями крови и кроветворных органов – с 7,7. До 10,9. Рост заболеваемости среди детей происходит практически по всем нозологиям. Среди основных причин инвалидности детей следует отметить неблагоприятные условия труда женщин, наследственные заболевания, рост травматизма, все большее значение приобретает ухудшение экологической обстановки. В структуре детской инвалидности преобладают психоневрологические заболевания, заболевания внутренних органов, опорно-двигательного аппарата, нарушения зрения, слуха. Необеспеченность детей-инвалидов необходимым и качественным специальным оборудованием, медикаментами, материальной, социальной, психологической и юридической помощью резко сужает возможности их полноценной адаптации и реабилитации.

Изменение состояния семьи как фактор риска

Перемены, происходящие в экономике, политике, культурной жизни России в течение последних лет, оказывают значительное влияние на **семью как естественную основу жизнеобеспечения детей**, вынуждая ее к быстрым изменениям жизненной стратегии. В настоящее время существует острое противоречие между необходимостью обеспечить нормальную жизнедеятельность и развитие каждого ребенка и неадекватными экономическими возможностями большинства семей. Реальные денежные доходы населения в 1990-1998 гг. снизились почти вдвое. Среди различных категорий населения в числе бедных чаще оказываются семьи с несовершеннолетними детьми, молодые семьи с маленькими детьми, семьи с несколькими детьми.

Важной проблемой семьи и одновременно фактором риска является снижение полноценной реализации воспитательных функций. У родителей остается все меньше времени для воспитания детей в связи с необходимостью дополнительной работы для обеспечения потребностей семьи, а также возвращением в семью многих видов работ, ранее выполняемых сферой услуг.

Серьезного внимания требуют также повышение педагогической и психологической культуры родителей с целью обеспечения адекватной среды развития детей в семье, их эмоциональной поддержки, укрепления детско-родительских отношений. Семья

оказывает значительное влияние на интеллектуальное развитие ребенка. Стиль воспитания, социально-психологический климат в семье во многом определяет как психическое развитие ребенка в целом, так и интеллектуального, в частности. Результаты исследования, проведенного О.Н.Скоблик, показали значимую корреляцию между интеллектом ребенка и интеллектом эмоционально близкого (с точки зрения ребенка) родителя. Заброшенные дети с высоким уровнем интеллекта испытывают страх перед неудачей, они начинают бояться и избегать любых проявлений своих способностей. Собственное исследование¹ влияния социокультурных факторов среды на психическое развитие ребенка выявило сильную корреляционную связь между развитием когнитивной сферы и социально-психологическим климатом в семье, а также воспитательной активностью родителей (0,745).

Следует отметить недоступность для многих семей как из-за материального положения, так и в связи с занятостью родителей и ухудшением социально-психологического климата семьи, организации совместного культурного досуга (посещение театров, музеев и т.п.). Это ведет к сужению круга интересов, а тем самым препятствует выявлению склонностей и проявлению потенциальных способностей детей. Кроме того существенны различия в возможностях использования современных технических средств, информационных технологий, которые расширяют поле выбора ребенком сфер реализации своих способностей.

В особенно сложных социально-психологических условиях оказываются дети в семьях, находящихся на грани развода, неполных семьях, семьях, где родители ведут асоциальный образ жизни. В нестабильной социально-экономической ситуации развод становится массовым явлением. В настоящее время на каждые две свадьбы приходится один развод, каждый третий ребенок воспитывается в неполной семье, без отца или без матери.

При общем сокращении рождаемости **растет доля внебрачной рождаемости**: с 1980 г. по 1998 г. она возросла с 10,8% до 20,7%. Возрастают такие семейные неблагополучия, как алкоголизм или наркомания одного, а иногда и обоих супругов, либо вовлечение одного из супругов в компании асоциального харак-

¹ Степанова Г.Б. Влияние факторов ближайшего окружения на потенциал детского населения. В сб.: Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. Эдиториал УРСС, М., 1999.

тера. В результате **нарушаются психологические связи между ребенком и родителями**, что приводит к уходу детей из семьи, росту детского бродяжничества.

По данным Ассоциации работников социальных служб, **нарастают психопатологические реакции на внешние воздействия**, которые проявляются в виде агрессии или депрессии. Существует статистически достоверная связь между ростом безработицы, психологической неудовлетворенностью жизнью родителей и последующим всплеском жестокости и насилия по отношению к детям. Такое положение объясняется, в частности, **отсутствием эффективных правовых норм защиты неприкосновенности личности ребенка, его чести и достоинства**, охраны здоровья и других прав. Появились такие формы жестокого обращения с несовершеннолетними, как торговля детьми, вовлечение их в попрошайничество и нищенство, сексуальная и экономическая эксплуатация, лишение жилья, средств к существованию и другие формы пренебрежения их нуждами и интересами. Увеличивается число детей, погибающих от неестественных причин. Десятки тысяч детей в возрасте до 14 лет умирают от травм, убийств, самоубийств и отравлений.

Факторы риска в системе образования

Современная общеобразовательная школа (при всех инновационных тенденциях) **не учитывает** биологических, физиологических, психологических возрастных **особенностей развития ребенка**. Школьная нагрузка превышает, как правило, возрастные возможности, что ведет к появлению разного рода патологий. Число предметов в школе увеличилось почти на треть, а недельная нагрузка на ученика возросла в 1,5-2 раза. Физиолого-гигиеническое исследование влияния учебной нагрузки на динамику умственной работоспособности, степень утомления и состояние здоровья учащихся начальной школы, начавших обучаться с 6-ти лет по одной из трех систем: индивидуально-дифференцированной, развивающей, традиционной, показало, что для всех трех типов учреждений и при всех системах обучения чрезмерная учебная нагрузка и нарушение физиолого-гигиенических требований обуславливает существенное падение умственной

работоспособности; выраженное и резко выраженное утомление к концу недели, особенно у гимназистов и учащихся муниципальных школ².

Практически каждый третий ребенок имеет нервно-психические отклонения, нуждается в психолого-педагогической помощи и коррекции. В то же время программы педагогической работы с детьми-инвалидами находятся в стадии разработки и эксперимента.

Школа по-прежнему ориентирована на знания, умения, навыки, а не на личностное развитие, развитие творческого потенциала ребенка. Отсутствуют систематические и научно обоснованные программы выявления и работы с одаренными детьми.

Практически отсутствуют программы социального развития: нет человековедческой проблематики, не предусмотрено формирование социальных умений разрешения конфликтов, выражения и отстаивания своей точки зрения, толерантности и т.п. Опасной тенденцией является снижение качества общего образования. Официальные данные указывают на то, что около половины учащихся не осваивают необходимого содержания по естественнонаучным и гуманитарным дисциплинам.

Необходимо отметить еще один фактор образовательной системы, который может оказывать неблагоприятное воздействие как на интеллектуальное развитие детей, так и на психическое — в целом. Это, ставшая модной, психодиагностика развития, в большей степени интеллектуального. Доступность тестового материала привела к тому, что проводить диагностику развития может и непрофессионал. Более того, в некоторых, как правило, элитных учебных заведениях, психологические диагностические методики разрабатываются и апробируются педагогами самостоятельно, без консультаций со специалистами и информирования родителей. Любой тест отражает представления его создателя, которые путем статистических преобразований трансформируются в методическую, а то и методологическую систему. Тестирование — это жесткая классификация индивидов. Ярлык умственной отсталости формирует комплекс неполноценности, неуверенность в себе, не позволяет ребенку проявить свои способности и в других видах деятельности, прямо не связанными с

² Антропова М.В., Бородкина Г.В., Кузнецова Л.М. и др. Умственная работоспособность и состояние здоровья младших школьников, обучающихся по различным педагогическим системам. Физиология человека, т.24, №5, 1998.

показателями интеллекта. Другая опасность диагностики интеллектуального развития — попытки родителей «подогнать» ребенка под уровень выше среднего с помощью разного рода дополнительных занятий. Причем нагрузка часто не соответствует возрастным возможностям ребенка, а содержание дополнительного образования — его склонностям.

Предоставление школе большей самостоятельности, независимости привело к утрате контроля над отчислением трудных подростков и неугодных учащихся. Эти дети пополняют армию беспризорных, наркоманов, малолетних преступников. Многие из таких юношей и девушек имеют образование в объеме всего четырех-пяти классов.

Состояние молодежи как фактор риска

Предельная динамичность, высокая степень сложности, малая предсказуемость сегодняшней российской действительности делает задачу освоения культурного и социального пространства, встающую перед каждым молодым человеком, особенно сложной. Наложение же общецивилизационных сдвигов на специфически российские трудности последних лет делает молодежную проблематику вдвойне острой. Именно молодежь, обладая наименьшей социальной и психологической защищенностью, испытывает повышенное давление общественных проблем.

Одной из серьезных проблем является **социально-психологическая и юридическая неподготовленность российского общества к рыночным отношениям**. В обществе обозначилось противоречие между традиционными ценностными установками старших поколений и прагматичностью, психологической мобильностью, инновационностью современной молодежи, которая воспринимает «новые времена» в России как данность, стремясь оптимально и динамично вписываться в новые условия. При этом она неизбежно вступает в **конфликт с одинаково инерционными общественной моралью и правовой системой**, что существенно способствует криминализации молодежи. Многочисленные исследования показали, что за последние несколько лет криминальное сообщество заметно «помолодело», чему в значительной мере способствует также и неразвитость ценностного сознания молодежи.

Серьезным фактором риска для молодежи является также проблема профориентации и трудоустройства. Организационная структура системы образования и профессиональной подготовки претерпевает существенные изменения. Наиболее заметные из них – это снижение воспроизводства рабочих кадров и специалистов среднего звена. По данным ИСЭПН РАН за последнее десятилетие выпуск учащихся рабочих специальностей сократился на 38,3%, а число учебных заведений – на 374 единицы.

В области профессионального образования наиболее острой стала проблема подготовки рабочих и специалистов с учетом состояния региональных рынков труда рынков профессий. По официальной статистике, сегодня в рядах безработных 35% молодых. Появился колоссальный разрыв между рынком образовательных услуг и рынком профессий и труда. Сегодня около 80% выпускников начальной образовательной школы не находят себе работу по специальности; среди выпускников средней специальной школы эта цифра составляет около 70%, а высшей – 50%. Назрела необходимость установить более тесную связь рынка образовательных услуг с потребностями рынка труда.

Некоторые факторы риска, связанные с практическим использованием научно-технических достижений

Компьютерные виртуальные разработки дают возможность человеку воспринимать виртуальные объекты как реальные, а разработки в области психологических виртуальных реальностей позволяют воздействовать на психику человека. Это означает, что объединение компьютерных и психологических виртуальных реальностей приведет к тому, что человек будет не только воспринимать и взаимодействовать с виртуальными объектами как реальными, но и будет верить в их объективное существование.

Механизм психологического виртуального программирования заключается в разделении виртуальной и внешней реальностей и появлении субъектов, живущих практически полностью в виртуальной реальности и ориентирующихся на ее ценности. (Существующими аналогами такого рода поведения является алкогольная интоксикация, наркомания, азартные игры).

При этом надо иметь в виду, что поскольку компьютерная информация с заложенным в ней программированием имеет возможность распространяться даже по телефонной сети (Ин-

тернет), то и небольшая дестабилизирующая программа, охватывая большие группы пользователей, может иметь очень сильные последствия.

Факторы риска, обусловленные воздействием на человека средств массовой информации

Телевидение, радио, печатное слово являются и в настоящее время факторами риска для человеческого потенциала, с точки зрения возможностей манипулирования индивидуальным и коллективным сознанием и поведением. В условиях конкурентной борьбы, отсутствия действенных средств правового контроля и морального самоконтроля, СМИ часто апеллируют к низменным инстинктам и потребностям человека, иррациональным сторонам человеческой психики.

Среди нетрадиционных электронных средств информации все большую роль играет система Интернет, которой пользуются сотни миллионов человек во всем мире, как одним из средств массовой информации.

Информационные сети с точки зрения широты ее воздействия на человеческий потенциал имеет три особенности:

- отсутствие границ (государственных либо еще каких) для ее распространения;
- возможность для одного человека (или группы людей) общаться теоретически со всеми пользователями компьютеров (по крайней мере, с очень широкой аудиторией);
- отсутствие контроля (или его малая эффективность) за содержанием распространяемой информации.

Все это создает возможность одному человеку (группе людей) оказывать самое широкое воздействие на большие массы людей.

С помощью сети можно распространить фактически любую информацию практически мгновенно по всему свету, можно даже в безобидную информацию вложить элементы психологического программирования человеческого поведения.

* * *

Не претендуя на систематический анализ всей ситуации угроз человеческому потенциалу, мы стремились показать ценность комплексного рассмотрения самых разнообразных воздей-

ствий, которые испытывает человеческий потенциал страны. Представляется, что в процессе дальнейшей реализации такого подхода можно будет построить целостное представление о человеческом потенциале, совокупном влиянии на него факторов риска самой различной природы. Такое представление, с одной стороны, может служить основанием для проведения гуманитарной экспертизы социальных проектов, технологий и инициатив с точки зрения их воздействия на человеческий потенциал. В частности, среди угрожающих состоянию человеческого потенциала проблем, уже сейчас требующих гуманитарно-экспертных оценок, мониторинга и выработки политики государства, можно назвать следующие:

- современная государственная реформа общего образования;
- деятельность некоторых педагогов-экспериментаторов, деформирующая психику детей;
- массовое распространение психодиагностики в сфере образования;
- явно недостаточное этическое и правовое регулирование биомедицинских и психологических экспериментов на человеке;
- слабо контролируемое коммерческое использование человеческих органов и тканей как от живых доноров, так и от трупов;
- этическая и правовая неотрегулированность применения новых технологий деторождения;
- опасности, связанные с развитием и применением методов генодиагностики и генотерапии;
- деятельность психотерапевтов-самоучек и психоаналитиков, опасная для психического здоровья граждан;
- широкое распространение, в том числе с помощью средств массовой информации, суеверий, мистицизма, оккультизма, мракобесия;
- деятельность всякого рода целителей, знахарей и пр., подвергающих риску физическое и психическое здоровье граждан;
- активность псевдорелигиозных организаций, лидеры которых порой эффективно используют техники внушения, подавляя в человеке личностное начало;
- бесконтрольное распространение порнографии.

Республика Коми: демография и образование

Республика Коми по Индексу развития человеческого потенциала (0,802) занимает 16-е место среди регионов России, а среди национальных республик уступает Республике Татарстан (0,857) и Республике Башкортостан (0,851), по России ИРЧП (1996 г.) составляет 0,780. Самый низкий ИРЧП в Республике Тува – 0,520.

На круглом столе по проблемам развития человеческого потенциала в Российской Федерации, проходившего в г. Санкт-Петербурге 16-17 февраля 2000 г., отмечалось, что Республика Коми имеет хорошие позиции попасть в первую десятку среди 89 субъектов федерации. Столь высокий ИРЧП обусловлен тем, что Республика Коми занимает особое положение на Российском Севере.

22 августа 1921 года Президиум ВЦИК РСФСР принял декрет «Об образовании автономной области Коми», а 5 декабря 1936 года область была переименована в Коми АССР, в 1990 – в Коми ССР, а в 1992 году – в Республику Коми.

Республика Коми расположена между 59° и 68° северной широты в субарктическом и умеренном климатическом поясах. Преобладающий тип рельефа – равнинный, почвы – подзолистые, 65% территории республики занято лесом, 23% – оленьими пастбищами, 8% – болотами.

Территория республики – 416,8 тыс. кв. км (2,4% территории Российской Федерации). Протяженность региона с севера на юг – 785 км, с запада на восток – 695 км, с юго-запада на северо-восток – 1275 км. Расстояние от Сыктывкара до Москвы – 1410 км.

Численность населения на 1 января 2000г. составляла 1134,5 тыс. человек (0,8% населения России). Республика относится к числу слабозаселенных районов Российской Федерации. Плотность населения 2,7 человека на 1 кв. км. В городских поселениях проживает 74% населения, 26 % – в сельской местности. Средний возраст жителей республики – 34 года.

Республика располагает уникальным сочетанием минерально-сырьевых ресурсов. На территорию республики приходится около 1/2 запасов нефти и 1/3 газа, половина площади и запасов спелых и перестойных лесов Европейского Севера. Республика Коми входит в состав Северного экономического района Российской Федерации.

Доминирующие отрасли промышленности: топливная, электроэнергетика, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная. Более 2/3 производства промышленной продукции сосредоточено в городах: Сыктывкар, Воркута, Ухта, Усинск.

Транспортный комплекс Республики Коми представлен почти всеми видами современного транспорта. Основу железнодорожной сети составляет магистраль Котлас-Воркута. Эксплуатационная длина железнодорожных путей общего пользования – 1,7 тыс. км, протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием (включая ведомственные) – 9 тыс. км, внутренних судоходных путей – 3,1 тыс.км. По территории республики протекает множество рек, в основном, бассейнов Белого, Баренцева и Карского морей. Крупнейшие из них – Печора, Вычегда, Мезень. В республике берет начало нефтепровод Усинск – Ухта – Ярославль, проходит газопровод «Сияние Севера».

В республике 10 городов, 32 поселка городского типа, 741 сельский населенный пункт. Наиболее крупные города: столица – Сыктывкар, Воркута, Ухта, Инта, Печора.

По концентрации населения выделяются города: Сыктывкар, Печора, Ухта, Воркута с подчиненными им территориями. Среди районов повышенную плотность населения имеют: Усть-Вымский (8,1 человек на 1 кв. км), Сыктывдинский (3,7), Сысольский (3,0) районы.

Значительные различия в плотности населения республики обусловлены характером размещения производительных сил и исторически сложившейся системой расселения. Это хорошо прослеживается при рассмотрении национального состава населения отдельных территорий. В индустриально развитых и интенсивно осваиваемых районах республики доля лиц коренной

национальности — коми невелика (гг. Воркута — 2,2%, Инта — 8,5%; Ухта — 9,6%; Усинск — 11,5%; Печора — 13,8%); в сельскохозяйственных районах она составляет более половины населения (Ижемский — 86,6%; Корткеросский — 70,8%; Усть-Куломский — 71,1%; Сысольский — 69,4%; Сыктывдинский — 54%).

В дореволюционный период воспроизводство населения характеризовалось высокими уровнями рождаемости и смертности (особенно детской). С 1861 г. по 1913 г. на 1000 человек приходилось от 40,2 до 50,9 родившихся и от 26,0 до 45,6 умерших. Коэффициент естественного прироста населения составлял 9,6 — 16,5%. Из числа родившихся около трети детей не доживали до 1 года. Средняя продолжительность жизни составляла в начале 20 века немногим более 30 лет.

За годы советской власти существенно изменилась география расселения населения в пользу районов Крайнего Севера и местностей к ним приравненных. Если в 1926 г. в районах Крайнего Севера и местностях к ним приравненных не было городского населения, то в 1990 г. там проживали 70% городского и 62% всего населения. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 24.01.1992 г. вся территория Республики Коми отнесена к районам Крайнего Севера и районам, приравненным к районам Крайнего Севера.

В 1897 г. в структуре населения Коми края мужчины составляли примерно 48,0%, женщины — 52,0%. К 1920 г. в результате гражданской войны и гибели значительного количества мужчин соотношение полов ухудшилось — доля мужчин составляла 43,1%. К 1926 г. вследствие естественного воспроизводства и миграции населения доля мужчин увеличилась до 45,5%, а в предвоенный 1939 г. достигла уровня конца 19 века — 48,6%. В послевоенный период в Республике Коми происходит процесс выравнивания соотношения мужчин и женщин в составе населения.

Начиная с 1950-х гг. в Республике Коми в результате интенсивных миграционных процессов начинает доминировать мужское население, особенно в активных трудоспособных и брачных возрастах. Лишь во 2-й половине 1980-х гг. с формированием относительно стабильного населения и снижением роли миграции в его динамике происходит очередное выравнивание соотношения мужчин и женщин и устойчиво сохраняется в последующее десятилетие. В то же время наблюдаются различия в соотношении мужчин и женщин внутри отдельных возрастных групп: мужчины преобладают в дотрудоспособном и трудоспо-

собном возрасте, значительно уступают числу женщин в возрастах старше трудоспособного. Причем такое соотношение мужчин и женщин характерно как для городского, так и сельского населения с одним лишь отличием: до возраста 54 года в селах мужской перевес существеннее, чем в городах; после 65 лет, наоборот, доля мужчин на селе значительно ниже, чем в городе. На начало 1998 г. только в трудоспособном возрасте численность мужчин превосходила численность женщин на 62,6 тыс. человек. Для половозрастной структуры населения Республики Коми типично, для основных групп населения, не только преобладание мужского населения над женским, но и повышенный удельный вес отдельных возрастных групп, находящихся в трудоспособном возрасте. В 1990-е гг. установилась явная тенденция постарения населения.

В 1989 г. в Республике Коми состояли в браке среди лиц в возрасте 15 лет и старше 64,8% мужчин и 63,8% женщин (в 1959 г. соответственно 59,9% и 58,0%). Среди мужчин, вступивших в брак, 72,9% никогда не состояли в браке, 1,8% — вдовы и 25,3% — разведенные, среди женщин соответственно 69,0; 4,3; 26,7%. Более половины вступивших в брак — лица в возрасте до 24 лет.

В Республике Коми велика доля межнациональных браков. В 1989 г. число межнациональных семей составило 122,7 тыс. (34,6%). Число межнациональных браков намного выросло в последнее время (в 1979 г. — 93,3 тыс., 30%).

Всего в республике по переписи населения 1989 г. насчитывалось 325 тыс. семей. Значительная часть семей имеет небольшую численность: 93,3 тыс. семей состоит из 2 человек, 95,8 тыс. — из 3. Только 11,5 тыс. семей состоит из 6 и более человек. В последние годы тенденция к уменьшению численности семьи выражена достаточно ярко. Средний размер семьи в настоящее время составляет 3,3 чел. (1989), в то время как в 1970 г. он составлял 3,6 чел.

Коренное население — коми. На современной территории республики прямые предки финно-угорских народов появились еще в неолите.

В 1897 г. на территории царской России проживало 153,6 тыс. человек коми национальности, из них 136,5 тыс. или 88,9% жили на территории современной Республики Коми. За истекшие почти 100 лет численность лиц коми национальности более чем удвоилась и составила по переписи 1989 г. — 344,5 тыс. человек, из которых 291,5 тыс. или 84,6% — жители Республики Коми. Наряду с коми в республике проживает более 100 наций

и народностей. Наиболее многочисленны русские, украинцы, белорусы и татары. Наравне с представителями республики и национальных образований СНГ и России в Республике Коми проживает около 30 национальностей, этнической родиной которых являются государства дальнего зарубежья. Среди них особенно многочисленна группа немцев (12,9 тыс. человек), поляков (2,2 тыс. человек), болгар (1,0 тыс. человек). По переписи населения 1989 г. из 291,5 тыс. лиц коми национальности 74,3% считают родным язык своей национальности, 65,3% свободно владеют русским языком. Из 721,8 тыс. русских 99,8% считают родным языком русский, 1,0% свободно владеет языком коми. Из других национальностей больше всего лиц, владеющих коми языком, среди ненцев (6,6%), финнов (5,0%) и немцев (3,1%).

К началу нового тысячелетия Республика Коми подошла со сложным комплексом проблем развития населения. 2000 год навряд ли станет переломным в демографической динамике: рождаемость останется на прежнем, очень низком уровне (8,5-8,6 ‰), а смертность может даже несколько вырасти (10,6-10,9 ‰), в результате чего продолжится процесс депопуляции населения. По прогнозу Госкомстата России депопуляционные процессы будут набирать темпы, так, если в 1999 г. величина коэффициента естественного прироста составляла минус 2,2, то в 2015 г. – минус 6,2 на 1000 человек.

В приведенных цифрах на фоне депопуляционных процессов большинства западноевропейских стран нет ничего страшного. Однако внешне похожие процессы имеют принципиально иную природу: при низкой рождаемости будет катастрофически высоким уровень смертности (2015 г. – 13,6 ‰). Такой уровень смертности присущ только слаборазвитым странам.

В результате убыль населения в Республике Коми за 1990-2000 гг. составила 130,4 тыс. человек.

С 1993 г., когда началась естественная убыль населения, число умерших превысило число родившихся на 18,6 тыс. человек, а отрицательное сальдо миграции за 1990-1999 гг. составило 127,8 тыс. человек.

Чтобы понять масштабы сокращения численности населения в Республике Коми, достаточно привести здесь следующее сравнение. Убыль в 130,4 тыс. человек превосходит число жителей двух городов: Инты – 50,5 тыс. и Печоры – 58,1 тыс., или численности населения шести из двенадцати районов: Койгородского – 10,3; Ижемского – 23,3; Усть-Цилемского – 16,9; Сысольского – 18,5; Троицко-Печорского – 20,1 и Корткеросского – 25,9 тыс. человек.

Как результат – сегодня Республика Коми занимает 11 место по площади среди регионов России, а по численности населения – 47.

Негативные количественные изменения в рождаемости усугубляются ухудшением ее качественной структуры. На каждую тысячу детей, родившихся живыми, в настоящее время приходится около 6 мертворождений. Значительно снизились показатели здоровья новорожденных. В 1999 г. 47 % детей родились больными или заболели в первые дни жизни, в 1990 г. их доля составляла лишь 21 %. Это результат и снижения жизненного уровня населения, и ухудшения работы системы здравоохранения, особенно в сельской местности, и омоложения рождаемости, и низкой культуры планирования семьи, имеющей следствием как высокий уровень аборт, негативно влияющих на здоровье женщины и ее будущих детей, так и рост доли нежеланных детей, имеющих по сравнению с желанными более высокую вероятность родиться больными, и преобладания в структуре рождений первенцев – более слабых, чем дети старших очередностей рождения. Закономерны поэтому и высокие показатели младенческой смертности (табл.1), которые в 3-4 раза превышают показатели, характерные для развитых стран.

Таблица 1

Коэффициент младенческой смертности
в Северном экономическом районе
(число умерших детей до 1 года на 1000 родившихся)

	1990 г.	1993 г.	1995 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Республика Карелия	14,0	13,6	17,4	13,3	15,3	17,5
Республика Коми	16,5	18,8	25,3	16,7	16,9	16,7
Архангельская область	14,4	17,4	16,2	13,0	13,9	14,8
Вологодская область	17,7	17,8	17,4	16,8	16,6	17,0
Мурманская область	16,1	14,6	15,9	13,9	11,8	11,3
Справочно: Россия	17,4	19,9	18,1	17,2	16,5	16,9

Особенно неблагоприятной ситуация была в середине 1990-х гг. Показатель мертворождаемости в республике превышал 8 на тысячу родившихся, в сельской местности был более 10. Из каждой тысячи детей, рожденных живыми, в 1995 г. 25 умерли, не дожив до одного года, в сельской местности – 28. В последние годы младенцы умирают, в основном, от состояний, возникших в перинатальном периоде (55 % от всех случаев смертей); от несчастных случаев, отравлений и травм (10 %) и от врожденных аномалий (21 %).

Но если тенденции и уровни рождаемости, брачности и разводимости населения не имеют принципиальных отличий от характерных для большинства развитых стран, то уровень и структура смертности, сложившиеся в 1990-х гг. в Республике Коми (как и в России в целом), не имеют прецедентов в цивилизованном мире. По уровню младенческой смертности и ожидаемой продолжительности жизни при рождении население республики оказалось отброшенным на 30 лет назад. При этом по величине продолжительности жизни, являющейся наиболее точной характеристикой процессов смертности и важным интегральным показателем развития общества в Республике Коми за истекшие десять лет произошло снижение ожидаемой продолжительности жизни у мужчин на 2,8, а у женщин на 1,8 лет. Разрыв в продолжительности жизни между полами увеличился с 10,2 до 11,2 лет (табл. 2).

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
в Северном экономическом регионе (число лет)

	1989-1990 гг.			1999 г.		
	Муж. и жен.	Муж.	Жен.	Муж. и жен.	Муж.	Жен.
Республика Карелия	69,3	63,8	74,2	63,8	57,6	70,9
Республика Коми	68,5	63,4	73,6	65,9	60,6	71,8
Архангельская область	69,5	64,0	74,7	63,9	58,0	71,1
Вологодская область	69,8	64,1	74,9	65,4	59,3	72,2
Мурманская область	70,3	65,3	74,4	67,5	62,4	72,8

Наиболее высокими темпами возросли показатели смертности населения в активных трудоспособных возрастах. И особенно за счет преждевременной смертности от неестественных причин, которая и раньше неблагоприятно выделяла Россию среди стран цивилизованного мира, и около 80% случаев которой приходится именно на трудоспособный возраст. Произошла беспрецедентная реставрация традиционной патологии: значительнейший рост смертности от болезней, которые свидетельствуют о санитарно-гигиенической ситуации в стране, положении в здравоохранении и образе жизни населения. В 1999 г. можно выделить три доминирующих причины смерти: от болезней системы кровообращения (525,7 на 100 000 населения), от несчастных случаев, отравлений и травм (210,4) и от новообразований (145,4).

Демографические проблемы тесным образом связаны с образованием и влияние здесь обоюдное. Сегодня для каждого уровня образования характерны свои проблемы. Для довузовского образования главной проблемой является здоровье учащихся в условиях Севера. А эта характеристика имеет самое непосредственное отношение к ИРЧП.

Эволюция развития человека такова, что накопление болезней и потеря потенциала здоровья происходит у человека с первого дня рождения. По данным медицинских обследований в настоящее время абсолютно здоровы только 15% школьников, 7% студентов и 3% взрослых. Каждый третий юноша призывного возраста не может быть призван на военную службу по состоянию здоровья (в 1985 г. только каждый двадцатый). У 15% призывников дефицит массы тела, в два раза стало больше алкоголиков (12%), принимают наркотики 8% призывников.

Современное состояние традиционно школьного образования можно охарактеризовать по меньшей мере несколькими негативными тенденциями, одна из них – замедление их физического и психического развития и ухудшение здоровья детей.

Еще на заре развития всеобщего было замечено, что школа может оказывать неблагоприятное влияние на развитие здоровья детей и подростков. Причем, данную проблему остро чувствовали и ставили сами педагоги. В частности, Генрих Песталлоцци в начале XIX века указывал, что в традиционных условиях обучения происходит своеобразное «удушение» развития ребенка, в т.ч. «убийство» его здоровья. Постепенно в общественное сознание стали входить такие понятия как «школьная близорукость», «школьные сколиозы». К сожалению, это поло-

жение не было подвергнуто глубокому научному исследованию, особенно с позиции анализа закладываемых режимов и технологий учебно-познавательной деятельности в плане их адекватности потребностям и естественным установкам развивающегося организма. Это привело к тому, что в настоящее время мы имеем дело с возрастанием школьных форм патологии. Например, из каждых 1000 детей в процессе дошкольно-школьного воспитания и обучения нарушения осанки приобретают 500-600, близорукость – 400-500, отклонения в деятельности сердечно-сосудистой системы – 300-400, нервно-психических дисфункций – 200-300 и т.д. Более того, продолжают появляться все новые термины, отражающие сугубо педагогическую природу возникновения патологии у школьников и, в частности, «дидактоневроз».

Исследования института медицинских проблем Севера СО РАМН показали, что наиболее остро проблема школьных форм патологии стоит среди подрастающего поколения, имеющего этнические особенности восприятия и, в частности, среди коренных народностей Крайнего Севера.

Общеизвестно, что детский организм всегда восхищал взрослых своими функциональными возможностями и резервами жизни. Во все времена, например, не переставали восхищаться функциональным совершенством зрительной системы. И какую же «разрушительную» силу накопила школа на этапе научно-технической революции, чтобы к концу периода школьного обучения деформировать структуру органа зрения у более, чем 60% выпускников школ-интернатов народностей, проживающих на Севере, – еще вчера прославленных охотников и снайперов. Чтобы у 60% учащихся деформировать наиболее отличный сугубо видовой признак человека – прямостояние.

К выводу о том, что переход детей к режиму школьного обучения вызывает глубокие функциональные отклонения в их организме (нарушения подвижности, нервных процессов, угнетение вегетативных функций, рост заболеваемости и др.) в настоящее время пришли и медики, и гигиенисты, и физиологи. К такому же выводу пришли и специалисты системы Российской Академии педагогических наук.

Состояние здоровья детей и подростков в Республике Коми имеют такие же тенденции. К окончанию средней школы 80% учащихся имеют серьезные заболевания, 45% – нарушения психики. И, как результат, для детей, ослабленных и с отставани-

ем в развитии, приходится сознавать классы компенсирующего обучения (только в 1999 г. в таких классах обучалось более 8500 человек).

Столь непростое положение со здоровьем нашего будущего поколения заставило обратить особое внимание на эту проблему. В настоящее время ситуация со здоровьем школьников требует необходимости раскрытия истоков формирования школьных форм патологии с целью разработки сугубо педагогических программ их предупреждения.

В Министерстве образования и высшей школы Республики Коми неоднократно рассматривались вопросы состояния здоровья и медицинского обеспечения школьников, разрабатывались программы и рекомендации, направленные на решение этих задач.

В 1992 г. в республике впервые услышали о системе д.м.н. профессора В.Ф. Базарного «Здоровое раскрепощенное развитие детей и подростков». После обсуждения на совместной коллегии двух республиканских министерств – образования и здравоохранения, – было принято решения о внедрении ее в Республике Коми.

Система В.Ф. Базарного способствует укреплению опорно-двигательной, кардиореспираторной систем, профилактике и коррективке близорукости, приводит к положительной динамике общих показателей болезненности.

Для апробации Программы в Республики Коми было определено 18 экспериментальных площадок. К 1993 г. были получены первые обнадеживающие результаты: улучшилась успеваемость, стала ниже заболеваемость. Итога первых лет работы по реализации Программы были подведены в 1996 г.

Из практики работы образовательных учреждений следует особо подчеркнуть, что благодаря накопленному опыту первых 400 учителей и воспитателей, реализация Программы получила дальнейшее развитие. Педагоги на практике доказали, что учебный труд в режимах названных технологий наиболее интересен и проходит без чрезмерного напряжения, усталости и утомления детей и учащихся.

В 1998 г. начала работу республиканская межведомственная научно-исследовательская методико-педагогическая лаборатория «Здоровое раскрепощенное развитие детей и подростков» при Министерстве образования и высшей школы Республики Коми. Новыми технологиями в настоящее время охвачено пока всего около 8% детей республики. Среди них нельзя не отметить

определенную положительную динамику. По сравнению с общими показателями болезненности в классах, которые условно можно назвать экспериментальными, заболевания, в том числе и инфекционные, встречаются намного реже.

Шестилетний опыт внедрения технологий и методов здоровьесберегающей педагогики в Республике Коми на основе принятой межведомственной государственной программы убеждает в том, что при незначительных материальных затратах, направленных на изменение качества школьной среды можно не только остановить процесс ухудшения психического и физического здоровья, но и качественно изменить ситуацию в лучшую сторону. С опытом этой работы мы знакомили представителей российских регионов в начале 1998 г. на слушаниях, проведенных комитетом Госдумы РФ по науке и образованию в МГУ.

Необходимо отметить, что в Республике Коми на сегодняшний день действительно выстраивается стратегия охраны здоровья детей и подростков и достигнутый положительный опыт можно брать на вооружение другим регионам России.

Для высшего профессионального образования Республики Коми важнейшей проблемой является формирование нового профессионального образовательного пространства, в основу которого предлагается положить идею крупных интегрированных образовательных комплексов, состоящих из однопрофильных, а иногда – и разнопрофильных образовательных учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования. Предполагается, что формирование таких комплексов позволит упорядочить количество и качество образовательных услуг, эффективно управлять процессом подготовки дипломированных специалистов, избежать нежелательных тенденций в высшем и среднем профессиональном образовании, в частности – дублирования специальностей, недостаточного учета спроса на рынке труда, параллелизма в тенденциях развития образовательных учреждений, часто группирующихся на одном и том же поле деятельности, проблем финансирования, кадровых проблем и многого другого.

Необходимость интеграции обусловлена еще и тем, что в высшей школе продолжается накопление негативных тенденций. Прежде всего, обостряется кадровая проблема: не хватает специалистов высшей квалификации в «остромодных» современных образовательных областях – права, экономики и управления, а также психологии, социальных науках, информатике,

ряде гуманитарных и технических дисциплин. Сложилась ситуация, когда специалисты высокой квалификации, имеющие достаточно хороший имидж, преподают одновременно в двух, трех, а то и четырех образовательных учреждениях. В силу низкой академической мобильности серьезно затруднена профессиональная и общекультурная коммуникация педагогических работников ВУЗов и ССУЗов, доминирует обычная и бытовая среда общения, что приводит к снижению уровня профессионализма педагога. Федеральная система повышения квалификации и переподготовки вузовских преподавателей нарушилась, фактически коммерциализировалась, а адекватный региональный ответ в силу отсутствия собственных научно-педагогических школ и бюджетных средств по большинству дисциплин практически невозможен. Подготовка кадров через систему собственных аспирантур не покрывает всех кадровых запросов и не решает проблемы в достаточно полном объеме, накапливая отставание в период бурного развития научно-педагогических школ и направлений на принципиально новых трансдисциплинарных траекториях в развитых (и развивающихся!) странах мира.

В условиях действия указанных и ряда других позитивных и негативных тенденций реформирование системы профессионального (и прежде всего – высшего профессионального) образования действительно необходимо. Организационное и содержательное решение назревших проблем возможно в ходе создания образовательных комплексов нового поколения, объединяющих учебные и научные возможности ряда образовательных учреждений. При этом важно, на наш взгляд следующее: образовательные комплексы должны быть не административным объединением или механической суммой кадрового и материально-технического потенциала. Это должны быть интегрированные учебно-научные центры, обеспечивающие мощное воспроизводство интеллектуального потенциала общества. Объединение образовательных учреждений в комплексы должно сопровождаться:

– резким улучшением кадрового потенциала (омоложением кадров, повышением их предметной и педагогической квалификации, усилением творческой активности, формированием сильных научных школ);

– информационной насыщенностью учебного общения, интенсификацией и техническим обеспечением учебно-научного общения;

– переходом на современные интегративные методики преподавания дисциплин, усилением самостоятельного творческого начала процесса обучения;

– ростом материально-технического оснащения, применением новых и новейших технологий в процессе обучения;

– созданием нового позитивного имиджа, повышением общественного интереса к образовательным программам, культурной и спортивной жизни комплекса;

– открытием структур переподготовки и повышения квалификации по специальностям выпуска, технических и организационных структур дистанционного образования;

– предоставлением современных условий для работы и отдыха студентам и преподавателям.

Такое объединение в комплекс может проходить поэтапно, начинаясь, например, с создания общей информационной базы, включая фундаментальную библиотеку и мощный информцентр, с открытия спортивно-оздоровительного и медицинского комплекса, объединенных современных лабораторий и технопарков, открытия республиканского Дома Ученых, строительства студгородка и жилого комплекса для молодых преподавателей. Отдельная задача формирования подобных комплексов – создание условий для профессионального образования инвалидов, интеллектуальный и практический потенциал которых (особенно инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата) до сегодняшнего дня практически не используется нашим обществом. Мероприятия по формированию комплексов не могут проводиться без участия на всех этапах структур государственной власти и управления. Следует на ранних и подготовительных этапах создания комплекса возможно большее внимание уделить пропаганде образовательных комплексов, разъяснению целей и задач их создания, следует проводить длительное обсуждение механизмов интеграции в среде педагогической общественности, решать на государственном уровне юридические и организационные проблемы такой интеграции.

При правильном понимании перспективы создания и развития интегрированных образовательных комплексов, этапов и механизмов интеграции, при учете социально-психологических и теоретико-педагогических аспектов проблемы альтернативы процессу интеграции профессиональных образовательных учреждений в мощные современные образовательные комплексы в Республике Коми нет.

Драйв трансцендентного Российский духовный опыт: апофатика как потенцирование бытия

Одно из откровений XX столетия состоит в осознании, что люди это нечто большее, чем «кадровое обеспечение», «трудовые ресурсы», «трудовые резервы» и т.п. Для судеб развития регионов, стран, да и человечества в целом важно осмысление содержания и значения человеческого потенциала и в первую очередь таких его составляющих как интеллект и духовность. Острота и важность этой задачи особенно очевидны применительно к современной России. Однако, проблема человеческого, а тем более — интеллектуального потенциала России весьма неоднозначна и даже парадоксальна — как по постановке, так и по возможным решениям. Но для начала — две истории.

Две истории

Одна — сравнительно давняя, еще времен питерского телеканала «Пятое колесо». Включаю телевизор и вижу на картинке Татьяну Горичеву, с которой вместе учились и которая теперь живет в Париже и ездит по миру с лекциями о православии и постмодернизме. А около нее дремлет университетский философ Линьков — был такой. Татьяна поет свою обычную песню о старчестве и нравственном подвижничестве, о том, что весь мир с надеждой смотрит на нас, что только российская духовность спасет мир и т.п. — вещи вполне понятные, особенно в ее исполнении. Вдруг, в какой-то момент просыпается Линьков и говорит: «Да, да! Совершенно верно! И нас еще ждет настоящий

взлет русской духовности, но он произойдет только тогда, когда наконец-то полностью рухнут все материальные и физические условия жизни!»

При всем трагикомизме реплики, Линьков был глубоко прав: чем больше страдает человек, тем большую работу ума и души он совершает, чтобы найти оправдание этому страданию – не может же он страдать просто так, должно же это страдание иметь какой-то смысл?! Иначе обесмысливается не только это страдание, но и сама жизнь. И я тогда впервые задумался об истоках российской духовности.

Вторая история – совсем недавняя. Один английский культуролог поинтересовался у своих коллег из питерского университета культуры и искусств насчет их заработка. Ему ответили, что профессор получает чуть больше \$50. Он спросил: «Это в час или в день?». А когда узнал, что это в месяц, он рассмеялся, но, поняв, что это не шутка, не поверил и немного обиженный ушел, так и не поняв – не то, как можно жить на эти деньги, а зачем эти русские так беззастенчиво пытаются его обмануть.

Обе истории об одном и том же, чему много примеров и что не перестает удивлять ни братьев по разуму, ни нас самих. Обе истории о российском потенциале – человеческом и интеллектуальном.

Потенциал, интеллект: традиционный подход

Наверное, пора уточнить предмет обсуждения, что весьма непросто. Трудности связаны, прежде всего, с неоднозначностью используемых терминов. Так, что такое «потенциал»? Некий нереализованный еще по каким-то причинам запас, «сокровище»? Или просто некий ресурс? Или некая реальная способность? Или способность просто? Или возможность (possibilia): материальная, формальная, абстрактная и т.д.? Каждый из вариантов ответа открывает в изрядной степени различные планы и перспективы анализа и осмысления проблемы.

Не проще и вопрос об интеллекте? Что это? Мышление или мыслительные способности? Насколько жестко он связан с производством, трансляцией и использованием знаний? Или интеллект – духовное творчество. Но почему только – духовное? И технические изобретения предполагают интеллект. А может интеллект – способность решать задачи? Или способность к ориентации в различных (не только научных, производственных, учебных и т.д. ситуациях. А может – просто способность быть адекватным ситуации?

Вся эта многозначность многократно усиливается в контексте «интеллектуального потенциала России». Что это? Количество ученых? Студентов? Количество образованных людей? Среднестатистический IQ? Количество изобретений и открытий?

Обычно, особенно в контексте проблем социально-экономического развития, поиска оптимальных решений, под интеллектуальным потенциалом общества понимают некий ресурс, описываемый в количественных показателях, характеризующих состояние сфер науки и образования: длительность обучения, отношение количества студентов к общей численности населения, уровень расходов на образование, количество занятых в науке, уровень расходов на науку и т.п. Иначе говоря, с традиционной точки зрения, под интеллектуальным потенциалом общества понимаются ресурсы социального развития связанные с состоянием системы образования и науки. В этом плане делаются количественные оценки интеллектуального потенциала общества, региона, социальной группы.

Такой подход обладает несомненными достоинствами. Он наполняет анализ операциональным содержанием, позволяет вести сравнительный анализ. Например, сравнивая интеллектуальный потенциал России с интеллектуальными потенциалами других стран, выявлять исторические тенденции, строить прогнозы. Тем не менее, он в скорее затемняет и искажает проблему, чем позволяет ее эффективно решать или даже адекватно формулировать.

Парадокс советской логики

С традиционной точки зрения интеллектуальный потенциал это количество людей занятых интеллектуальной деятельностью и средств, выделяемых обществом на эту деятельность. Несостоятельность подобного сугубо ресурсного подхода очевидна на примере феномена советской логики 1960-70-х годов, которая, при всем ее очевидном потенциале, фактически, оказалась фантомом.

Логическая научная субкультура была одной из наиболее устойчивых и развитых в советской философской культуре. Имелись общепризнанные авторитетные лидеры. На логические циклы философских факультетов рекрутировались наиболее способные, активные и продвинутые студенты. Сложилась чрезвычайно развитая «неявная» структура сообщества, сложил-

ся широкий круг «скрытых» логиков — специалистов, получивших логическую подготовку, но занятых в других философских дисциплинах, тяготеющих к логике не только в проблемном, но и в коммуникативно-личностном плане.

Однако, довольно бурная и эффективная организационная активность, сложившееся развитое научное сообщество, наличие респектабельной науки сочеталось с ... практическим отсутствием интеллектуальной продуктивности, серьезных оригинальных научных результатов. Наиболее продвинутые работы носили характер, по преимуществу, добротных систематизаций — не менее, но и не более. Сложился даже своеобразный комплекс неполноценности советских логиков по отношению к специалистам из смежных дисциплин — математикам, программистам — в первую очередь, зарубежным. Почему же при отсутствии естественных необходимых и достаточных условий формирования и развития логической культуры в советской России в ней довольно активно развивалась логика, решающая сугубо эзотеричные проблемы логико-математического синтаксиса?

Главным нервом бытия советской логики являлись не развитие логической дисциплины самой по себе, а культурогенные факторы, определившие как особенности ее социального бытия, так и дисциплинарное своеобразие. Идеологический нажим на интеллектуальную и духовную культуру, на философию прежде всего неизбежно способствовал росту привлекательности логики как рациональной интеллектуальной деятельности, приобретающей в атмосфере всеобщего полужнания образ оазиса философского профессионализма. Более того, логика приобрела статус чуть ли не единственной в философии экологической ниши, относительно независимой от идеологии сферы профессиональной мысли. Иначе говоря, часть здоровой интеллектуальной элиты под воздействием специфических культурогенных факторов, прежде всего — мощного внешнего идеологического прессинга, и образовала весьма своеобразное научное сообщество, каковым была советская логика 1950-1980-х, и для которой логика была «больше чем логика».

Справедливость этого своеобразным методом от противного (*ad absurdum*) доказывает сама эволюция советской логики в «перестроечное» и «пост-перестроечное» время. В ситуации духовного обновления общества, демократизации и раскрепощения сознания неестественный, «перегретый» интерес к логике упал и она перешла в естественный режим своего бытия. При

этом на передний план выходят организационные факторы, становящиеся решающими: уровень компетентности лидеров, возможность полноценной подготовки специалистов, нормальный режим публикаций, их международная экспертиза – все то, чего как раз была лишена советская логика.

Снятие внешнего пресса, обеспечивавшего центростремительное воздействие на логическую научную субкультуру, породило мощный импульс центробежных сил. Как тараканы на свету логики прыснули в разные стороны, наконец-то занявшись тем, чем не могли заниматься раньше. В результате существование логических циклов на философских факультетах под большим вопросом. Студенты предпочитают шизоанализ, деконструктивизм. Однако, поскольку в кругу эпистемогенных факторов логическая проблематика играет решающую роль, дальнейший отказ от нее чреват деградацией научной логической культуры. Более того. По мере трудного, тягучего, но все-таки становления нового российского общества, ростков рыночной экономики, политической демократии, правовой культуры, – в российском обществе зреет интерес к логической культуре, востребованность логики. Но профессиональное сообщество, логики-профессионалы оказались неготовыми к такому повороту. Дело в том, что все более востребованной является логика отнюдь не математическая, которой они с гордостью посвященных все это время занимались, а традиционная «человеческая» логика – теория и практика эффективной аргументации. И многие специалисты, поджав губы, считают ниже своего достоинства вести подобные курсы. В результате, логику зачастую читают энтузиасты-дилетанты или просто случайные люди.

Итог печален. Весьма существенный интеллектуальный потенциал (ресурс) оказался неадекватным.

Персонологический поворот: «безресурсный» потенциал трансцендентного

Еще более сильные аргументы о несостоятельности традиционной ресурсной трактовки человеческого и интеллектуального потенциала дает история развития цивилизации. Если потенциал это совокупность средств, которыми располагает некая общность людей, то вся человеческая история состоит из примеров успеха личностей, групп, регионов, лишенных ресурсов в традиционном их понимании: Будда, Иисус, новые науч-

ные и художественные направления и школы, политические движения, послевоенная Япония, современные Тайвань, Сингапур... Из обыденной жизни хорошо известен факт, что часто маргиналы добиваются большего, чем лица, хорошо инкорпорированные, а значит и располагающие большими ресурсами, чем маргиналы.

Традиционный ресурсный подход в трактовке интеллектуального потенциала ограничивает последний системой имеющихся знаний, их хранения, воспроизводства и трансляции. Даже наука понимается исключительно как социальный институт: количество занятых, финансовые и прочие средства. Фактор порождения нового, творчества, нетривиальных результатов при этом практически не учитывается. Между тем, именно он и представляется главным, решающим, определяющим...

Интеллектуальная культура не исчерпывается инфраструктурой образования и науки. Развитие этих систем, как и культуры в целом предполагает творчество. Источником же творчества является личность. Именно за счет ее энергетики и возникает и продвигается нечто новое, обеспечивающее динамику развития культуры и цивилизации.

В этой связи показательна главная тенденция философствования последних двух столетий: от онтологии к гносеологии и далее через аксиологию и культурологию к персонологии. Два основных ответа на вопрос о природе бытия (идеализм и реализм) на «онтологической» стадии философии, по сути дела, есть два объяснения двойственной природы человеческого бытия, делающие акцент либо на духовной, либо на телесной его стороне. «Гносеологическая» стадия, разводящая субъект и объект, делает акцент на их соотношении, с неизбежностью выводя (с осознанием проблемы трансцендентального субъекта) на первый план проблему свободы и личности. «Аксиологический» этап — от феноменологии к экзистенциализму и одновременно — к герменевтике, нормативно-ценностной культурологии и постструктурализму — выражает стадии созревания уже собственно персонологической доминанты.

Классическая философия отказывается от индивидуальной подлинности и уникальности в пользу логической системы, марксист полагается на общество, реалист — на природу: все это пути ухода от пугающей свободы и ответственности. Экзистенциализм забрасывает человека в мир, лишенный смысла, мир абсурда. И тогда человек оказывается тем, что он сам делает с

собою и с миром, не имея выхода из своей свободы. Кстати оказались достижения аналитической философии и философской герменевтики как непосредственных предшественников постструктуралистской стилистики в мейнстриме философствования конца столетия. Историческая роль постструктурализма, как и постмодернизма в целом – в их амбивалентности всеразличия и посябилизма, виртуальности. Нет и не может быть единой и универсальной схемы описания и объяснения, претендующей на абсолютную реальность и истинность.

Человек, как конечное существо, обречен на постижение бесконечного мира только «в каком-то смысле», с какой-то ограниченной в пространстве и времени позиции. Смысл – порождение конечной системы, пытающейся понять бесконечное. Но тогда условием осмысления является «выход в контекст» своего бытия. Этим условием оказывается свобода – не только трансцендентальный исходный импульс, но и гарант осуществления этого смысла в социальном со-бытии. XX век принес осознание того, что главное не борьба за свободу и даже не достижение свободы, а переживание свободы, способность ее вынести.

Значение постмодернизма прежде всего и именно в создании предпосылок новой постановки проблемы свободы и ответственности. Он зафиксировал момент ухода конуса свободы и ответственности за границы психосоматической целостности индивида, а деконструкционизм как деперсонологизм оказывается предпосылкой новой персонологии и метафизики нравственности. Во вновь расширяющемся в запредельное конусе свободы и ответственности их субстанция становится виртуальной, а идентификация, определение границ личности – труднодоступной здравому смыслу и обыденной практике.

Философия на пороге нового столетия и тысячелетия раскрывается преимущественно как персонология, вбирающая в себя как философскую антропологию и культурологию, так и традиционную метафизику. Более того, мы становимся свидетелями следующей стадии вымывания философии в сферу конкретных практик: сначала наука, потом логика, теперь настала пора метафизики свободы – отнюдь не только абстрактных академических штудий, а существенно и непосредственно значимой для исследователей, экспертов, политиков, теории и практики менеджмента, образования, семейного воспитания, социальной помощи и реабилитации, художественного и научно-технического творчества, СМИ.

И без учета этого обстоятельства уже невозможно говорить о человеческом и тем более — интеллектуальном потенциале.

А применительно к российскому сюжету открываются перспективы экстраординарные.

Апофатика: порыв к трансцендентному

Что русскому хорошо, то немцу — смерть!.. От трудов праведных не наживешь палат каменных... От сумы да от тюрьмы не зарекайся... И т.д. и т.п. Почему дом русского крестьянина так разительно отличается от домов живущих в тех же климатических и природных условиях финна, шведа и прочего норвега, даже от хатки украинца? Почему он, даже на севере, если не полная развалюха, то все равно производит впечатление временки?

Думаю, что главных объяснений два. Во-первых, особенности нашей экономической и политической истории. Как ни трудился русский крестьянин на земле — хозяином этой земли он толком никогда не был, да и плодами труда не всегда сполна пользовался. То ли очередной неурожай, то ли засуха, то ли заморозки, то ли очередной князь с дружиной наедут и все добро выгребут, а дом разорят. И останется только — идти на большую дорогу: кому-то с котомкой за плечами, а кому-то с кистенем. К хозяйству, к собственности русский человек душой прикипеть особенно не успевал и не успевает.

Вся собственность на Руси, как говорил В.В.Розанов от того, что либо ограбил, либо выпросил в подарок. Это ж представить невозможно: ежели наступит светлое капиталистическое завтра, нельзя будет взять корзинку и отправиться за грибами куда хочешь в лес — потому как либо это будут чьи-то владения, либо лицензию покупать надо. Да и какая такая собственность, когда все вокруг Божье? А значит ничье. А значит и мое тоже. Какое оно и откуда — твое?

Второе объяснение связано с особенностями православия — наиболее апофатичной ветви христианства — оно не склонно к позитивной оценке реальности и, в общем-то, не мобилизует человека на жизнь в этом мире. Размеренная жизнь и труд православному просто скучны, потому как «не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься.» Спаситься можно, надо только покаяться. Ну, а для этого надо, чтобы было в чем каяться.

Вот и не является эта жизнь ценностью, лишена она особого значения. Ценностью является жизнь иная: в потустороннем мире, в светлом будущем, за бугром. А эта жизнь в этом мире — юдоль страдания, твоего нравственного испытания. И чем больше ты пострадаешь в этой жизни, тем больше тебе воздастся в мире ином, в светлом будущем, за бугром. Поэтому и то, что регулирует отношения в этом мире, не обладает ценностью — например, право, закон, собственность.

Главное — чтобы человек был хороший, нравственная личность, которая живет по правде («не по лжи») и готова за эту правду пострадать. На Руси никто просто так не страдает, а всегда за что-то и во имя чего-то, чаще всего — за справедливость.

Это не хорошо и не плохо — это главная особенность русского (и советского) духовного опыта. С этим связаны и тема униженных и оскорбленных, с которой великая русская литература вошла в мировую, и специфика святости. Почти все русские православные святые — от Бориса и Глеба до Николая Романова — страдальцы, принявшие смерть безвинную, мученическую и принявшие ее безропотно.

Но если эта жизнь в этом мире не обладает ценностью, то лишено особого смысла и то, что ее сопровождает и наполняет: здоровье, труд. Следствием этого является не только духовное подвижничество, но и пренебрежение к своей и чужой жизни, охране труда, технике безопасности, к результатам своего и чужого труда. В славянском язычестве нет культурного героя — персонажа вроде Прометея или Вайнемейнена, который научил ремеслу, земледелию. Никто из титульных русских поэтов не воспел труд. Если он и упоминается, то как что-то тяжкое и подневольное. Но все упреки в пьянстве, нечистоплотности, лень и т.п. бьют мимо цели. Не о том надо думать, а о душе! Был бы человек хороший.

Наш взгляд устремлен не себе под ноги и не на своих ближних. Мы всегда вовне, в ауте, не здесь, вглядываясь в запредельное и переживая драйв трансцендентного. Все мы только путники и не жильцы в этом мире. И мы не хозяева в этой жизни. Это придает неповторимость русского отношения к власти. Она не воспринимается своей. Она всегда какая-то чужая. Но зато на нее возлагается вся полнота ответственности — от экономики в целом до мусора в подъезде. Сам же русский человек всегда невменяем — в обоих русских смыслах слова. И чист и наивен как дитя или Веничка Ерофеев.

Поэтому нас так трудно «достать» в этой жизни. И потому мы живем в ситуации непрерывного кризиса, перманентной лиминальности. ...Покой нам только снится. Но это вовне. В душе же у того, кто вне, кто в ауте по отношению к этой реальности и к этой жизни, у него в душе нездешняя гармония. Он открыт любым возможностям и ничего не исключает для себя, потенцируя и овозможняя бытие..

И бесполезно спорить — то ли образ жизни породил отношение к ней, то ли отношение определяет и воспроизводит сценарий жизни. Они уже сплелись и переплелись, воспроизводясь в бесконечной череде поколений.

Действительно, что нам хорошо, то немцу смерть. Думается, что Б.Гройс и И.Смирнов лишь отчасти правы, говоря, что Россия — бессознательное Европы (получается, что Европа — наше сознание?). Скорее мы — Танатос Европы.

Еще раз подчеркну, что отмеченная специфика нашего духовного опыта ни хороша и не плоха — она просто вот такая. В ней заложен колоссальный потенциал. Например, приоритет творчества — богоподобного акта создания чего-то нового почти из ничего, усилием воли.

Апофатичность — предпосылка выхода в контекст, за пределы реально сущего, поиска альтернатив. Такой опыт овозможивания, потенцирования бытия лежит в основе любого творчества. И материалом, источником и средством такого опыта является и может являться только личность.

И такая позиция свойственна российскому духовному опыту, в котором человек предстает как «странник, только странник и всегда только странник» (В.Розанов) в этом мире. С этим связана и особая смекалка — голь на выдумки хитра. Но, в конце концов, разве хитрость, смекалка — не проявления интеллекта? Не являются потенциально важным фактором развития? А неприхотливость и долготерпеливость?! А самоотверженность в критических ситуациях?! Разве это не золотой фонд любого российского реформатора?! Может, над нами и экспериментируют столь бездарно все кому не лень, потому как неверно оценивается главное наше богатство — не столько природные ресурсы, сколько люди — неприхотливые и терпеливые, образованные, оказавшиеся мудрее своих правителей, поражающие весь мир долготерпением и уникальной способностью к самообеспечению и выживанию.

Ergo...

Ну и что же делать? Ведь, если оставаться в пределах этой оппозиции: апофатика-рациональность, то выхода два. Либо отказ от рациональной организации жизни и общества во имя торжества российской духовности, самодостаточного аутизма, либо отказ от особенностей духовного опыта прошлого во имя конструктивного позитивного обустройства социальной жизни?

Думается, что дилемма ложна. Речь идет, скорее о двух абсолютных крайностях-полюсах, в напряжении между которыми и формируется реальная жизнь. Другой разговор, что можно и нужно говорить о смещении акцентов в ту или иную сторону в зависимости от реальной ситуации. Испытание, кризисная ситуация требуют нового, иного взгляда на привычные вещи. Нормальная ситуация – следования проверенному и общепринятому эффективному алгоритму. За каждой лиминальной стадией, за каждой деконструкцией и каждым отстранением следует стадия нового монтажа, выстраиванием новой рациональности – конструктивной и эффективной.

Апофатичность духовного опыта – несомненный творческий интеллектуальный потенциал. Сама нынешняя российская действительность это убедительно доказывает. Успеха и продвижения добиваются те, там и тогда, кто, где и когда способны на отход от сложившихся привычных стереотипов: научных, политических, иногда – нравственных, что зачастую весьма травматично для общества.

Поэтому проблема не в выборе одной из крайностей, а в искусстве социальной технологии. В истории не было, нет, и, думается, никогда не будет народа, добившегося успеха за счет самоуничтожения и посыпания головы пеплом. Но и гордиться неоднозначным прошлым тоже не стоит. Невозможно взять в будущее только плюсы. Но можно минусы переплавлять в плюсы. Надо трезво и спокойно понять свое прошлое, ясно увидеть свое настоящее, принять их как факт и строить будущее – понимая самих себя, кто мы такие, жить дальше. И понять, прежде всего, хотим ли мы жить в этом мире, и если хотим, то как? И чего мы хотим от этой жизни? Потенциал – он для чего?

Иначе – прав окажется Линьков и нас еще ждет взлет российской духовности, только вот носителей и наследников ее в этом мире уже может не оказаться.

Т.В.Артемьева

Интеллектуальная элита эпохи Просвещения*

Естественно предположить, что образ каждой эпохи определяется прежде всего теми людьми, которые «творяют интеллектуальную историю». Обыденное сознание связывает его с чудачковатым профессором, вещающим с кафедры, седобородым академиком, заканчивающим очередной том своих трудов или ученым богословом, склоненным над сочинениями отцов церкви, чтобы донести истинный смысл их учения непросвещенной толпе. Однако это верно только отчасти и бывали эпохи, когда история идей творилась далекими от академических структур людьми. Они вовсе не писали трактатов, не читали лекций и даже не заботились о том, чтобы закрепить свое имя за мыслями, высказанными ими. Иногда такое положение порождало ситуацию непонимания и сомнения в возможности проявления интеллекта в среде с иными инфраструктурами. Поэтому чтобы понять эпоху и ее культуру нужно прежде всего выявить субъекта мыслительного процесса, «человеческий потенциал» и актуальное проявление интеллекта в конкретных условиях человеческого бытия.

Россия всегда была специфической, особенной, «полуоткрытой» или «полузакрытой» для традиционного «западно-центристского» понимания культурой, впрочем, как «особенна» и неповторима бывает каждая культура, не подогнанная под усредненный образ «классической европейской цивилизации».

* This work was supported by Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant No.:1520/1999.

Недаром французы не хотят признавать английского языка как единственного коммуникационного посредника и переводят на французский даже компьютерную терминологию, шотландцы шутят на тему «шотландско-французской границы», голландцы предпочитают английский язык немецкому, хотя разница между нидерландским и немецким языками не больше, чем между русским и украинским, ирландцы учатся говорить и писать на гаэльском, а англичане говорят о пересечении Ла-Манша, как о «поездке в Европу». Вместе с тем границы становятся все более открытыми и даже кассовые аппараты в магазинах фиксируют не только цены в национальных валютах, но и в «евро».

Если говорить о России, то «понять ее умом» можно только выявив специфику интеллектуального выражения и поняв какой же социальный слой был «носителем интеллекта» в ту или иную эпоху. Вероятно ситуация последних полутора столетий более или менее прозрачна. Сначала это была *великая русская* (российская) интеллигенция, затем интеллигенция *советская* и, наконец, *постсоветская*, в которой я бы выделила особый тип «нового русского ученого», представляющего российскую науку преимущественно за границей, кочующего из одного престижного центра «Advanced Studies» в другой и часто не обременяющего себя особенными изысканиями даже в области, заявленной в аппликациях.

Интеллигенция всегда проявляла себя в научных и художественных текстах, или их интерпретации. Она всегда была абсолютна *свободна* в потенциальных интенциях и чрезвычайно *зависима* от реальных условий. Элита интеллектуальная была противопоставлена элите правящей, что формировало тематику интеллигентских текстов как преимущественно социально-политическую. Это противоречие создавало пафос преодоления и культивировало *этос борьбы* (равно, как и его логическое продолжение *практику ухода*), как *способ существования*.

Однако так было не всегда и можно указать эпохи, когда гармония между элитой интеллектуальной и правящей была более полной, хотя, разумеется, не абсолютной. Такой эпохой может быть назван «золотой век дворянской культуры», персоналогически маркированный концом петровской и началом николаевской эпохи. Можно назвать его «длинным XVIII веком», или более привычно «эпохой Просвещения».

Отечественная философия истории (или философия российской истории) всегда отмечала определенные «точки отсчета», после пересечения которых страна становилась *новой, молодой* и меняла стратегические культурные ориентации. Век Просвещения, а точнее, эпоха петровских преобразований всегда называлась в их числе. Оставив в стороне вопрос о том, действительно ли Петр как-то и что-то преобразовал в социально-экономической области, обратим внимание на то, что онтологические координаты социального бытия были изменены кардинально. Петр передвинул границу между Европой и Азией с Волги на Урал и изменил летоисчисление, которое стало вестись не от сотворения мира, а от Рождества Христова. Кроме того, он повелел отмечать начало года не в сентябре, а в январе. Все это настолько поразило его современников, что они поговаривали и о том, что царь и есть всегда ожидаемый в России Антихрист и о том, насколько же он могуществен, раз даже звезды и планеты изменили свой ход по его повелению. Примечательно и то, что Петр обратился к самой семиотически чувствительной области российской культуры и передел элиту в голландские одежды. Голландия, бывшая в эпоху, предшествующую петровской на пике культурного развития, переживала свой «золотой век», «*Gouden Eeuw*», и являлась одним из лучших образцов для подражания. По мере перемещения области интенсивности просветительских идей такими ориентирами становились Франция, Британия и Германия.

Элитарность дворянства проявилась затем во французском языке, ставшем языком классовой коммуникации. *Дворянский французский* как специфический лингвистический феномен, вероятно должен стать объектом особого исследования, однако он был свидетельством не столько кастовой о(т)граниченности, сколько предпосылкой культурной открытости. Российское дворянство безусловно сформировало особую культуру, ставшую одним из высочайших достижений мировой цивилизации. Примечательно, что дворянство всегда было более *российским*, нежели *русским*. Это можно подтвердить, обратившись к генеалогической идентификации дворян, гордившихся происхождением, ведущим свои корни от *варяга* Рюрика, *литовца* Гедиминаса и даже от *татарских* князей. Впрочем, этническая идентификация вопрос особого исследования. Лейбниц считал возможным писать Петру о том, что «мы оба славяне»...

Можно выделить две социальные структуры, в рамках которых формировалась интеллектуальная элита в России XVIII века. Первая ориентировалась на классическую традицию профессиональной науки. Она была связана прежде всего с Академией наук и Московским университетом. Другая — развивалась в кругу просвещенной элиты. Ее субъектом был не «профессионал», а мыслитель, имеющий досуг, достаток и образование для того, чтобы предаваться «свободному любомудрию» — «дворянин-философ», как называл себя, например, Ф. И. Дмитриев-Мамонов. Каждая из названных структур порождает особый тип текстов, собственную проблематику, а поэтому их изучение требует различных подходов и исследовательских стратегий.

«Раем ученых» называл известный немецкий философ Христиан Вольф Петербургскую Академию наук. Следует отметить, что Россия в то время была единственной страной, где академики получали жалование «за науку», им оплачивали почтовые расходы и предоставляли неограниченную возможность издания своих трудов в академических «Записках». Российская Империя активно поддерживала «республику ученых». Академия наук была совершенно искусственным, но довольно представительным образованием. Организовывая Академию наук, Петр I понимал, что без государственной поддержки фундаментальная наука обречена на прозябание. Поэтому он позаботился о постоянных источниках ее доходов. Именно это позволило в короткий срок собрать в ее стенах блистательное созвездие ученых и сделать Петербург одним из самых авторитетных научных центров мира. Это прекрасно сознавали и сами академики. Так, известный математик, физик и натурфилософ Леонард Эйлер, проработавший в России более 30 лет, писал: «Я и все остальные, имевшие счастье служить в Российской Императорской Академии, должны признать, что всем, чем мы являемся, мы обязаны тем благоприятным условиям, в которых мы там находились. Ибо что касается лично меня, то не будь этого счастливого случая, я был бы вынужден посвятить себя какому-нибудь другому занятию, в котором я по всей вероятности стал бы только кропателем»¹.

Если университетско-академическая философия рассматривала философию «как науку», то другое, направление, связанное с тонким слоем «философствующего нобилитета» включало «занятия философией» в число тех «свободных искусств», которые надлежало усвоить и в которых следовало преуспеть каждо-

му ее представителю. Это было связано с оценкой, которая давалась философии и та высокая социальная планка, на которую были подняты занятия ей.

Среди многочисленных слоев российского общества XVIII века, включая маргинальные группы, как «преподавателей высших учебных заведений», «крепостной интеллигенции», «иностранцев на российской службе», «ученое монашество», «просвещенное купечество» и т. п. невозможно найти такой, который бы обладал необходимыми условиями для «свободного философствования», кроме дворянства. И действительно, досуг, образование, личная свобода, отсутствие меркантильных установок, непосредственной идеологической зависимости, вовлеченность в мировую культуру, наконец, потребность занять мировоззренческую позицию, возвышающуюся над обыденной и соответствовавшую привилегированному положению в социуме, могло соединяться только в этом сословии. Такая ситуация объясняет некоторую тождественность понятий «философ» и «большой барин», «вельможа», характерную для XVIII века. В. Ф. Одоевский дает описание того «что тогда называлось *философ*». Человек такого рода, герой одной из его повестей «был страшный волокита, писал французские стихи, не ходил к обеду, не верил ни во что, подавал большую милостыню встречному и поперечному; в его голове странным образом уживалась величайшая филантропия с совершенным нерадением о своих детях и самая грубая барская спесь с самым решительным якобинизмом»². Таким образом, обыденное сознание выделяло «философов», или, говоря современным языком, интеллектуалов, как некоторую группу в среде дворянства, отличающуюся экстравагантным поведением и необщепринятым образом мыслей, ориентацией на западную, прежде всего французскую, реже — английскую культуру, демонстративным антиклерикализмом, «вольтерьянством».

В стране, где государи просили советов, посылали любезные письма, приглашали на службу или милостиво жаловали таких мыслителей как Лейбниц, Хр. Вольф, Вольтер, Дидро, Монтескье и др. быть «философом» было не только престижно, но и необходимо для того, чтобы поддержать свое реноме в свете. Знакомство с этими мыслителями, с их текстами, или хотя бы признание их в качестве авторитетов приближало к «высшим сферам» и включало в кастовую систему ценностей. Следует отметить, что и сами авторитеты охотно общались с русскими аристократами и «сильными мира». Хорошо известны исто-

рии личных и эпистолярных связей Петра I с Лейбницем и Хр. Вольфом; А. Кантемира с Монтескье; И. И. Шувалова с Вольтером, Руссо, Рейналем, Дидро; Екатерины II с Вольтером, Д. Дидро, Ф.-М. Гриммом; Е. Р. Дашковой с Дидро; Д. А. Голицына с Гельвечицем, Дидро, Вольтером; Г. Г. Орлова с Руссо. Орлов даже предлагал Руссо переселиться в его имение, желая стать хозяином русского Эрменонвиля. Когда Н. М. Карамзин, проезжая Кенигсберг в 1789 г., пожелал увидеть «славного Канта», то для того, чтобы быть принятым и удостоенным продолжительной беседы с великим философом, ему достаточно было сказать: «Я русский Дворянин, люблю великих мужей, и желаю изъяснить мое почтение Канту»³.

Особенно ярко дух «философского века» проявлялся в годы правления Екатерины II, вошедшей в систему мифологизированного социально-политического пантеона под именем Минервы. Этот своеобразный титул был заявлен во время символического действия — театрализованного представления «Торжествующая Минерва», состоявшегося летом 1762 г. на улицах Москвы и обозначающем не просто начала нового царствования, но новый тип правления. Торжество Минервы — это торжество добродетели над пороками, благополучия над прозябанием, но прежде всего знания над невежеством. В наивно-аллегорической форме маскарад представляет «упражнение малоумных», «смех и бесстыдство», «действие злых сердец», «пагубную прелесть», «вред и непотребство», «самолюбие без достоинств» и т. д.

Годы царствования Екатерины II (1762-1796) представляли собой специфический тип политического режима — «просвещенную монархию», а пропаганда просвещения в это время была возведена в статус государственной идеологии. Символическое происхождение Минервы, рожденной «неестественным» образом из головы Юпитера, а потому являющейся его «прямой» наследницей, позволило поставить в непосредственное соприкосновение имена Петра I (Юпитера) и Екатерины II (Минервы), что выразилось в лаконичной надписи на знаменитом памятнике «Петру Первому — Екатерина Вторая». Минерва являлась одновременно богиней мудрости и храброй воительницей, достойной соперницей Марса, а, кроме того, представительницей римского (имперского), а не греческого (полисного) пантеона, именно Минервой, а не Афиной. Соединение «просвещенности» и «власти» было подчеркнуто почетным наименованием «Премудрой Матери Отечества», присвоенным Екатерине Уло-

женной комиссией и подчеркивающим симметрию значимости ее правления по сравнению с Петром I — «Премудрым Отцом Отечества».

В своих «Записках» Екатерина как положительное качество отмечала в себе «философское расположение ума», проявившееся в ранней юности. Это выражалось в том, что она «покупала себе книг; и в 15 лет вела уединенную жизнь, и была довольно углублена в себя»⁴. В юности Екатерина составила небольшую автобиографическую записку, назвав ее «Изображение Философа в 15 лет». Философская литература формировала ее вкус и мировоззрение. «...Мне подвернулись под руку сочинения Вольтера, и после них я стала разборчивее в моем чтении»⁵, — пишет она. Став императрицей, Екатерина руководствуется философскими взглядами идеологов эпохи Просвещения при составлении государственных документов. Так, один из центральных политико-правовых документов ее правления — «Наказ», составленный для Уложенной Комиссии был написан в соответствии с идеями знаменитого сочинения Монтескье «О духе законов», которое Екатерина считала «молитвенником монархов со здравым смыслом». Заканчивая работу над «Наказом», она пишет: «Теперь 64 страницы законов готовы, остальное будет окончено по возможности скоро, я отправлю эту тетрадку г-ну Д'Аламберу; в ней я высказалась вполне и не скажу более ни слова в продолжение всей жизни»⁶.

Екатерина переписывается с виднейшими интеллектуалами Европы Д. Дидро, Вольтером, Ж. Д'Аламбером, М. Гриммом и др. В 1762 г. она высказывает идею о перенесении печатания запрещенной во Франции «Энциклопедии» в Россию, предлагает политическое убежище Вольтеру, приглашает Д'Аламбера в воспитатели к великому князю. В 1765 г. она покупает библиотеку Дидро, делая его своим библиотекарем, в 1778 г. после смерти Вольтера — его библиотеку. В 1773-1774 гг. Дидро по приглашению Екатерины посещает Петербург и имеет с ней продолжительные беседы. Естественно, что «непросвещенность» в такое время была не только «неприличной», но и отдаляла от высших сфер.

Подчеркнутый интеллектуализм дворянства проявился в особом типе утопизма, который можно назвать эпистемологической утопией. В 1768 г. выходит в свет «Нума Помпилий или процветающий Рим» М. Хераскова представляющий собой *программную утопию* эпохи. В нем в полной мере отразились мечты

о правлении, которое можно было бы назвать *софиократическим* или *фило-софиократическом*, то есть такой форме, когда к власти приходят *мудрецы* или *философы*. По этому поводу Херасков писал: «Можно теперь сказать с божественным Платоном: счастливы те народы, у которых философ государем бывает, или государь философом делается. И можно увериться, что слава не одним оружием, и не одними войнами приобретена бывает»⁷.

Знаменательно, что именно екатерининское царствование спровоцировало сочинение, в котором конструировался и осмысливался образ не только идеального, но и философствующего правителя. Как известно в 1767–1768 гг. Екатерина организует перевод и издание знаменитого романа Мармонтеля «Велизарий», который был запрещен во Франции после того, как против него выступил с пастырским посланием парижский архиепископ. Екатерина разделила главы романа для перевода между придворными, причем сама взялась переводить наиболее «теоретическую» IX главу, посвященную описанию идеального способа правления, основанного на «здравом рассуждении», «чистом уме» и «добром сердце».

Нума Помпилий, как и Велизарий представляет собой «философа на троне». Просвещающая эпоха полагала, что именно *философ*, *мудрец* должен понять какие именно законы нужно придумать и как управлять в соответствии с ними. Представление о политической системе персонифицировалось в личность управляющего. Поэтому утопические проекты соревновались в описании более совершенного, добродетельного, а главное, *естественного* человека. Именно таким изображен Нума.

Нума — это идеальный правитель. Он не только добродетелен и скромн, но образован и умен. Более того, именно его нравственные качества и послужили поводом избрания его римским царем. Этим самым общество продемонстрировало и свою способность оценить добродетели, и свою готовность им следовать.

Утопическая тематика продолжена Херасковым в романе «Кадм и Гармония, древнее повествование». Героем повествования Херасков делает Кадма, сына финикийского царя Агенора. Историко-мифологические персонажи часто становились героями политических сочинений. Предположение, что главная задача мифологии — дидактическая и следует обращаться к ней в поисках исторического примера, было характерно для эпохи.

Использование мифологических данных в качестве исторического источника, прямого или косвенного, являлось методологической установкой русских мыслителей.

Кадм не только сам был *добродетельным человеком* и *идеальным правителем*, таким же он воспитал и своего сына, Полидора. О судьбе этого героя говорится в романе «Полидор, сын Кадма и Гармонии», продолжающем предыдущее повествование. Центральным связующим звеном является не (с)только кровное родство между Кадмом и Полидором, сколько духовное. Линии других детей Кадма и Гармонии, среди которых, между прочим Автоноя (мать Актеона), Ино, Агава и Семела (мать Диониса) попросту игнорируются, и *историко-мифологическая достоверность* приносится в жертву социально-утопическому замыслу.

Херасков не описывает, как Полидор правит, зато дает любопытное описание совсем уже трансцендентного утопического пространства — острова Хризы, являющегося чем-то промежуточным между легендарной Атлантидой и Елисейскими Полями. Нелегко достичь это место, где торжествует истинное и чистое знание, путь этот «труден, но есть приятен», не нужно идти «окольными стезями», они не только затрудняют путь, но искажают его. Зато тот, кто не отступает от пути истинного знания, вознагражден вполне. Их ожидает жизнь в интеллектуальном раю, где они продолжают существовать «в бессмертном существе» и после смерти.

Близкий Хераскову пример можно увидеть в «Путешествие в страны истинных наук и тщетного учения» М. М. Щербатова, где он попытался описать легендарную Атлантиду. Сохранилась лишь часть рукописи, в которой описывается путешествие двух греческих юношей Алсипа и Протагороса в Страну Истинных Наук. Они знали, что эта страна «лежит за столпами Геркулесовыми, составляет превеликий остров, который иные Атлантидой называли»⁸ и что там уже побывали такие греческие мудрецы как Фалес и Анаксагор. Только один из юношей, Алсип, достигает вожделенной Страны Истинных Наук. Другой, Протагорос, соблазняется легким путем и сворачивает в Страну Тщетной Науки.

«Истинная наука» ставила своей целью достижение не столько мудрости и знания, сколько счастья в идеально устроенном обществе. Такое общество, назовем его *софиократией*, или

фило-софиократией, описанное мыслителями Просвещения, предполагало, что добродетельные и мудрые государи правят трудолюбивым и богобоязненным народом с помощью совершенных законов. Дворянские мыслители полагали, что *истинное* очевидно и не требует пространных доказательств. Поэтому они старались не только *придумать* идеальную модель социума и *описать*, как она функционирует, но и воплотить ее в практике масонских работ по нравственному самосовершенствованию, утопических проектах и попытках их реализации.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Копелевич Ю.Х.* Эйлер — член Петербургской Академии наук, действительный и почетный // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М. 1988. С. 56.
- ² *Одоевский В.Ф.* Катя или история воспитанницы // Повести и рассказы. М., 1959. С. 130.
- ³ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 20.
- ⁴ *Екатерина II.* Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 20.
- ⁵ Там же. С. 108.
- ⁶ Цит. по: Каменский А.Б. «Под сению Екатерины...». Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 169.
- ⁷ *Херасков М.М.* Нума Помпилий или процветающий Рим / Творения *Хераскова М.* Часть 12. М., В Университетск. тип, 1803. С. 162.
- ⁸ ОПИ Г ИМ Ф.268. Ед. хр. 6. Лл. 96, об.

Человеческий потенциал: развитие личности в образовательной среде*

Одна из наиболее актуальных проблем социальных и гуманитарных наук — проблема человеческого потенциала, в последние годы разрабатываемая в рамках концепции человеческого потенциала в Институте человека РАН (Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г., 1996; В.Ж. Келле, 1997; Н.Н. Авдеева, И.И. Ашмарин, Г.Б. Степанова, 1997, Человеческий потенциал..., 1999 и др.). Целостность, интегративность понятия человеческого потенциала сочетаются с его нацеленностью на прогнозирование социокультурной динамики. Понятие человеческого потенциала «переопределяется», конкретизируется в аспектах его изучения, или горизонтах: социально-организационном, экономическом, социально-экологическом и экзистенциальном. Состояние молодежи как фактор риска для человеческого потенциала завтрашней России получило развернутый анализ в монографии «Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода» (1999, с.36-38 и др.), однако одним из наименее изученных пока остается психолого-педагогический план анализа человеческого потенциала, анализа развития и саморазвития личности.

В развитии и самоопределении личности фундаментальным является факт существования некоторого предела, ограничивающего жизнь людей, которого трудно достичь и еще труднее

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 01-06-99516М.

преодолеть. Преодоление этого предела в значительной степени совпадает с обретением своего истинного «Я», с задачей интеграции многообразных жизненных отношений, образующих жизненный мир индивида. Структурирование, деструктурирование, реструктурирование жизненного мира индивида может быть также представлено как освоение индивидом сферы возможного, как движение к границам, разделяющим возможное и невозможное, – движение постоянно возобновляющееся, с вариациями приспособительного либо деструктивного характера.

Сферу возможного определим как относительно устойчивую систему взаимосвязанных целей-ценностей, достижимых при изменениях наличной ситуации субъекта вследствие ее собственной динамики развития или в результате деятельности субъекта (либо прекращения деятельности). При наиболее благоприятных условиях и максимальной эффективности и мотивированности субъекта результат его деятельности будет соответствовать пределу, или границе возможного. Сфера невозможного лежит «по ту сторону» предела возможного и определяет человека отрицательно (как то, чем он не был, не стал, не есть, не будет). Хотя в общем виде развитие личности можно представить как расширение сферы возможного, рост достигнутого влечет за собой умножение неосуществившихся вариантов развития и расширение сферы невозможного. В широком смысле любой процесс развития состоит не только из роста и совершенствования, но и из потерь и упадка (такой взгляд утвердился, в частности, во всевозрастном подходе в психологии развития (П.Балтес, 1994)).

Сфера возможного по отношению к жизненному миру выступает как его идеальный, предвосхищаемый прообраз (подробнее см. Иванченко, 1994, 1994а). В процессе целеполагания субъект выходит за пределы требований наличной ситуации и стремится практически определить границы своих возможностей. Но еще до этого он обладает «представлениями о возможном», присущими тем или иным социальным общностям или группам и в совокупности образующим «пространство возможностей» индивида. Поскольку представления о возможном являются одним из видов «социальных представлений» (история этого понятия прослежена в обзоре С.Московичи, 1992), к ним также можно отнести следующие характеристики: способность предопределять и предписывать поведение индивида (М.Вебер), определенная устойчивость и объективность (Э.Дюркгейм), фун-

кция преодоления дистанцированности от других членов общности (Г.Зиммель). Имеющиеся у индивида возможности и шансы играют важную роль в социальной дифференциации и стратификации. Питирим Сорокин говорил в этой связи о «селекционирующих институтах» и подчеркивал значение характера препятствий, которые эти институты устанавливают для индивидов. Если эти препятствия «злокачественны» и «неадекватны», это ведет к печальным последствиям для всего общества. Если же они адекватны и правомерны, то и социальное распределение индивидов приведет к процветанию всего общества (П.Сорокин, 1992).

Отношение личности к своим возможностям выражается в форме переживания. Переживание возможного-невозможного актуализируется в ситуации невозможности – «такой ситуации, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации своих стремлений, мотивов, ценностей – всего того, что может быть названо внутренними необходимостями его жизни» (Ф.Е.Василук, 1984, 31). Такого рода ситуации могут возникнуть вследствие внутренних или внешних преград на пути деятельности, при постановке задач, выходящих за границы сферы возможного, или в связи с проблемой выбора. Парадоксально, но именно такие ситуации и создают возможность поступка, самодетерминации.

Не только совладание с ситуациями невозможности, но и освоение сферы возможного ставит перед субъектом задачи мобилизации, оптимизации и взаимного согласования временных, материальных и других ресурсов. В классической модели Курта Левина (K.Lewin, 1951) развитие описывается как возрастание дифференцированности жизненного пространства личности, а также как расширение временной перспективы. Основным критерием оптимальности жизненных стратегий, видимо, является усложнение и обогащение жизненного мира, и расширение границ возможного. Избыток возможностей, по Х. Ортега-и Гассету, – признак здоровой, полнокровной жизни (1991, 139). Противоположный результат – упрощение – может быть достигнут различными способами: минимизацией притязаний, «свертыванием» жизненных отношений, в первую очередь потенциально выводящих за границы сферы возможного, ориентацией на постоянно меняющиеся сиюминутные требования жизненной ситуации или на устоявшиеся, общепринятые образцы жизненных стратегий.

Стандарты существуют практически для любой области деятельности — ведь только тогда результат может быть оценен. Сравнение с результатами других людей и определение рангового места субъекта Л.Фестингером обозначалось как «социальная относительная норма» (L.Festinger, 1954). Понятие о социальной относительной норме у человека формируется в процессе преодоления «фильтров» и препятствий. В рамках функционального анализа Р.Мертон постулируется, что место, занимаемое индивидом в статусной или классовой структуре, определяет степень его доступа к легитимированным средствам достижения успеха и, следовательно, определяет его позицию в структуре возможностей. Структура возможностей и структурное напряжение — это взаимозависимые и взаимообусловленные понятия, так, например, ограничение шансов индивида усиливает напряжение, а снижение напряжения ведет к возрастанию возможностей (см. напр. P.Blau, 1990, 142). В теории структурирования Энтони Гидденса структура определяется как «правила и ресурсы», используемые людьми в их взаимодействии. Субъекты действия владеют правилами в виде скрытых «запасов знания». Структура предполагает также использование ресурсов, т.е. материальных средств и способностей деятелей. Те, кто располагает ресурсами, могут осуществлять власть (хотя, согласно Гидденсу, власть сама по себе не является ресурсом, а есть результат обладания материальными и организационными возможностями) (A.Giddens, 1982).

Взаимодействие личностных диспозиций и ситуационных детерминант, о котором говорилось уже выше, описывается классическими теориями «ожидаемой ценности» (N.T.Feather, 1959), «выбора риска» (J.W.Atkinson, 1964). Эти модели были призваны объяснить индивидуальные различия в выборе задач и уровне притязаний, продолжительность будущих действий по их решению, а также различия в усилиях и достигнутых результатах. Но оказалось, что есть проявления личностных диспозиций, которые не объяснимы в рамках этих моделей, например, предпочтении индивидом очень легких или очень трудных задач.

Для объяснения этого явления Дж. Кулем была предложена модель, связывающая вероятность успеха и привлекательность цели через понятие «личностного стандарта». Для индивидов с завышенным стандартом привлекательность успеха в решении легких задач негативна, и они уклоняются от решения задачи до тех пор, пока значения привлекательности успеха превышают

значения привлекательности избегания неудачи, и, наоборот: для индивидов с заниженным стандартом привлекательность избегания трудных задач позитивна (J.Kuhl, 1978). Все эти модели появились как обобщение результатов лабораторных экспериментов, однако затем возникли многочисленные практические применения. Так, для выбора профессии было показано, что индивиды, мотивированные на избегание неудачи, в своих желаниях пройти обучение той или иной профессии будут, скорее, руководствоваться очень заниженными или завышенными требованиями, в то время как индивиды с мотивацией достижения успеха осуществляют более реалистичный выбор (U.Kleinbeck, 1977). В.Врум показал, что чем выше результат деятельности, тем сильнее тенденция к действию (V.Vroom, 1964).

В нашем исследовании «Образы возможного-невозможного в эпоху социальных изменений», проведенном в 1994-96 гг., также подтвердилась отмеченная закономерность. Студентки и студенты, выше оценивающие свои достижения в тех или иных сферах деятельности, значимо выше оценивают и свои шансы и возможности в этой сфере. Еще более показательной является представленность в «поле возможностей» «успешных» студентов значимо большего числа целей-ценностей, относимых к этой сфере (Ivanchenko, 1995, 1996). Потенциал и его реализация в наличных условиях как бы подпитывают друг друга, образуя своего рода самоподдерживающуюся систему. Оба измерения – актуальное и потенциальное – равно важны: как отмечает В.Ж.Келле, «возможности не могут бесконечно накапливаться. Полностью или частично они должны превращаться в действительность, то есть реализовываться в человеческой деятельности...» («Человеческий потенциал...», 1999, с.68-69).

Еще в шестидесятые годы развитие идей экзистенциальной и гуманистической психологии привело к созданию движения «Человеческий потенциал» (Эсаленский институт, США). Многомерный процесс развития личности описывался через понятия «стремление к смыслу» (В.Франкл), «полноценного человеческого функционирования» (К.Роджерс), «самоактуализации», «самореализации» (Ш.Бюлер, А.Маслоу). В российской психологии также накоплен опыт изучения человеческого потенциала, проявляющегося как личностный и творческий: психология творчества (Д.Б. Богоявленская, Я.А. Пономарев), психология субъективности (В.И. Слободчиков), психологическая антропология (В.П. Зинченко), психология жизненного пути (Л.И. Ан-

цыферова, К.А. Абульханова-Славская, А.А. Кроник), психология неадаптивной активности (В.А. Петровский), концепция метаиндивидуального мира (Л.Я. Дорфман), психология смысловой сферы личности (Д.А. Леонтьев).

В последние годы были разработаны и уточнены психологические понятия, связанные с человеческим потенциалом: прежде всего понятия самореализации, самовыражения, самоактуализации, личностного роста.

Все эти понятия противопоставляются адаптации, но не только ей. И.А. Идинов (1990) подчеркивает цикличность процесса самореализации, выделяя фазы актуализации, напряжения и снятия. Самореализацию этот автор считает процессом, в известной мере обратным саморазвитию. В ходе саморазвития происходит аккумулярование энергий, навыков, умений, способностей, самореализация же представляет процесс выделения накопленного. Подлинная самореализация возможна только при альтернативности, возможности выбора — действительной, а не мнимой, утверждает А.К. Исаев (1993). Г.К. Чернявской (1994) самореализация трактуется как единство самоутверждения и самоотрицания. Самореализация противопоставляется самовыражению в работах К.А. Абульхановой-Славской (1991).

Говоря о ярко выраженном междисциплинарном характере феномена самореализации, Л.А. Коростылева (1997) полагает, что целесообразно вести речь о трех его основных составляющих — самопроектировании, самоуправлении и самоорганизации. Первые два при этом целесообразно рассматривать, используя распознавание образов и кибернетику, феномен же самоорганизации «должен рассматриваться в свете синергетической парадигмы» (1997, 12-13). На наш взгляд, психологическую специфику процесса самоорганизации невозможно выявить в рамках общенаучного, но в своем генезисе идущего от естественных наук синергетического подхода.

Д.А. Леонтьев (1997) выделяет три уровня анализа проблемы самореализации личности. На философском — наиболее общем — решаются вопросы о сущности человека, о сути процесса самореализации. На социологическом уровне решается вопрос о путях и способах самореализации личности в конкретных социокультурных условиях ее существования, на психологическом же «анализируются личностные качества и конкретные внешние условия, позволяющие данной личности продуктивно самореализоваться, исследуется мотивационная основа самореализации

и обратное влияние объективной и субъективной эффективности самореализации на личность и деятельность субъекта («Лентьев, 1997, 157-158).

На всех этих уровнях самореализация предстает как процесс выявления и использования личностью возможностей, содержащихся в среде. Сам интеллектуальный, творческий, личностный потенциал — особого рода возможность, которая, реализуясь, все время сохраняется как возможность дальнейшей деятельности. Не только для формирования, но и для реализации потенциала нужны условия — прежде всего те, которые дают возможность студенту действовать.

Нельзя сказать, что проблема человеческого потенциала полностью игнорируется существующими в педагогике высшей школы подходами (такими, как личностно-ориентированное обучение, валеология, педагогика сотрудничества). Но «общим знаменателем» вышеуказанных подходов является стремление вывести желаемый образ «специалиста будущего», «нового человека». Конкретные пути воплощения новых идеологием лежат между сравнительно мягкой коррекцией и жестким формированием.

Говоря о том, что образование в любой ситуации связано с образом человека, В.П.Зинченко в докладе на Международной конференции «Лев Выготский и современные науки о человеке» подчеркивал: «Каким быть человеку — это дело его собственного выбора, а не социальной, психолого-педагогической алхимии. Науки о человеке, его развитии, образовании, просвещении нужно решительно отделить от идеологии. Максимум, на что могут претендовать науки о человеке, в их числе и психология, это на исследование путей развития и на демонстрацию пространства выбора, его цены для человека развивающегося» (Зинченко, 1994, 1).

Поддержка развития деятельности, связанной с теми или иными выборами — осознанными и ответственными — одна из актуальнейших задач системы высшего образования на современном этапе. Не имея возможности подробно останавливаться на характеристике связанных с нею других задач, коротко перечислим их:

— создание условий для развития творческой, независимой, социально ответственной личности, обладающей высокой профессиональной компетентностью;

— культивирование разнообразия как основы развития интеллектуального и культурного потенциала;

– интеграция образовательных и культурных компонент, органическое соединение обучения с исследованием;

– поддержание высоких академических стандартов, традиций, ценностных ориентаций как ведущих ценностей университетской культуры;

– создание творческой среды, поддержкой индивидуализированных форм подготовки, акцент на самообразовании и самовоспитании;

– соотнесение образовательных и воспитательных практик со знаниями о природе человека в педагогической антропологии, психологии, социологии;

– расширение временных и пространственных контекстов университетских образовательных программ через информационные технологии, через ознакомление с течениями, школами, направлениями науки, ключевыми фигурами в истории мировых научных исканий, через ознакомление с проблемами сегодняшнего дня, обсуждаемыми в российских и международных дискуссионных областях преподаваемых дисциплин (включение студента в мировое научное и образовательное пространство);

– создание среды, стимулирующей возникновение у студента активной жизненной позиции как конструктивного отношения к себе, к реальной и будущей жизни, к реализации своего личностного и творческого потенциала.

Вряд ли могут быть сомнения в ценности непосредственно-го, личностного общения преподавателя и студента: смыслы и ценности профессиональной деятельности, профессиональная культура могут транслироваться, по-видимому, только в таком «живом» общении. Но нельзя не замечать тех колоссальных изменений в информационной среде, которые приводят к появлению более сложных, опосредованных форм педагогического общения, имеющих, однако, важное значение для развития личностного потенциала студента.

Непрерывность и глубина инновационных процессов в высшей школе с особой остротой ставит проблему личностного и творческого развития, потенциала, усиливает необходимость проработки психологической стороны педагогического процесса. Процесс совершенствования концепций, программ и педагогических технологий ныне можно охарактеризовать как «подвижное равновесие». С одной стороны, постоянно идут интегративные и адаптационные процессы, с другой — одна за другой появляются методологические и организационные новинки,

происходят коренные изменения взглядов в профессиональной среде на основополагающие аспекты программ подготовки специалистов.

Одним из таких изменений стала смена принципа оценки «профпригодности» специалиста. Если раньше он оценивался по степени своей квалификации (технологическим знаниям и умениям в рамках данной специальности), то теперь речь идет о компетенции как способности и умении решать все возникающие в процессе производства задачи, а не только сугубо технологические. Огромную роль в этих условиях приобретает психологическая подготовка: именно психологические умения центрируют и приводят в действие профессиональные умения, становятся центральным звеном в подготовке специалиста. При этом повышение уровня сложности современного университетского образования определяет серьезность требований к интеллектуальному и культурному потенциалу студента.

На наш взгляд, повышение в последние годы роли личного потенциала в образовании связано с рядом факторов. Во-первых, становление личностной и профессиональной культуры студента происходит в условиях отсутствия монополии на информацию, в условиях все большей доступности электронных видов коммуникации (прежде всего Интернета), в условиях свободы передвижения, выбора досуга и т.п.; во-вторых, расширяется доступное студенту пространство выбора в рамках профессионального становления; в-третьих, увеличивается разнообразие индивидуализированных, в том числе альтернативных, форм подготовки.

Интеллектуальный, творческий, личностный потенциал — особого рода возможность, которая, реализуясь, все время сохраняется как возможность дальнейшей деятельности. Не только для формирования, но и для реализации потенциала нужны условия — прежде всего те, которые дают возможность студенту действовать, и немалые надежды здесь связываются с информационными технологиями.

Еще некоторое время назад новые информационные технологии воспринимались университетским сообществом как панацея от информационной отсталости России. Оказалось, однако, что само по себе насыщение социального и образовательного пространства компьютерной техникой еще не решает проблемы. Так, нередко компьютер отдаляет человека от реальности, создавая взамен ее удобную, комфортную, но «виртуаль-

ную» среду. Новые информационные технологии, предоставляя доступ к глобальным сетям, порой вовсе не способствуют развитию личности, ее творческого начала, не становятся средством ее интеллектуального обогащения.

Предполагалось, что новые информационные технологии должны стать средством профессионального обучения человека, получения им необходимых производственных и научных знаний для жизни и работы в информационном обществе. Но введение новых технологий существенно опередило соответствующие изменения в педагогическом мышлении. Кроме того, компьютерные обучающие программы создавались, как правило, специалистами в области компьютерных технологий, которые «по определению» не могли учитывать социальные, психологические, методологические, культурные особенности педагогического процесса. Отсюда — элементы технократизма, педагогической «жесткости», отсутствие возможности индивидуализации обучения (см. также Н.Г. Багдасарян, 1998).

Итак, особенностью современных технологий обучения и воспитания в высшей школе должен стать учет не только и не столько актуальных достижений и способностей студента, сколько потенциальных, непроявленных, «зоны ближайшего развития» (Л.С. Выготский). Хотя построение, апробация, оптимизация технологий такого рода — дело будущего, работа по их созданию начинается уже сегодня. И вряд такая работа будет успешной без анализа личностного и профессионального потенциала, без знаний о «сфере возможного» студенческой молодежи.

Литература:

1. *Atkinson J.W.* An Introduction to Motivation. Princeton, N.J., 1964.
2. *Barker R.G.* Ecological Psychology. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1968.
3. *Blau P.M.* Structural constraints and opportunities: Merton's contribution to general theory // Robert K.Merton: Consensus and controversy. London, 1990.
4. *Feather N.T.* Success probability and choice behavior // Journ.Exp. Psychol., 1959. P. 58.
5. *Festinger L.* A theory of comparison processes // Human Relations, 1954. P. 7.
6. *Giddens A.* Power, the dialectic of control and class structuration // Social class and the division of labour. Cambridge, 1982.
7. *Ivanchenko G.V.* The study of time perspective // VII European Conference on Developmental Psychology. Abstracts. Krakow, 1995. P.185
8. *Ivanchenko G.V.* Gender-related Differencies in Meaningfulness of Life // XXVI International Congress of Psychology. Montreal, Canada, August 16-21, 1996. Abstracts / International Journal of Psychology. V. 31. Iss. 3-4, 1996. P. 119.
9. *Kleinbeck U.* Motivation und Berufswahl. Göttingen, 1975.
10. *Kuhl J.* Standard setting and risk preference: An elaboration of the theory of motivation and an empirical test // Psychol. Review, 1978. P. 85.
11. *Lewin K.* Field theory in social science. New York, 1951.
12. *Vroom V.* Work and Motivation. New York, 1964.
13. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегии жизни. М., 1991.
14. *Авдеева Н.Н., Ашмарин И.И., Степанова Г.Б.* Человеческий потенциал России: факторы риска // Человек, 1997. № 1.
15. *Багдасарьян Н.Г.* Профессиональная культура инженера: механизмы освоения. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э.Баумана, 1998.
16. *Балтес П.Б.* Всевозрастной подход в психологии развития: исследования динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // Психол. журнал. Т. 15, 1994, № 1. С. 60-80
17. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984.
18. *Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // Человек, 1996. № 4.
19. *Зинченко В.П.* За пределами зоны ближайшего развития, или о возможном вкладе психологии в проблематику духовного развития. Доклад на Международной конференции «Лев Выготский и современные науки о человеке» (Москва, 5-8 сентября 1994 г.). Препринт.
20. *Иванченко Г.В.* Проблема самоопределения в сфере возможного: представления и переживания // Ментальность. Духовность. Саморазвитие индивидуальности. Материалы Международной конференции. Луцк, 1994. Ч. 1. С. 448-452.
21. *Иванченко Г.В.* О циклическом характере самоопределения в сфере возможного // Материалы Второй международной конференции «Циклические процессы в природе и обществе». Ч.6. Ставрополь, 1994а. С. 335-338.
22. *Идинов И.А.* Самореализация личности в непродуцированной сфере общения (онтологический и гносеологический анализ). Автореф. дисс. канд филол. Фрунзе, 1990.

23. *Исаев А.К.* Самореализация личности как проблема социальной философии. Автореф. дисс. канд филос., М., 1993.

24. *Келле В.Ж.* Человеческий потенциал и человеческая деятельность // Человек, 1997. № 6.

25. *Коростылева Л.А.* Проблема самореализации личности в системе наук о человеке // Психологические проблемы самореализации личности. Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой. СПб, Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. С. 3-19.

26. *Леонтьев Д.А.* Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 156-176

27. *Московичи С.* От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии, 1992. Т. 1. № 2. С. 83-97.

28. Ортега-и-Гассет Х. О спортивно-праздничном чувстве жизни // Философские науки, 1991. № 12. С. 137-152.

29. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество // Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю.Согомонов: Пер. с англ., М.: Политиздат, 1992.

30. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. Под ред. И.Т. Фролова. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

31. *Чернявская Г.К.* Самопознание и самореализация личности. Методологические проблемы. Автореф. дисс. докт. психол., СПб, 1994.

Слово поэта: ретроспектива как перспектива (Серебряный век XXI веку)*

Ни одно культурно значимое событие в истории нельзя считать до конца свершённым. Даже если оно совершенно. Оно обязательно должно окликнуть другие события – из прошлого, но и из будущего, желая со-бытийствовать вместе.

Таким оказался Серебряный век для культуры не только второй половины XX века, но, возможно, и для XXI века тоже.

Я собираюсь в этом сочинении рассмотреть в контексте Серебряного века феномен слова – слова поэта – как слова творящего и слова творимого одновременно. Может быть, для этого и был затеян русский футуристический проект с *духословием* Хлебникова и *вещесловием* Крученых, в том числе и в его книгоделательной части. Последнее особенно актуально именно сейчас, в эпоху возможного избывания книги в интернетовской цивилизации.

Не окажется ли рассмотрение столетней давности события насущно актуальным сейчас, когда минувший век пережил разнообразнейшие трансмутации времен: от прямолинейно-поступательного до возвратного с чередой времен посередине: пульсирующего, остановленного, исчезающего?.. Никакого. Иначе говоря, безвременья, которое и сейчас переживается предельно остро.

* * *

Шли навстречу. Но...не сшиблись. Не судьба? Не только...
«Бобэоби пелись губы...» Из звуков-празвуков восстает *Лицо*.
Вдруг – *вне протяжения...*

* При поддержке РГНФ-Минобразования РФ, проект № 01-03-85011 а/у.

Творится мир с начала — из «элементарных частиц». Но сделать мир это значит сообщить *как* его сделать, то есть узнать мир в лицо. Но и... *не* сделать и *не* узнать, потому что начало, многообещающая, не преодолевается, хотя и тщится быть преодоленным. Остается при себе самом.

Но что-то все-таки сделалось.

Удивительно, что сделалось при авангарде — вопреки исходному его пафосу, пафосу русского авангарда (=футуризма) как *нескончаемого начала*.

И не столь удивительно, что в дальнейшем тоже свершалось — изготавливалось! — в квазиавангардных формах по пути движения русского стиха.

Но если в собственно авангарде (=футуризме) *случалось* («Мирсконца», Москва, 1912 год; «Мирсконца — пьеса В. Хлебникова. — Из его «Творений», изданных в Москве «Советским писателем» в 1987 году), то у ОБЭРИУта Александра Введенского все-таки *делалось* (пьеса «Елка у Ивановых» 1938 года) или у Георгия Шенгели (стихотворение «Мать» 1933 года). У них — *делалось* и делалось очень хорошо.

И, наконец, «Casino «Россия» Андрея Вознесенского, *делательно творящего* в нескончаемом пафосе кругометания в 1997 году, представившего *ретроспективу* Хлебникова — Крученых впечатляющей *перспективой* «собственного производства».

Вот и все наши источники, прочтение которых — со-че(чи)тание) — составило содержание (=форму) текста, который перед Вами.

* * *

Но прежде — книга, которая все-таки сделалась (=случилась). Вопреки. Сама.

Но и ее авторами — В.Хлебниковым и А.Крученых — в 1912 году (как уже сказано). А разрисовали ее Н. Гончарова и М. Ларионов, а также Н. Роговин и В. Татлин. «Мирсконца» — так она названа, эта литографированная книга, изданная Г. Кузьминым и С. Долинским. Литографированный текст исполнили Ларионов, Крученых и др.

Сложить с начала, а прочитать с конца? Совпадет ли? Пройдет ли по тем же точкам? Вернется ли к празвукам, затевающим Лицо?

Но оказывается, что эта книга сброшюрована из многих миров. Сколько страниц, столько и миров. И в каждом при возвращении назад к началу — все невольно и все торчком, хотя и с утешительным *почти*. Вот ларионовский АХ МЕ — лицо Ахмета, начинающееся ошеломляющим АХ и завершающееся не кириллическим Т, а греческим (Тау), сработанным из линии *носа* и сросшихся бровей, потому что венчающее Т — даже и оно! — не совпало с начальным (если начинать с конца). Путешествующий назад — обратите внимание! — уже с самого начала (если с конца) остается с *носом*. Потому и АХ в конце путешествия превращается в ХА. Насмешливое *ха*. А ведь даже и обособленное МЕ ничего хорошего из области понимания не сулит: ни *бе*, так сказать, ни *ме*... И так — на каждой странице: сызнава и вновь... Было да сплыло. Не вернуться...

«Взорвал» языка в каждой его литере и фонеме. А «Мірскóнца» — слитно и с ударением не в такт. (Как кирсановский *поцелуй не в такт* пани Юли Пшевской, приглашенной на краковяк.)

Этот «Мірскóнца» каждый раз соскакивает с кончика иглы энтомолога, вознамерившегося сей мир все-таки прищучить и пригвоздить, а он увертывается, вздыбливается, цокает: мирскóнца, мирскóнца... Посверкивает звонкими запятыми, внезапно прерывающими свою серебряной чернью *золотописьмо* речи *впервые* как мира *впервые*, перехватывающими дыхание и зримо свидетельствующими своей препинательностью, что мир этот *есть*. Наличествует... с 1912 года. И так — уже 90 лет.

Расчет и случай — «две вещи не совместные». Наличествует *случай*. *Луч*...

Мирсконца как мир с луча. На кончике стальной иглы, светового луча.

С-луч-айно. Лучизм Ларионова...

Шарообразная *люстра*, падая, называется *хлюстра*. Идем — по меридиану — вновь к *л*, а возвращаемся... к *хл*. То же и с яйцом. Возвращаемся к *я*, а попадаем в *ю*, потому что продолговатость яйца предполагает *юйцо*. Вновь несхождение, зато многообразие того же самого. Многообразие Вселенной — *мирового яйца*. Все это — неологизмы Крученных, обладающего *абсолютным* зрением и *абсолютным* слухом, слышащего букву и видящего звук. При таких качествах книгу не сложить. Можно сложить лишь антикнигу как найточнейшее свидетельство о книге в модуле листания, в ее изначальности, в ее делании, первокниж-

ности-Первословности. А это всегда — дело случая: «...И это хорошо!» Именно так Бог в ту первую свою рабочую неделю подводил итог каждому своему трудоводню.

* * *

А сейчас — одноименная с книгою пьеса Хлебникова, написанная в том же 1912 году и впервые напечатанная в книге Хлебникова же «Ряв! Перчатки. 1908-1914 гг.» в Санкт-Петербурге, в издательстве «ЕУЫ», в 1914 году.

В письме к А. Крученых Хлебников изложил идею пьесы так: «Есть учение о едином законе, охватывающем всю жизнь (т. наз. Канто-Лапласовский ум). Если вставить в это выражение отрицательные значения, то все потечет в обратном порядке: сначала люди умирают, потом живут и рождаются, сначала появляются взрослые дети, потом женятся и влюбляются. Я не знаю, разделяете ли вы это мнение, но для будетлянина Мирскóнца — это как бы подсказанная жизнью мысль для веселого и острого, т.к., во-первых, судьбы в их смешном часто виде никогда так не могут быть поняты, как если смотреть на них с конца; во-вторых, на них смотрели только с начала. Итак, измерьте насмешкой разность между вашим желанием и тем, что есть, смотря от второго праха, и будет, я думаю, хорошо» (частное собр. Цит. по кн.: Творения... М., 1987. С.689). Так сообразил поэт «машину времени», представив жизненный путь Поли (это *он*) и Оли как со-гласную жизнь с конца, предположив, что смерть — наиболее веское доказательство того, что жизнь была. Была жизнь — перед лицом «барышни смерти». Жизнь во всей ее «зернистости» — в мгновенных подробностях *бытующего* бытия — с точки зрения «второго праха». Потому что с точки зрения «первого праха» (*до* жизни) жизнь — лишь мечта и зыбкость. «Будетлянский» проект.

В отличие от «Мирскóнца» как книги «Мирскóнца» как пьеса сопрягает постраничные миги литографированной футуристической книги в цепь времени. И тогда — еще раз — не «Мирскóнца», а «Жизньскóнца». Но от «второго праха». Но все-таки до него. И вместе с тем — в пафосе всегда затевающегося *настоящего*: как *настоящего* будущего, *настоящего* прошедшего, *настоящего настоящего*. Ясно, что «первый прах» во внимание не принят. Не взят на учет и «второй прах». (Герой пьесы Поля

взят под подозрение: не умер ли? Ан нет! — не умер, а был лишь спрятан от смерти-барышни женою Олей в шкаф. Шкаф и есть начало путешествия назад — в безмятежное детство.)

Таким образом, обратно движущееся время запечатлевает жизнь этих двоих в пределах *жизни* — без двух небытий сразу: меж двумя прахами — *до* и *после*. Но можно вперед, а можно и назад. С проверкою, была ли жизнь и лучшим ли образом она была. И действительно: *соответствует* ли в точности жизнь *туда* жизни *оттуда*? Удвоение (повторение жизни) или *две* жизни? Много жизней?.. Одна из них подлинная, а другая — игра. Но, может быть, жизнь-игра как *настоящее настоящего* — радостней, и потому — действительней?..

Но...в путь по этой жизни двоих — *почти* к ее началу от *почти* ее конца. (Еще раз: это *почти* — потрясающей важности, потому что в нем гениальное пушкинское — «...и тленья убежит...»).

«*Поля*. Лошади в черных простынях, глаза грустные, уши убогие. Телега медленно движется, вся белая, а я в ней точно овощ: лежи и молчи, вытянув ноги, да посматривай за знакомыми и считай число зевков у родных, а на подушке незабудки из глины, шныряют прохожие. Естественно я вскочил, — бог с ними со всеми! — сел прямо на извозчика и полетел сюда без шляпы и без шубы, а они: «Лови! Лови!»

Оля. Так и уехал? Нет, ты посмотри, какой ты молодец! Орел, право — орел!»

Так вот и обвел барышню-смерть вокруг пальца.

Но мало того. Надо бежать и бежать. К началу — вдоль по жизни, как вдоль по Питерской: по знакомым местам, лучшим садочкам-лесочкам. В мгновения любви и на островки счастья. Но прежде — пересидеть шухер в шкафу с платяною молью и побитой ею же шубою. Отсидеться... Все лучше, чем «...вороньей шубою на вешалке висеть»...

Начинается жизнь в обратном порядке: припоминаемая с проверкою «в натуре», и потому вновь проживаемая; только более пылко и рьяно, потому что только-только из гроба — через шкаф — к началу.

Путь к началу уже начался. К счастью *детства*, *отрочества* и *юности*. Оттого и в шкафу мило и любознательно: костюмчик, в коем в статские советники представляли; помятое на сукне место от звезды; венчалный убор... И в шкафу хорошо, если назад, а не вперед (ногами)...

Удрал, а его ищут. Вот уж пришли. А Оля, с перепугу: «Увезли, а он сердечный – живехонек!» Говорит правду, а ей не верят («Тронулась старуха, совсем рехнулась!»). Только притворившись спятившей, можно уберечь от того, чтобы сызнова туда... А голос в передней: «Это чудо, это, э-э, можно сказать случай!»

Случай *жить!* – Вопреки, вопрекор, супротив...Еще один шанс: прожить жизнь еще раз. Но только... *назад*. Куда интересней, потому что *вперед* уже было.

Первая остановка по пути назад – во времени. А ели как были столетними, так столетними и остались.

«Поля. ...Послушай, ты не красишь своих волос?»

Оля. Зачем? А ты?

Поля. Совсем нет, а помнится мне, они были седыми, а теперь точно стали черными».

И Поля тоже хоть куда: черноус, щеки – молоко и кровь, глаза – чисто огонь...Будто 40 лет сбросили.

Вот, оказывается, с какой скоростью – назад. Летят световые годы. Свет из тьмы взыгрывает.

Но по пути обратно не все точь-в-точь. Опыта больше. И потому вторая жизнь, хотя и безмятежна, но *трагически* безмятежна.

(Подходит Петя с ружьем и вороном в руке.)

«Петя. Я ворона убил.

Оля. ...Зачем?..

Петя. Он каркал надо мной.

Оля. Обедать будешь ты один сегодня. Запомни, что, ворона убив, в себе самом убил ты что-то».

Навострите уши! Вы слышите, как проза становится ритмичной, белостиховой. Дальше – больше. Проза стиховеет – молодеет речь, потому что поэзия изначальней, проникновенней: убить живое – самоубийственное дело. Так говорит Оля, имея опыт жизни *туда* и применяя его на пути обратном. Проживается прежняя (?) жизнь (обратно). Та же, да *не* та же. Удвоение жизни? Нет! Наполнение прежней пережитым в первый раз. Жизнь как *жизнь впервые* не повторена. Улучшенная, но копия. Печально оттого, что невпопадно, как клонированная овца.

Вот и дочь ихняя. Надюша или Нинуша, или просто Нина? То Надюша, а то вдруг Нинуша. Опять не точь-в-точь. И это уже в главном. Имя должно быть неколебимо. Но и оно – видишь как...

Еще остановка. Лодка. Река.

«Поля. Лица увидим свои в веселых речных облаках, пойманных неводом вод, упавших с далеких небес; и шепчет нам полдень: «О, дети!» Мы, мы — свежесть полночи».

Ритм все более формирует речь, съединяя небо с землей (=водою).

Еще остановка. Поля идет с урока греческого. Оля спрашивает: «Сколько?» — «Поля. Кол, но я, как Муций и Сцевола, переплыл море двоек и, как Манлий, обрек себя в жертву колам, направив их в свою грудь». «Оля. Прощай.»

Следующая — *конечная* — остановка. Незамутненное детство, уже неспособное видеть и слышать впервые, потому что жизнь, подсмотренная с конца, не стала все-таки жизнью с начала: во-первых, не совпали; во-вторых, не ново, потому что *не* впервые. Зато вторично прожита в уме и памяти первой. И притом *по-другому* вторично. Не книгой «Мірскóнца», а жизнью «Жизньскóнца». Лишь конец и начало (=начало и конец) совпали: «Поля и Оля с воздушными шарами в руке, молчаливые и важные, проезжают в детских колясках». А между: не только Надюша (Нинуша), но даже и Муций Сцевола раздвоились на Сцеволу и Муция (как только могут Брешко-Брешковская, Сухово-Кобылин и Понтий Пилат).

Испытания мира книгой (с конца) и жизни (тоже с конца) сценической жизнью провалены. Зато представлены новые возможности жить в игре — увлекательной и полной всяческих эвристик, коих в историческом времени, слава богу, немало.

* * *

А теперь «Ёлка у Ивановых» Александра Введенского (1938 год; вероятно, по пятам только что ушедшего):

«*Володя Комаров* (мальчик 25 лет. Стреляет себе в висок).

Мама, не плачь. Засмейся. Вот я застрелился.

Петя Петров (мальчик 1 года). Ничего, ничего, мама. Жизнь пройдет быстро. Скоро все умрем.

Дуня Шустрова (девочка 82 лет). Я умираю, сидя в кресле.

Миша Пестров (мальчик 76 лет). Хотел долголетия. Нет долголетия. Умер.

Нянька. Детские болезни, детские болезни. Когда только научатся вас побеждать. (Умирает.)»

Такой эпилог. Все — девочки и мальчики. Независимо от паспортного возраста — в зеркале вечности... Время стянуто в мгновение, зыблемое на глади незыблемого вневременья. Мир с конца и мир с начала совпали, не развившись в жизнь.

Но бытийственный (рефлексивный) план зеркально гомологичен плану мертвой жизни, заменившей в стране, победившей социализм, жизнь живую; жизнь, состоящую из «дней без числа». Образ тюрьмы: «Я думал в тюрьме испытывать время. Я хотел предложить и даже предложил соседу по камере попробовать точно повторять предыдущий день, в тюрьме все способствовало этому, там не было событий. Но там было время. Наказание я получил тоже временем.

Наш календарь устроен так, что мы не ощущаем новизны каждой секунды. А в тюрьме эта новизна каждой секунды, и в то же время ничтожность этой новизны стала мне ясной. Я не могу понять сейчас, если бы меня освободили двумя днями раньше или позже, была ли бы какая-нибудь разница. Становится непонятным, что значит раньше или позже, становится непонятным все». Обратимость времени исключена.

Только одно настоящее или ... вечное?

Настоящее в вечном? Сумма ежедневных адекватностей «Я и я», а время движется. И каждый знает — куда. *В случай смерти.* В последнее событие.

* * *

Изысканный Георгий Шенгели обратил внимание на эту наворачивающуюся жуть еще раньше — сразу после 17-го, хотя и завершил спустя многие годы. Жуть, отлитая в неукоснительный сонет, становится еще тошнотней («Мать», 1933 год):

Был август голубой. Была война.
Брюшник и голод. Гаубицы глухо
За бухтой ухали. Клоками пуха
Шрапнельного вспухала тишина.

И в эти дни, безумные до дна,
Неверно, как отравленная муха,
По учреждениям ползала старуха,
Дика, оборвана и голодна.

В ЧК, в ОНО, в Ревкоме, в Госиздате
Рвала у всех, досадно и некстати,
Внимание для бреда своего.

Иссохший мозг одной томился ношей:
«Сын умер мой...Костюм на нем хороший...
Не разрешите ль откопать его?»

Чистая механика движения неживых объектов. Ни начала, ни конца. Ни мира, ни жизни в нем.

* * *

Современный опыт эллиптических возвратов со случайностями по расчету (?), когда аудио— и видео— купно, в одной книге, на одной странице.(Как у Хлебникова и Крученых?)...

Сопротивление — 5976×10^{21} видеом...

Преодолеет ли сила слова, которое обронил в хаос жизни поэт Андрей Вознесенский, сопротивление тяжести земли из расчета 1 ом на 1 кг ее массы и сохранит при этом свою силу — в перекор закону Георга Симона Ома для замкнутой неразветвленной цепи? А если преодолеет и сохранит, то каким *образом* сохранит и преодолеет?..

Именно ОБРАЗОМ. Но каким?..

Вместо *физики закона* — *мета-физика случая*, но... планируемого поэтом: *ом*, сопротивляясь, мало-помалу сдается — бенгальски искрит, превращаясь в *мо* — сереброгласное словцо Вознесенского-поэта, бусинку ожерелья; *видео* становится *дивом*, сохраняя свой вид, который придал ему Вознесенский-художник, вызвавшая его колокольчато, семиструнно, органно. И тогда не *видео-диво*, а *чудо-дуче*? Мрачно. Мир зловещ и ужасен, взвихрен и беспорядочен, дыбится и восстает...

«Рейв» и «Casino «Россия» сшиблись в стиховой — стихийной — жизни поэта, остро и больно чувствующего жизнь вне стиховую — нашу жизнь. Будь она неладна! Впрочем, неладна она и так: никакого слада с этим диким разладом. Брехтовский театр пресуществлен поэтом в такой театр, в котором маски *смерти* играют *жизнь*. Но такую жизнь, которая не только *здесь* и *теперь*, но и *там* и *тогда*. Она — весь *алфавит всей* культуры, из которого на наших глазах и с нашим участием творится упои-

тельное *эсперанто* созидания, в каждом *слове* которого *явлен грядущий* образ мира, чем и преодолевается *текущее* его разрушение. **Факт** трансмутируется в **акт** — акт творения. В *Седьмой* его *день*. И тут же восьмерка, опрокинутая навзничь, — актуальная бесконечность — лента Мёбиуса. Замкнутая, подчиняющаяся закону Ома, цепь. Сердце напрямую замкнуто на ум. Заумь... Перворечь, которая не стыдится предстать гутенберговски оформленной — сперва в газетах («Комсомолка», «МК», «Аргументы...»), а теперь и в книге с золоченым корешком, и при этом недорогой — 17 800 (старыми) рублей, что и указано в выходных данных неалчным издательством «Терра», массу которой *преодолевают* поэт. «Casino «Россия» и есть вся «Терра», а не только название книги. В России-казино живут. Так стихосложение стало жизнесложением.

Но...преодолевают или взрывают?

...Поэт чуток: он не только видит, но и слышит в слове *актер* слово *теракт*. А может быть, даже не слово, а сам теракт, потому что культура, как сказано Лотманом, есть взрыв. Слово поэта — взрыв тем более. Оно, это слово, больше самого себя. Хотя бы на одну лишнюю букву — *т* (вспомним хлебниковское *творяне*): *теракт* длиннее *актера*, но реплика его смертно мгновенна. Теракт — взрыворазрушающ. Актер — взрывотворящ. Лишнее *т* в рулетке судьбы. План в скучном деле *планирования* *случая* весело не выполнен. Вместо планирования вышло клонирование. В бесконечность жизнесловий.

Проигрыш *Бизнесенского* (самооговор автора «Casino») обернулся выигрышем вознесенской России. И *чем случайней, тем вернее* проступает формула *гармонии распада* в искрометных *кругометах* поэта, укрощающего *обручами-меридианами* броуновские центробежности российской горькой земли, заново сотворенной из первоатомов поющих литер, сложивших здание мира с конца (вспомним «*Мирскóнца*» В. Хлебникова) вновь к его началу через «*Взорваль*» языка (в третий раз — Хлебников, только теперь уже с Крученых). (Проверка шестидневного эксперимента на воспроизводимость?)

И все это — ради утренней *яичницы из четырех ромашек*, *только* сценических терактов и...*мира впервые*, в котором:

Есть Страдивари сострадания.
И больше нету ничего.

Ergo: сила тока прямо пропорциональна напряжению и обратно пропорциональна сопротивлению проводника (согласно закону немецкого физика Георга Ома). И так – вот уже 175 лет. Точно так было бы и дальше, если бы не закон видеОМА русского мета-физика Андрея Вознесенского. И покуда действует этот новый закон, принятый мною сразу – в первом чтении, можно быть уверенным, что *во дни сомнений, во дни тягостных раздумий* о судьбах казино России, в этих казино еще не *вечер*, хотя и *ваучер*, которому *вчера* исполнилось семь лет.

Потому что для Поэта *донор* – всегда *ветер*. Переменчивый... А кто же еще? (В перекор стоп-модернисту, составляющему гербарий культуры на сухом безветрии тишины. Или, как на днях сказал я, пост-модернизм есть массовая культура для элиты, если дело происходит в casino под названием «Россия».)

* * *

Тем и завершается «Мірскóнца», ставший *образом* культуры XX века, преодолев себя же самого в качестве *образца*-экспоната музейных коллекций. Но таким *образом*, который будоражит нашу память, соотносит ее с поэтической речью и с книгой как артельным делом всевозможных интеллектуальных умений: поэтических, художественно-изобразительных, книгоделательных. Артельных, но внутри себя – предельно индивидуальных, особенных, решительно противостоящих массовой культуре во имя культур индивидуальных миров. Не есть ли всё это один из возможных векторов насущного культурного развития России, продуктивно всматривающейся в свой неисчерпаемый интеллектуальный потенциал, укорененный в ее истории?..

Культура — изначальная терапия человека*

Человек фактически начался с появлением у его предков первых элементов культуры в виде своеобразных психических образований. Адаптивная роль последних в процессе филогенеза неуклонно повышалась, дав со временем реальное основание утверждать, что, в отличие от животного, человек рождается дважды: первый раз физически, второй раз — в духовном реакторе культуры. И этот второй этап рождения, как правило, оказывается более важным: несостоявшееся культурное рождение «отменяет» физическое бытие (дети, воспитанные животными оказываются нежизнеспособными).

Важность вышеуказанного второго этапа «рождения» подтверждается и тем обстоятельством, что онтогенетически он привязан к периоду интенсивного роста и развития организма. Доказано, что 5/6 функциональных возможностей мозга формируется у человека уже после физического рождения и поэтому генотипически детерминированная длительность периодов детства и юности сопровождается исключительно высокой способностью к обучению, преемственности. Культура, несомненно, формирует своеобразный «надбиологический» язык, который способствует более эффективному информационному обмену индивидуума, как с внешней средой обитания, так и с самими носителями соответствующей культуры.

Вместе с тем, для усвоения основ этого языка установились определенные онтогенетические рамки. Накладываются они важной биологической закономерностью, согласно которой ребе-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 01-03-00282).

нок должен получить культурные знания и навыки в наиболее благоприятном для этого возрасте. Дело в том, что многие связи между нервными клетками новой коры, даже имеющиеся при рождении и обусловленные наследственными механизмами роста, должны быть обязательно подкреплены опытом, по крайней мере, в течение критических периодов развития мозга. Если такого подкрепления не произойдет, эти связи уже не смогут функционировать. Именно поэтому само наличие культурных запросов, их богатство и предпочтения определяются не только уровнем цивилизованности, воспитания, но и тем, происходило ли оно в периоды особой восприимчивости психики.

Способность биологической системы человека чутко и в нужном направлении реагировать на изменение общественных доминант обеспечивает ему возможность усвоения многообразных культурных программ, порождаемых социумом. В работе «Бодрствование как активная форма гипноза» (1) мы обоснуем концепцию, согласно которой целостная парадигма психических состояний человека находится под воздействием фундаментальной адаптогенной (2) программы – исходного системообразующего гипноза. Научные факты показывают, что многослойный пласт психической жизни человека настолько интенсивно пронизан разнообразными феноменами гипноза (измененными состояниями сознания), отличающимися по своему содержанию и силе, что можно говорить о едином континууме гипнотических явлений, широко представленном в поведенческой активности в качестве адаптационного фактора. Среди кардинальных феноменов этого плана выделяются следующие из них:

- постоянно действующее желание жить;
- разнообразные половые игры, насыщенные гипнотическими явлениями;
- высокая потенциальная готовность к выполнению ролевых функций;
- все формы межличностного общения имплицитно предполагающие суггестию и воздействие на состояние субъекта коммуникации;
- различного рода инсайты и «прозрения», составляющие сущность творческих процессов.

При внимательном рассмотрении вышеперечисленных поведенческих стереотипов обращает на себя внимание то обстоятельство, что все они образуют собой достаточно жесткие долговременные (пожизненные) программы, актуализируемые спе-

цифическими пусковыми раздражителями. Доля повседневной активности индивидуума с участием вышеназванных и различного рода других аналогичных программ настолько велика, что фактически исключает наличие периодов так называемого бодрствования.

Все это дает основание говорить о том, что фундаментальными состояниями человека являются не бодрствование и сон, как принято считать в психофизиологии, а гипноз и сон, тогда как бодрствование представляет собой лишь одну из активных форм гапноза. Скорее же всего в настоящее время бодрствование представляет собой третье состояние, которое в филогенетическом плане находится лишь в стадии формирования и становления и его преимущественные стороны еще не освоены.

В настоящей работе обращается внимание на наличие у человека еще одной ментальной гипнотической программы, под контролем которой находятся все процессы. Речь в данном случае идет о формировании культурных поведенческих стереотипов, установок и умений, усваиваемых на основе гипнотического программирования, которое представляет собою любой учебный процесс. Исследования показали, что все процессы обучения непременно апеллируют к гипноидным явлениям, в которых мозг приобретает максимальную пластичность, управляемость, восприимчивость и способность к запечатлению информации. Эти состояния непроизвольно усиливаются в группах и еще больше — в значительных массах людей.

Есть основания полагать, что данный гипнотический механизм у человека был «надстроен» в процессе филогенеза над врожденным механизмом обучения, имеющимся и у животных, и который подробно описан в работах замечательного австрийского биолога и философа Конрада Лоренца. Высшим видом врожденного обучения у животных автор считает «оперантное обучение». Оно заключается в высокодифференцированном инстинктивном движении, пригодном лишь для единственной специфической функции, и именно той, ради которой оно выработано эволюцией соответствующего вида (2, с. 327). Следует лишь добавить, что и механизмы «оперантного обучения» работают лучше и надежнее в состояниях, характеризующихся повышенной пластичностью нервных процессов. Американские психотерапевты С. Хеллер и Т.Л. Стил также склонны ставить знак равенства между «учебным состоянием» и трансом, утверждая, что «есть много исследователей гипноза, которые утверждают,

что все обучение происходит в состоянии, очень напоминающем гипнотическое. Кто-то даже может сказать, что обучение и гипноз это всего лишь два разных слова, описывающих одно и то же». И дальше: «Гипноз – это форма обучения. Идеи, верования, возможности, фантазии и многое другое могут быть «внушены» и если они восприняты, повторены несколько раз, то могут стать условно-рефлекторной частью поведения» (3, с. 40,42). Все вышесказанное дает основание утверждать, что на определенном этапе эволюции, когда в человеческой популяции прекратилось действие фактора естественного отбора, формирование свойства обучаемости приобрело кардинальное значение в дальнейшем развитии человека. Очень точно эту мысль в свое время сформулировал Т. Морган: «У человека два процесса наследственности: один вследствие материальной непрерывности (половые клетки) и другой – путем передачи опыта одного поколения следующему поколению посредством примера, речи и письма» (4).

Прекратившийся естественный отбор, как отмечал видный отечественный невролог С.Н. Давыденков, обусловил переключение функции соматических механизмов на совершенствование иной стороны человеческих возможностей, в результате чего предельно активизировалась способность к непрерывной прогрессивной выучке индивидуума, а необходимая для этого пластичность мозга, как и включенные в процессы обучения первичные гипнотические программы, начали передаваться по наследству. Таким образом, есть все основания называть состояние обучающегося человека обучающим гипнозом, а в самом широком смысле – гипнозом культуры, посредством которого формируется цивилизованный облик человечества. Следует отметить, что в отличие от генетически обусловленной системы гипнотических явлений, составляющих «пакет» долговременных поведенческих программ, «гипноз культуры» содержит в себе не готовые поведенческие стереотипы, а лишь фундаментальные предпосылки к ним в виде высокопластичных функций мозга. Существенно важно, что эта программа предусматривает реализацию двух диаметрально противоположных действий: в одних случаях она обеспечивает формирование совершенно новых поведенческих стереотипов, навыков, знаний, в других – выборочно затормаживает инстинктивные реакции, которыми человек бывает наделен от рождения.

И как всякая филогенетически молодая функция, возможно еще находящаяся в стадии развития, эта программа нередко показывает свою недостаточную эффективность, дает «сбои» в работе. На это обстоятельство в свое время указывал еще З. Фрейд, невесело констатируя, что «мера внутреннего освоения культурных достижений в социуме очень различна». «Мы с изумлением и тревогой замечаем, — добавлял автор, — что большинство людей повинуется этим культурным запретам только под давлением внешнего принуждения, иными словами, только там, где это принуждение может быть действенным, и до тех пор, пока его следует опасаться... Бесконечное множество культурных людей... не перестают вредить другим ложью, обманом и клеветой, если это можно делать безнаказанно, и, по всей вероятности, это было и прежде, в течение многих культурных эпох» (5, с. 370).

Высказанное выше положение в определенной степени затрагивает концепцию о соотношении биологических и социальных факторов личности. Диалектика социального и биологического в человеке, как известно, состоит в том, что биологическое, являясь более низкой формой движения материи, служит предпосылкой для развития социальной сущности человека, не входя в нее.

Важным здесь следует считать то обстоятельство, что функция наследования позитивных гипнотических программ, как и сама способность к гипнопрограммированию, в большей степени тяготеет к биологической сущности человека, тогда как содержательная сторона формирования актуальных социальных (культурных) доминант находится под влиянием второй комплексной гипнотической программы, ответственной за функцию обучения индивида.

Принято считать, что культура, будучи исключительно функцией обучения, не имеет никакого отношения к системам биологического наследования функций. Однако, американские исследователи Э. Уилсон и Ч. Ламсен, включая в понятие культуры «все формы мыслительной деятельности и поведения человека, способность создавать артефакты и оперировать ими, передающуюся от одного поколения к другому путем социального обучения» в определенной степени допускают возможность «генно-культурной передачи», во всяком случае, в ее наиболее общих планах (6).

В настоящее время уже нет сомнений в том, что, несмотря на свою уникальную способность к обучению, человек появляется на свет отнюдь не «чистой доской» (*tabula rasa*) и что во

многих отношениях он как бы заранее запрограммирован. В частности, его системы переработки информации настроены на восприятие вполне определенно-ного круга стимулов и их сочетаний, и на то, чтобы отвечать на них определенными действиями (7).

Не исключено, что именно эти генетические механизмы, в конечном счете, ответственны за формирование и самих «титанов культуры», и их выдающихся гипнотических способностей, как неотъемлемого атрибута гениальности. В связи с данным предположением в исследуемой проблеме очерчиваются две достаточно самостоятельных стороны, в одной из них исследуется «гипноз делающих культуру», во второй — феномен культуры рассматривается как особая форма гипнотической защиты.

Приступая к обсуждению первой стороны вышеуказанной проблемы, следует подчеркнуть, что человеческую культуру, как известно, всегда делали и делают «мессии», которым выпадает далеко не лучшая участь за их нетерпимость к рутине и застою в той или иной сфере общественной жизни. Тот факт, что никто из них не начинал с абсолютного начала не снижает их личной значимости. Гений этих личностей выражался в том, что они решали задачи, которые в соответствующее время назревали в культуре, в сознании общества и отдельных людей или уже формулировались их предшественниками, но делали это лучше, глубже, ярче других. И все же подавляющее количество великих мировых вопросов ставили и развивали во всей полноте и весомости именно отдельные гении. Их идеи становились учениями, верой масс, овладевали душами и, в конечном счете, преобразовали мир.

С великим почтением мы говорим об этике Конфуция, логике Аристотеля, диалектике Гегеля, теории условных рефлексов Павлова, квантовой механике Бора и пр. Но мы же с равным уважением вспоминаем о «Сикстинской мадонне» Рафаэля, «Дон Кихоте» Сервантеса, «Высокой мессе» Баха, «Фаусте» Гете, «Братьях Карамазовых» Достоевского, осветивших глубинные проблемы человеческого бытия и смыслы моральных ценностей.

Однако в данном случае речь идет не только о масштабности дел гениев, но и необычном влиянии их личности и их творчества на человечество в целом. Применительно к сфере искусства этот вопрос уже обсуждался нами в специальной работе (8). Специфика же массового влияния гениев культуры иных ее сфер посредством своих творений на массы несколько отличается от действия шедевров искусства, однако, неизменным остается исключительно высокий социальный престиж их личности.

Ж. Гюйо, анализируя социологические особенности культуры, объясняет влияние гениев на толпу силой их притяжения, их воздействием на общество, «которое они увлекают». «Если Наполеон увлекает за собою силой воли, то Корнель и Виктор Гюго увлекают их не менее, но другим способом» (9).

Более близки к развиваемой здесь концепции высказывания Эмиля Геннекена, объясняющего секрет влияния гения на людей «игрой притяжений и отталкиваний», силою «магнетического притяжения к себе средством внушения. Эта власть великого художника тем сильнее, чем более сходна душа его читателей или слушателей с душой самого художника или его героев».

В теории, основанной на культе гения, пророка, вождя, его гипнотической властной силе, духовному магическому действию, обозначаемому странным термином «харизма» (*charism*), который ввел немецкий социолог Макс Вебер, придается первостепенное значение. По мысли автора этого термина некая гипнотическая сила присуща вождям, которые повергают массы в транс и становятся объектами их обожания. Черчилль, к примеру, обладал этим качеством так же, как и Мао Цзе Дун, Сталин, Де Голль, Тито, папа Иоанн Павел II и мн. др (10).

Видный французский социолог Серж Московичи полагает, что, будучи однажды признанной, харизма действует как символическое плацебо. Последнее производит гипнотический эффект на того, кто входит в контакт с его носителем. Как и безобидное лекарство, которое гасит боль, лечит потому, что прописано врачом. «Несмотря на прогресс науки, — пишет Московичи, — постоянно убеждаешься, что лекарством для одного человека является другой человек, это самый универсальный наркотик». И далее: «харизма ... вызывает аналогии с необычайной способностью африканских вождей к излучению и с «триумфальным талисманом» царей Гомера, величие, которое, как предполагалось, придавало им абсолютную магическую силу» (11).

Таким образом, всякое новшество в культуре, как результат функции научения, — это реализация достижений творческой личности, свершающаяся на основе массового внушения. Являясь обогащенным продолжением процессов подражания и психического заражения, внушение представляет собою самые различные формы внедрения в сознание людей (в осознанной или бессознательной форме) определенных установок, правил, норм, положений, регулирующих поведение в культуре (12). Как правило, внушения более эффективно и прочно осуществляются в трансовых «учебных состояниях», о которых говорилось выше.

Приведенные выше материалы и собственные данные гипнологических исследований дают основание говорить о том, что высокая индуктивная действенность гениальных людей обусловлена рядом обстоятельств, которые отмечаются ниже.

Вряд ли кто станет оспаривать установившееся в науке воззрение: гений велик потому, что обладает по-своему совершенным мозгом В то же время, как установлено рядом исследователей, совершенный творческий мозг должен обладать таким уникальным качеством, как произвольное вызывание у себя определенных форм гипнотических состояний, в которых центральная нервная система приобретает максимальную степень пластичности нервных механизмов, необходимой для эффективного осуществления аналитико-синтетических процессов

Еще Карл Юнг, исследуя психологию оккультных феноменов (1902), отметил наличие сходных состояний у пророков, поэтов, основателей религиозных движений и у больших ученых Сознание творцов, считал автор, может овладевать содержанием, идущим из тайников подсознания и придавать ему религиозную или художественную форму У выдающихся людей имеется интуиция, «далеко превосходящая сознательный ум», и открывается она в трансных состояниях Состояние же транса, гипноз Юнг характеризовал как специфическое единство рационального и иррационального, обладающее способностью интуитивного прозрения и озарения, которое сближает его с мифологическим мышлением Именно в состоянии транса человек проявляет способности и демонстрирует знания, отсутствующие у него в обычном состоянии На подобные факты указывал еще Э. Тейлор в «Первобытной культуре» (1939).

Кстати, может быть именно поэтому, как тонко подметил Р. Бэндлер, один из разработчиков нейролингвистического программирования, «люди гораздо больше уважают себя в гипнотически измененных состояниях сознания, чем в бодрствующем состоянии» (13). Все сказанное выше дает основание сформулировать первый тезис об особенностях личности гения: постоянная тренировка систем гипнотической индукции ведет к общему повышению воздействующей силы его психики на состояние окружающих его людей, делая их более программируемыми и внушаемыми.

В наших работах по одновременному исследованию состояний гипнотизера и гипнотизируемого (1978) были получены данные электроэнцефалографии (ЭЭГ), которые с высокой степе-

нию достоверности показали, что процесс гипнотизирования вызывает параллельные идентичные и однонаправленные изменения ЭЭГ у гипнотизирующего и гипнотизируемого субъекта. Другими словами, внушающий приводит в гипнотическое состояние внушаемого через формирование у себя самого именно этого состояния. Данный феномен иногда достигает такой степени выраженности, что гипнотизер засыпает раньше гипнотизируемого.

Данный пример показывает, что влияние гения на окружающих можно представить в виде психической индукции: решая свои проблемы, он привычно и неосознанно вводит себя в транс и невольно наводит его вокруг себя. Исходя из этого обстоятельства, наш первый тезис необходимо дополнить вторым следующим образом: не бывает гениальных личностей без гениальной способности к гипнотизированию и внушению (об этом они сами могут даже не знать).

Все сказанное выше представляет собой первую часть данного исследования. Во второй его половине представленной ниже, рассматривается специфика влияния на социум того своеобразного «продукта», создаваемого гениями, который именуется «культурой». Впервые положение о защитной роли культурных «надстроек» в жизни человечества было сформулировано Фрейдом, хотя и в достаточно замысловатой форме. Согласно его точке зрения «религия и невроз — это защита против неуверенности и страха, порожденных подавленными влечениями». В соответствии с этим религия — универсальный невроз навязчивости, и набожный человек в высокой степени защищен от извещенных невротических заболеваний потому, что «восприятие общего невроза избавляет его от выработки личного невроза» (5, с. 401).

Видным последователем Фрейда, применившим принципы психоанализа в изучении экзотических культур, был Г. Рохейм. Воспринимая культуру, как творение Эроса, в длительном периоде детства он видел ключ к пониманию культуры. Человеку после рождения предстоит длительный период обучения, и учреждения культуры способствуют выполнению именно этой задачи. Большое значение в развитии культуры Рохейм придавал сублимации, как творческой силе. Если неврозы изолируют личность, то сублимация соединяет людей, творит нечто новое в культуре. В целом же культура, отмечал исследователь, «есть система психической защиты» от напряженности и деструктивных сил (14).

Несомненно, что мысль о терапевтической роли культуры в обществе была существенно активизирована книгой немецкого социального психолога Т. Ахелиса «Экстаз и его роль в культуре», вышедшей в начале XX века. На ее страницах характеризовались разнообразные экстатические состояния, и высказывалась мысль о социально-компенсирующей функции мистических движений. К тому же в Швеции в 1924 г. З. Линдерхольм выдвинул гипотезу о том, что экстатическая тенденция имеет глубокие корни в душевной организации человека.

Специальными исследованиями установлено, что в современном мире ритуалы с экстатической составляющей встречаются более чем в 90% из 488 традиционных культур. Основная часть экстатических состояний – психологическая защита общества. Так в культурно приемлемой форме разрешаются внутренние конфликты между индивидуальными желаниями и культурными нормами, уменьшается вероятность психологических дисфункций.

Однако возможности культуры как терапевтического феномена не ограничиваются использованием экстаза, а представлены значительно шире. Сама культура и рост информированности организма, обусловленный обучением, выполняет важнейшую жизненную функцию, существенно повышая резервы организма. Так эффективно работающий исследовательский аппарат человека изменяется каждый раз, когда приобретает новое знание. Вобрав в себя новую информацию, организм не остается прежним. «Вновь приобретенное знание, – отмечает К. Лоренц, – повышает шансы приобретения энергии и тем самым вероятность дальнейшего получения знаний» (2, с. 266). Именно данное свойство культуры лежит в основе ее психотерапевтического действия, что дало основание У. Самнеру определить ее как «совокупность приспособлений человека к его жизненным условиям» (15).

Еще более действенную психокоррекционную функцию видит в культуре Г.Стейн, полагая, что она представляет собой «поиски врачевания в современном мире». В связи с таким определением культуры как предмета психоантропологии, автор ставит вопрос о переформулировке ее понятия, а точнее – о новом акценте в ее понимании. Стейн считает, что определение культуры должно быть более психогенным и предлагает рассматривать ее в качестве «вместилища», «контейнера», в котором «представлены бессознательные фантазии, страхи и защиты про-

тив них». Культура, согласно этой точке зрения, есть поиски терапии, так как в современном обществе выживание в физическом мире стало вторичной задачей по сравнению с выживанием в интерпсихическом континууме. «А посредством культуры, – утверждает Г. Стейн, – мы объективируем наши внутренние страхи, надежды на внешний контроль» (16).

Не менее важную терапевтическую роль видел в культуре и другой американский психоантрополог У. Ла Барре. Важнейшим аспектом деятельности этого ученого является исследование психологических механизмов защиты, которые представлены в культуре, как социальном образовании. Имеются в виду различные типы ритуалов, выполняющих психотерапевтические функции, алкоголь, наркотики, галлюциногены. Последние, по мнению автора, сыграли определенную роль в возникновении религии и некоторых культурных традиций. В связи с этим он считает необходимым рассматривать религию в качестве социального феномена, а ритуал – неким «гипнотически-галлюцинаторным культурогенным заменителем реальной действительности». Ла Барре настаивает на социогенной природе многих как соматических, так и психических заболеваний в современную эпоху. При этом он полагает, что «нет причин, чтобы и терапия не была бы социогенной тоже» (17).

Своеобразным видением движущих сил социальных процессов отличается американский этноботаник и визионер Теренс Маккенна. В отличие от предыдущих авторов, терапевтическую сторону культуры он связывает только с «разумным» использованием наркотиков и считает, что всемирный триумф западных ценностей привел нас как вид в состояние затяжного невроза из-за отсутствия связи с бессознательным, которую хорошо обеспечивают психоделики. Из-за этого, по мысли исследователя, на континенте произошел психический сдвиг, который вверг цивилизацию в два тысячелетия религиозной мании и гонений, войн, материализма и рационализма (18, с. 99). Для Т. Маккенны «совершенно очевидно, что приватное применение психоактивных веществ, легальных и нелегальных, будет все более и более становиться частью будущего становящейся культуры» (18, с. 17).

Пожалуй, нет оснований, чтобы здесь сразу же не привести прямо противоположного суждения на этот счет российского социолога И.В. Бестужева-Лады, считающего, что «наркотизация общества в целом и в любом из ее аспектов никак не может быть отнесена к достижениям, к сфере культуры, и на этом ос-

новании целиком относится к сфере антикультуры». Но последняя, считает автор, несет в себе «подрыв сил, разложение общества, ускорение происходящих в нем негативных катастрофических таким определением культуры как предмета психоантропологии, автор ставит вопрос о переформулировке ее понятия, а точнее — о новом акценте в ее понимании. Стейн считает, что определение культуры должно быть более психогенным и предлагает рассматривать ее в качестве «вместилища», «контейнера», в котором «представлены бессознательные фантазии, страхи и защиты против них». Культура, согласно этой точке зрения, есть поиски терапии, так как в современном обществе выживание в физическом мире стало вторичной задачей по сравнению с выживанием в интерпсихическом континууме. «А посредством культуры, — утверждает Г. Стейн, — мы объективируем наши внутренние страхи, надежды на внешний контроль» (16).

Не менее важную терапевтическую роль видел в культуре и другой американский психоантрополог У. Ла Барре. Важнейшим аспектом деятельности этого ученого является исследование психологических механизмов защиты, которые представлены в культуре, как социальном образовании. Имеются в виду различные типы ритуалов, выполняющих психотерапевтические функции, алкоголь, наркотики, галлюциногены. Последние, по мнению автора, сыграли определенную роль в возникновении религии и некоторых культурных традиций. В связи с этим он считает необходимым рассматривать религию в качестве социального феномена, а ритуал — неким «гипнотически-галлюцинаторным культуросгенным заменителем реальной действительности». Ла Барре настаивает на социогенной природе многих как соматических, так и психических заболеваний в современную эпоху. При этом он полагает, что «нет причин, чтобы и терапия не была бы социогенной тоже» (17).

Своеобразным видением движущих сил социальных процессов отличается американский этноботаник и визионер Теренс Маккенна. В отличие от предыдущих авторов, терапевтическую сторону культуры он связывает только с «разумным» использованием наркотиков и считает, что всемирный триумф западных ценностей привел нас как вид в состояние затяжного невроза из-за отсутствия связи с бессознательным, которую хорошо обеспечивают психоделики. Из-за этого, по мысли исследователя, на континенте произошел психический сдвиг, который вверг цивилизацию в два тысячелетия религиозной мании и гонений, войн,

материализма и рационализма (18, с. 99). Для Т. Маккенны «совершенно очевидно, что приватное применение психоактивных веществ, легальных и нелегальных, будет все более и более становиться частью будущего становящейся культуры» (18, с. 17).

Пожалуй, нет оснований, чтобы здесь сразу же не привести прямо противоположного суждения на этот счет российского социолога И.В. Бестужева-Лады, считающего, что «наркотизация общества в целом и в любом из ее аспектов никак не может быть отнесена к достижениям, к сфере культуры, и на этом основании целиком относится к сфере антикультуры». Но последняя, считает автор, несет в себе «подрыв сил, разложение общества, ускорение происходящих в нем негативных катастрофических процессов» (19, с. 300).

В перечисленных работах указаны лишь общие взгляды на прагматические стороны культуры в жизни общества. Однако без особого труда здесь усматривается явный теоретический пробел – отсутствие систематизации видов терапевтических форм и средств культуры, которые уже достаточно четко обозначились в работах современных исследователей.

С наиболее общей точки зрения виды культурных воздействий подразделяются на средства, преимущественно повышающие информированность индивидуума и приемы, формирующие различного рода трансовые состояния. Последние включают подавляющее большинство культурных действий.

Среди терапевтических средств культуры в настоящее время можно выделить следующие их виды:

1. Стимуляторы проявлений экзистенциального обладания (Э. Фромм), мобилизующие физические и духовные силы человека. Эту фундаментальную терапевтическую роль культуры было бы точнее назвать адаптогенной, так как она непосредственно направлена на повышение функциональной надежности человеческого организма, его биологической выживаемости в данной среде. Это относится к нашему телу и ко всему необходимому для удовлетворения жизненных потребностей. Экзистенциальное обладание (обладание собственным существованием) представляет собой рационально обусловленное стремление к самосохранению и не вступает в противоречие с разумным бытием. В системе культурных явлений эта социальная функция дала начало многим наукам адаптогенного плана (гигиене, профилактике, экологии, генетике и др.).

2. Непроизвольная медитация, осуществляющаяся посредством чтения художественной литературы, восприятия произведений музыкального и визуального характера. Известно, что лечение чтением (так называемая библиотерапия) в настоящее время входит также одним из звеньев в систему психотерапии. Методика этого воздействия представляет собой сложное сочетание книговедения, психологии и психотерапии (В.Н. Мясищев). Нередко библиотерапия, помимо медитационного фактора, выступает поставщиком литературного материала для систематических групповых дискуссий (Kondas O., 1973). В таких случаях лечебно-педагогических процесс становится психагогическим, так как представляет психотерапию через перевоспитание. Лечебное действие музыки на организм человека известно с древних времен. Первые попытки научного объяснения этого феномена относятся к XVII в, а широкие экспериментальные исследования – к XIX. Большое значение музыке в системе лечения психических больных придавали С.С. Корсаков, В.Б. Бехтерев и другие русские ученые. За рубежом такого рода работы проводили Schwabe Ch.(1974) и Galinska E. (1977). таким определением культуры как предмета психоантропологии, автор ставит вопрос о переформулировке ее понятия, а точнее – о новом акценте в ее понимании. Стейн считает, что определение культуры должно быть более психогенным и предлагает рассматривать ее в качестве «вместилища», «контейнера», в котором «представлены бессознательные фантазии, страхи и защиты против них». Культура, согласно этой точке зрения, есть поиски терапии, так как в современном обществе выживание в физическом мире стало вторичной задачей по сравнению с выживанием в интерпсихическом континууме. «А посредством культуры, – утверждает Г. Стейн, – мы объективируем наши внутренние страхи, надежды на внешний контроль» (16).

Не менее важную терапевтическую роль видел в культуре и другой американский психоантрополог У. Ла Барре. Важнейшим аспектом деятельности этого ученого является исследование психологических механизмов защиты, которые представлены в культуре, как социальном образовании. Имеются в виду различные типы ритуалов, выполняющих психотерапевтические функции, алкоголь, наркотики, галлюциногены. Последние, по мнению автора, сыграли определенную роль в возникновении религии и некоторых культурных традиций. В связи с этим он считает необходимым рассматривать религию в качестве соци-

ального феномена, а ритуал — неким «гипнотически-галлюцинаторным культурогенным заменителем реальной действительности». Ла Барре настаивает на социогенной природе многих как соматических, так и психических заболеваний в современную эпоху. При этом он полагает, что «нет причин, чтобы и терапия не была бы социогенной тоже» (17).

Своеобразным видением движущих сил социальных процессов отличается американский этноботаник и визионер Теренс Маккенна. В отличие от предыдущих авторов, терапевтическую сторону культуры он связывает только с «разумным» использованием наркотиков и считает, что всемирный триумф западных ценностей привел нас как вид в состояние затяжного невроза из-за отсутствия связи с бессознательным, которую хорошо обеспечивают психоделики. Из-за этого, по мысли исследователя, на континенте произошел психический сдвиг, который сверг цивилизацию в два тысячелетия религиозной мании и гонений, войн, материализма и рационализма (18, с. 99). Для Т.Маккенны «совершенно очевидно, что приватное применение психоактивных веществ, легальных и нелегальных, будет все более и более становиться частью будущего становящейся культуры» (18, с. 17).

Пожалуй, нет оснований, чтобы здесь сразу же не привести прямо противоположного суждения на этот счет российского социолога И.В. Бестужева-Лады, считающего, что «наркотицизация общества в целом и в любом из ее аспектов никак не может быть отнесена к достижениям, к сфере культуры, и на этом основании целиком относится к сфере антикультуры». Но последняя, считает автор, несет в себе «подрыв сил, разложение общества, ускорение происходящих в нем негативных катастрофических процессов» (19, с. 300).

В перечисленных работах указаны лишь общие взгляды на прагматические стороны культуры в жизни общества. Однако без особого труда здесь усматривается явный теоретический пробел — отсутствие систематизации видов терапевтических форм и средств культуры, которые уже достаточно четко обозначились в работах современных исследователей.

С наиболее общей точки зрения виды культурных воздействий подразделяются на средства, преимущественно повышающие информированность индивидуума и приемы, формирующие различного рода трансовые состояния. Последние включают подавляющее большинство культурных действий.

Среди терапевтических средств культуры в настоящее время можно выделить следующие их виды:

1. Стимуляторы проявлений экзистенциального обладания (Э. Фромм), мобилизующие физические и духовные силы человека. Эту фундаментальную терапевтическую роль культуры было бы точнее назвать адаптогенной, так как она непосредственно направлена на повышение функциональной надежности человеческого организма, его биологической выживаемости в данной среде. Это относится к нашему телу и ко всему необходимому для удовлетворения жизненных потребностей. Экзистенциальное обладание (обладание собственным существованием) представляет собой рационально обусловленное стремление к самосохранению и не вступает в противоречие с разумным бытием. В системе культурных явлений эта социальная функция дала начало многим наукам адаптогенного плана (гигиене, профилактике, экологии, генетике и др.).

2. Непроизвольная медитация, осуществляющаяся посредством чтения художественной литературы, восприятия произведений музыкального и визуального характера. Известно, что лечение чтением (так называемая библиотерапия) в настоящее время входит также одним из звеньев в систему психотерапии. Методика этого воздействия представляет собой сложное сочетание книговедения, психологии и психотерапии (В.Н. Мясичев). Нередко библиотерапия, помимо медитационного фактора, выступает поставщиком литературного материала для систематических групповых дискуссий (Kondas O., 1973). В таких случаях лечебно-педагогических процесс становится психагогическим, так как представляет психотерапию через перевоспитание. Лечебное действие музыки на организм человека известно с древних времен. Первые попытки научного объяснения этого феномена относятся к XVII в, а широкие экспериментальные исследования – к XIX. Большое значение музыке в системе лечения психических больных придавали С.С. Корсаков, В.Б. Бехтерев и другие русские ученые. За рубежом такого рода работы проводили Schwabe Ch. (1974) и Galinska E. (1977). Выделяют 4 основных направления лечебного действия музыкотерапии: эмоциональное активирование в ходе вербальной психотерапии; развитие навыков межличностного общения (коммуникативных функций и способностей); регулирующее влияние на психовегетативные процессы; повышение эстетических способностей. Перечисленные воздействия, как правило, реализуются в лег-

ких степенях медитативных состояний. Аналогичным образом действует на человека и «визуальная музыка» — произведения искусства, использующие язык визуальной и пластической экспрессии.

Отдельные ветви данного направления психокоррекции в 50-х годах текущего столетия были объединены термином «арт-терапии». С ее развитием связываются надежды на создание такой гуманной, «синтетической» методологии, которая учитывала бы достижения научной мысли и опыт искусства, интеллект человека и его чувства, потребность в рефлексии и жажду действия, план телесный и план духовный (20). Особенность действия данной разновидности эстетотерапии заключается в более конкретной направленности порождаемых образных ассоциаций, их большей привязанности к реалиям жизни.

3. Катарсис (греч. katharsis — очищение) — термин античной эстетики, обозначающий выраженный больше, чем в предыдущем случае трансовый аспект воздействия искусства на человека. Теорию очищения души от вредных страстей (гнева, вождления, страха и т.п.) разработали пифагорейцы, воздействуя на человека специально подобранной музыкой. Существовала легенда, что Пифагору удавалось с помощью музыки «очищать» людей не только от душевных, но и телесных недугов. Собственно же эстетическое осмысление катарсиса было дано Аристотелем.

Современная психология искусства рассматривает катарсис как «самосгорание» противоположных аффектов под воздействием прекрасного, как своеобразный разряд нервной энергии. Этот процесс, «психологического очищения» в отличие от медитации может подниматься до уровней высокого эмоционального напряжения (потрясения), когда радость переживается не только от открывшегося смысла, но и от самого акта открытия.

В обыденной жизни этот процесс «разрядки» нервного напряжения осуществляется в разнообразных формах. Из истории известны примеры виртуозного дара слез у женщин племени маори, повальная слезливость людей в XVIII веке. Катартическая разрядка через повышенную двигательную активность (пляски, песни) или же напряженное сосредоточение внимания при созерцании предметов искусства является одной из важных сторон психотерапевтической роли явлений культуры. «Все наше поведение, — считал Л.С. Выготский, — есть не что иное, как процесс уравнивания организма со средой». В процессе этого уравнивания «всегда есть такие возбуждения энергии, ко-

торые не могут найти себе выход в полезной работе. Тогда возникает необходимость в том, чтобы уравнивать наш баланс с миром. И вот эти... разряды и траты не пошедшей в дело энергии и принадлежат к биологической функции искусства» (21)

Таким образом, искусство, способствуя благотворному разряду нервной энергии, принимает участие в адаптивном регулировании организма в критические минуты нашей жизни. Ведь именно в критических точках нашего пути мы часто обращаемся к психотерапевтическому свойству культуры точно так же, как в далеком прошлом наши предки обращались к магии и получали аналогичное облегчение.

4. Преодоление «экзистенциального вакуума». Не будучи следствием невроза, в его общепринятом понимании, «экзистенциальный вакуум» (В. Франкл, 1968) вполне может быть его причиной. В таком случае говорят о ноогенном неврозе, который вызывается духовной проблемой, моральным или этическим конфликтом и чаще всего бывает следствием коллективных недугов наших дней. Наиболее распространенным «экзистенциальный вакуум» бывает в тех социальных образованиях, в которых стремление к духовному смыслу бытия заменяется стремлением к деньгам, как универсальной ценности жизни. Такого рода однобокое восприятие мира приводит к доминированию техногенной культуры над ее гуманитарными составляющими. Именно техногенные начала жизни создают центробежные силы, которые не дают человеку возможности сформировать внутри себя иные ценностные смыслы.

Наблюдаемые повсеместно явления «экзистенциального вакуума», как правило, объясняются не тем, что индивид не удовлетворяет свои потребности, а тем, что сами эти потребности перестают его удовлетворять. Рациональный и иррациональный аспекты бытия оказались рассогласованными, и такая патологическая расщепленность приводит к духовной стагнации, пустоте, депрессивности.

Характерно, что сами лица, страдающие такого рода недугом, заметили на себе целебное действие выдающихся произведений искусства. Шедевры Леонардо да Винчи, Рафаэля, музыки Баха, Моцарта, Гайдна своей неземной красотой и духовностью неизменно убеждают, что в человеческом существовании есть непреходящий глубокий и даже предельный смысл. Этот смысл полнее раскрывается человеку при наличии тех культур-

ных форм досуга, которые дают возможность свободно воспринимать шедевры культуры, постигать их духовную сущность.

5. Культурные средства акцентирования групповой принадлежности. В традиционных обществах дефицит межличностного общения, эмоциональности во многом преодолевался в групповых культурных акциях (музыкальные концерты, вечера драматического искусства), а также в коллективных ритуалах (организация празднеств, коллективных шествий и т. п.). Важнейшим следствием такого рода культурных действий является психотерапевтическая компенсация, заключающаяся в облегчении коммуникационных контактов, объединении людей, в преодолении одиночества, тревожности, отчужденности, иницировании чувства принадлежности к группе: социальной, половозрастной, конфессиональной. В современную эпоху одной из распространенных форм преодоления дефицита общения и обретения чувства групповой общности стали массовые концерты рок-музыки. Здесь же нередко можно наблюдать и коллективное вхождение в транс, которое, по мнению газет, часто «способствует реализации деструктивных импульсов в культурно неприемлемых формах». К сожалению, со временем появились и явно нездоровые формы музыкальных мероприятий. Так в Манчестере с 1988г. появилось новое увлечение: танцевальные марафоны с употреблением стимуляторов. В области музыкальной культуры сложилось также новое направление психоделической музыки, наиболее ярко реализованное творческой группой «Пинк Флойд».

Однако, такого рода «психотерапия культурой» решает лишь ситуативные проблемы личности. Полностью вывести человека из духовного кризиса под силу лишь настоящему искусству. Именно так понимает целебную роль искусства и А. Маслоу, полагая, что основная цель всех видов терапии – самоактуализация, предельным выражением которой являются «высшие переживания», «мгновения экстаза, которые нельзя купить» (22). Научить человека слышать и видеть красоту, сопереживать ее в произведениях искусства, – именно на этой основе возможен один из видов истинной психотерапии, использующей механизмы эстетического воздействия.

6 Культурный феномен народной медицины. Перечень психотерапевтических средств культуры был бы неполным, если бы в нем отсутствовало упоминание о народной медицине, как одной из наиболее ранней составляющей культуры человечества.

Как практический аспект цивилизации в традиционном обществе она сложилась в целостную многофункциональную систему, подробно рассматривать которую здесь нецелесообразно. Тем не менее, подчеркнуть факт ее своеобразной реставрации в современном обществе вполне уместно. История этого обстоятельства такова. В мае 1973 года на Всемирной Ассамблее здравоохранения были сделаны первые шаги в официальном признании народной медицины, в допущении возможности ее использования в государственном здравоохранении. Три года спустя была разработана программа ВОЗ, а в 80-х годах на всех континентах начали формироваться центры исследования нетрадиционной медицины. Они предназначались не только для сохранения соответствующих знаний, но и для непосредственного практического использования местных средств тем народами, для которых доступ к знаниям и современным биомедицинским технологиям является ограниченным или же вообще невозможным. В связи с этим важно помнить, что любая терапевтическая техника может рассматриваться как активное проявление культуры конкретного географического пространства и заданного исторического периода, как целостный социальный феномен.

7. Терапия творческим процессом. Мысли о мистическом исцеляющем действии творческого вдохновения на самого творца впервые высказал еще Платон в своих рассуждениях о природе искусства («Ион», «Пир» и др.). Лучшие свои произведения, утверждал он, авторы создают в состоянии временного помутненного сознания, прострации, которым наделяет их божество для более полного самовыражения (23). С легкой руки древнегреческого философа идея об иррациональной природе творчества прошла через века, продолжала и продолжает серьезно обсуждаться авторами прошлого и настоящего. Мысли о мистическом характере творческих состояний и их благотворном влиянии на жизненную устойчивость автора неоднократно высказывал Гете. Но наиболее выразительная характеристика целительного действия творческого вдохновения на самого творца была дана А.Г. Мослоу. Человек, занимающийся творчеством, считал автор, в минуты вдохновения, в инспирационную фазу творчества забывает о прошлом и будущем и живет только «здесь и сейчас» «Я все больше и больше склоняюсь к мысли, — развивал положение автор, — что описанный выше феномен являет собой разновидность пресловутого мистического переживания... Почти всегда это состояние описывается как блаженное, экста-

тическое, экзальтированное, счастливое... Откровения такого рода часто служат основанием, и иногда единственным основанием для различных «богооткровенных религий» (24). Проблему творческих состояний очень глубоко и всесторонне исследовал американский психолог и педагог Гарольд Рагг. В своей книге «Воображение» (1963) на основе обширных материалов исследований реализацию творческого процесса он связывает с проявлением гипнотического состояния в прямом понимании этого термина. Проблеме взаимосвязи творческих состояний с гипнозом уделяли внимание такие авторы как Б.П. Выше-славцев, Альберт Молль, Дюран де Кросс и др.

Многочисленные исторические примеры свидетельствуют о том, что люди, работающие на будущее и состояние творческого гипноза которых входит органической частью в их жизнь (художники, композиторы, селекционеры, архитекторы, воспитатели и др.) чаще всего отличаются крепким здоровьем и завидным долголетием. Несомненно, что часто переживаемые ими творческие медитации, состояния экстагического гипноза являются мощным оздоровительным фактором для всего организма. Нельзя не вспомнить при этом одно из утверждений йоги о наличии в мире давления Будущего на Настоящее. Под этим подразумевается, что добротная позитивная работа на Будущее есть ни что иное, как «призывание космических вибраций света в косное настоящее, заставляющее его пульсировать быстрее, энергичнее и продуктивнее.

Если прав американский антрополог А. Кребер (1876-1960), и культура представляет собой «суперорганическую самодостаточную сущность», то действительно есть основания сравнивать ее (как делал это он сам) с неким живым организмом. Последнему, как известно, свойственно нарождаться, расти, развиваться, достигать расцвета, а затем деградировать и умирать. И если действительно длительность жизненного цикла культур, как считал исследователь, равна 1,5 тыс. лет, то есть основание полагать, что наша «родная» культура находится на излете. Российский философ В.В. Налимов активно развивал мысль, высказанную Кребером, утверждая, что «культуры приходили и уходили, и каждая из них находила свои пути взаимодействия с каждым из Миров существования человека... И кажется, что культура сохраняла свою жизнеспособность до тех пор, пока ее люди были способными сохранять целостность и многообразие бытия» (25, с. 231). Наша сегодняшняя культура, утверждал ав-

тор, находится в старческой беспомощности, «мы стоим на ее изломе», но когда порожденные культурой потребности теряют свое терапевтическое действие, «возникает удручающая гибельная скука» (25, с. 132).

В условиях «гибельной скуки», когда стимулирующие гипногенные эффекты отживающей культуры теряют свою действенность, активизируются и начинают входить в моду элементы гипноза антикультуры. Если понимать культуру как совокупность достижений, способствующих прогрессивному развитию общества, его подъему, то антикультура в том же понятийном ряду -откат от достигнутого, «минус-достижения», способствующие регрессивному развитию общества, его упадку, деградации, конечной гибели.

Следует признать, что победное шествие антикультуры по странам и континентам началось из США. Там в конце первой половины XX века она зарождалась в высокоразвитом индустриальном обществе с гипертрофированной психической доминантой сиюминутной пользы, выгоды, прока, прибыли и полностью девальвированным понятием абстрактной красоты, воспринимаемой, как известно, древними структурами правого полушария мозга.

Э. Фромм называл этот мир обществом тотального отчуждения, породившим рыночный тип человеческого характера, который лишен внутренних культурных ориентиров. Ему присущи ложные эмоции, идеализация, искаженное чувство любви и богатый набор невротических патологий, связанных с бессмысленным, органическим (бездуховным) существованием. «Люди с рыночным характером, — отмечал ученый, — не умеют ни любить, ни ненавидеть Эти «старомодные» эмоции не соответствуют структуре характера, функционирующего почти целиком на рассудочном уровне и избегающего любых чувств, как положительных, так и отрицательных, потому что они служат помехой для достижения основной цели рыночного характера — продажи и обмена, — а точнее, для функционирования в соответствии с логикой «метамашины», частью которой они являются. Они не задаются никакими вопросами, кроме одного — насколько хорошо они функционируют, — а судить об этом позволяет степень их продвижения по бюрократической лестнице» (26).

В эпоху господства псевдокультурного штампа многие массовые акции, имитирующие культурные начинания, оказались необычайно прибыльными. Будучи антикультурой по существу,

они-то и стали мерилом эффективности этих «культурных» предприятий: дескать, неправое дело дохода не приносит. Началось это с клонированной кинопродукции Голливуда, продолжилось массовыми акциями поп-эстрады и достигло кульминации в сегодняшнем телевидении. Бешеная конкуренция между дельцами от культуры вынудила обратиться за помощью к запретным ранее приемам «апельляции к дьяволу», к богатому арсеналу средств антикультуры. «А запретное – как наркотик, – пишет ИВ. Бестужев-Лада: чем чаще к нему обращаешься, тем больше требуется доза. И следом за первым понижением уровня культуры неизбежно следует второй, третий... Три шага к пропасти. Из пропасти же навстречу семимильными шагами поднимается антикультура» (19, с. 287). Антикультура – это мир, испепеляющий человеческое, воссоздающий дьявольское. Одним из первых, кто обратил внимание на наличие в культуре двух основополагающих начал, был Ф. Ницше. Первое из них он назвал аполлоновским, олицетворяющим собой торжество света, гармонию форм и моральных установок, стремление к совершенным возвышенным чувствам. Второе начало, названное дионисийским, характеризовалось одержимостью в поведении, экстатическими состояниями, презрением к культурным нормам и являло собой некий бунт против Разума.

Очень важно, что два вышеуказанных начала культуры сложились не случайно: если первое из них обеспечивало более эффективное продвижение человека по пути эволюционного прогресса, то второе – представляло способы «отдохновения», психическую разрядку от весьма утомительных процессов «очеловечивания». Дионисийские принципы культуры всегда снижают явления чисто человеческой усталости, репродуцируя в функциональном состоянии более примитивные типы реакций, доставшихся от далеких предков.

В достаточно обширном арсенале этого типа культуры имеется немало способов индивидуального и группового вхождения в экстаз, приемов индуцирования элементарного гипноза и смежных видов измененных состояний психики. Интересно при этом, что намеренное вхождение в эти гипноидные состояния может достигаться прямо противоположными способами и условиями внешней среды.

Трансовое состояние очень легко наступает при отсутствии эмоциональных впечатлений, в тишине, которая, например, имеет место в пещере безмолвствующего аскета. Однако анало-

гичные изменения психики развиваются и при избытке двигательной и эмоциональной активности. В древности это были ритуальные боевые или сексуальные танцы, в наше время можно вспомнить о трансе молоканов-прыгунов, пятидесятников, многочасовые молитвы которых сопровождаются поднятием рук И уже совсем недавняя (1988 г) «находка» антикультуры – танцевальные марафоны с употреблением стимуляторов. Сюда же относятся не только поиски истины в наркотиках Т. Маккенны, начинания Т.Лири, пытавшегося организовать религиозный наркотический культ, но и музыкальные уловки группы «Пинк Флойд», пропагандирующей психоделическую музыку.

К вышеперечисленным гипногенным приемам апеллирует антикультура в эпоху расцвета рыночной экономики В литературе, театре и кино она беззастенчиво эксплуатирует порнографическую тематику, культ насилия. В музыке «дьявольский гипноз» вызывается соответствующими ритмами и децибелами, оупляющей монотонностью текста. К примеру, «песня», содержащая всего четыре слова: «Моя подружка душка, душка» с некоторыми интонационными вариациями звучит необычно долго. Примерно то же положение сложилось в живописи, скульптуре: излюбленная порнография, перемежается с насилием, шокированием зрителя скандальными мотивами.

Традиционной формой «дьявольского» гипноза в культуре является страх. Именно этот психический фактор используется для так называемого насильственного внушения, индоктринации. В поведенческом плане доминирование страха ведет к уменьшению количества принятий решений на основе ориентировочно-исследовательской деятельности, планирующей функции разума. Все большее значение в этой ситуации приобретают неконтролируемые импульсы агрессивности или пассивно-оборонительного рефлекса. И в том и в другом случае личность деградирует, ее содержание сужается до тотальной (активной или пассивной) враждебности к «Другому».

Важнейшая роль страха в жизни людей, как показал немецкий этолог И. Эйбл-Эйбесфельдт, сформировала у человеческих существ «незаурядный аппетит к восприятию переживания страха» и активный поиск ситуаций, способных удовлетворить это желание (27, с. 384). И это может быть не только желание сопереживания, как, например, при просмотре кинофильмов ужасов, но и стремление испытать его на самом деле. Потребность в страхе закрепляется на биохимическом уровне, многократная

же его стимуляция ведет к регрессии человека, его уходу к прежним эволюционным уровням поведения, потере контроля над поступками со стороны высших (человеческих) структур мозга. Согласно данным современных исследователей, вероятной причиной «патологической деструктивной агрессивности» является активация тех отделов мозга, которые достались нам от рептилий. И это может происходить под влиянием насильственного «дьявольского» внушения, индоктринации, или же после приема алкоголя (27, с. 158).

Таким образом, культура гипноза культуры (да простит мне уважаемый читатель невольный каламбур) сохраняется до тех пор, пока в ее акциях преобладают аполлоновские принципы, утверждающие гуманизм и примат разума. Именно в этом случае «Богом данная» гению гипнотическая одаренность выполняет огромную положительную роль, способствуя массовому распространению его неповторимых творений. Надо полагать, что именно в этом и заключается высший смысл гипноза культуры. В то же время, по своей терапевтической сути гуманистическая культура, как выраженное аполлоновское начало, не может существовать без своего антипода — дионисийского принципа. Следует лишь учитывать, что снижение качества последнего до уровня, за которым теряется уважение к жизни и человеку, превращает его в явление антикультуры. Последнее не только теряет важнейшую функцию терапевтического прикрытия, но нередко само становится прямым разрушающим началом, обладающим опаснейшей тенденцией к широкому распространению.

Литература

1. *Грицак Л.П.* Бодрствование как активная фаза гипноза // Прикладная психология. – 1998. – №5. – С. 87.
2. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. – М., 1998.
3. *Хеллер С., Стал Т.Л.* Монстры и волшебные палочки. Киев, 1995. – С. 40,42.
4. *Морган Т.* Экспериментальные основы эволюции. М, 1936.
5. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Основной инстинкт. М., 1997.
6. *Lamson Ch. I. Wilson E.Q.* Genes, Mind and Culture. The Coevolutionary Process. Harvard university Press, 1981. P. 3.
7. *Эйбл-Эйбесфельд И.* Биологические основы эстетики // Красота и мозг. М., 1995. С. 46.
8. *Грицак Л.П.* Гипноз искусства // Прикладная психология. 1999. № 6. С. 86.
9. *Гюйо Ж.-М.* Искусство с социологической точки зрения. СПб., 1900. С. 63.
10. *Weber M.* Economic et Societe. Eeon, Paris, 1971. P. 251.
11. *Московин С.* Век толп. М., 1996. С. 350.
12. *Белик А.А.* Культурология. М., 1999. С. 52.
13. *Грундер Д., Бэндлер Р.* Формирование трансa. М., 1994. С. 28.
14. *Roheim G.* Origin and Function of Kulture. N.Y., 1985. P. 81.
15. *Stinner W., Keller A.* The Science of Society. New Haven, 1927. P. 46-47.
16. *Stien H. F.* The Psychoantropology of American Culture. N.Y., 1985. P. 11, 14.
17. *la Basse W.* Social Cynposure and Social Structure // Personal Character and Social Mil-lieu. N.Y., 1956. P. 545.
18. *Маккенна Т.* Пища богов. М., 1995.
19. *Бестужев-Лада ???В.* Альтернативная цивилизация. М., 1998.
20. *Копытин А.И.* Основы арт-терапии. СПб., 1999. С. 3.
21. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1968. С. 312-313.
22. *Maslow A.* Motivation and Personality. N.Y., 1987. P. 137.
23. *Платон.* Сочинения в трех томах. М., 1968.
24. *Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики. – Евразия, 1997 – С.73,74
25. *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М., 1993.
26. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990. С. 154.
27. *Eibl-Eibesfeldt / Sutherlin Ch.* Fear, Defence and Agression in Animal and Man // Fear and Defence. Chur, 1990.

С.А.Кугель, И.Б.Олимпиева

Наука и рынок: адаптация ученых к новым экономическим условиям*

В данной статье делается попытка на примере научных организаций Санкт-Петербурга проследить изменения, происходящие в последние годы в российской науке под влиянием экономических перемен. В статье используются материалы социологических исследований, проведенных в Санкт-Петербурге в конце 90-х годов при участии авторов. При проведении исследований внимание фокусировалось на изменениях, которые произошли за годы реформ в научных организациях принадлежащих различным секторам науки – академическому, отраслевому и сектору высшего образования, а также на индивидуальных и коллективных стратегиях адаптации ученых к новым условиям.

Необходимость адаптации вызвана коренными изменениями модели организации и финансирования науки, ее связи с промышленностью. Советская модель науки отличалась строгой иерархичностью, централизацией и закрытостью. Она была хорошо интегрирована в плановую экономическую систему и милитаризирована. Финансирование науки осуществлялось прямо или косвенно из государственного бюджета. Даже те исследования, которые выполнялись по заказу промышленных предприятий, фактически финансировались из фондов соответствующих министерств. Для взаимодействия науки и производства была характерна «линейная модель», которая основывалась на

* Исследования проводились при финансовой поддержке РГНФ (грант № 00-03-18007) и Академии наук Финляндии.

концепции взаимосвязанной цепи: «фундаментальные исследования — прикладные исследования — разработки — производство — продажа».

Процессы трансформации научных организаций происходят на фоне глубоких институциональных изменений российской науки, которые активно дискутируются в науковедческой и социологической литературе и в прессе. В публикациях наука, как правило, предстает наиболее пострадавшей жертвой проводимых реформ, отмечается катастрофическое снижение имиджа науки, сокращение численности ученых и научных учреждений, дискутируется проблема внешней и внутренней «утечки умов», распад сферы исследований и разработок (см. например, Юревич А.В., Цапенко И.П. (1995); Голов А.; Савельева О.). Делается вывод об институциональном кризисе науки (Кугель С.А.; Косалс Л. и Рывкина Р.) и о деинституционализации Российской науки в целом (Рывкина Р.). Пессимистическая окраска дискуссии усиливается появляющимися в прессе сообщениями о забастовках и голодовках ученых в знак протеста против невыплат заработной платы (Богуславская О.; Засорин; Брацкий Д.; Бабкин В.), а также очевидным провалом всех попыток государства осуществить реформирование научной сферы (Josephson&Dezhina, 1998; Dezhina, 1998). С другой стороны имеются, хотя и в несравнимо меньшем количестве, публикации, в которых описанные изменения рассматриваются не как признак кризиса российской науки вообще, но как функциональный кризис социального института советской науки. Указывается, что отмирание таких основных функций советской науки, как поддержание оборонного комплекса и военного авторитета державы, борьба с «буржуазной идеологией» и «промывание мозгов», привела к возникновению «функционального вакуума», который в условиях падения производства превращает науку в «дорогостоящее бремя» для общества. В то же время миф о ненужности российской науки и ее неспособности адаптироваться к рынку опровергается многочисленными примерами продажи высокотехнологической, наукоемкой продукции за рубеж (Юревич А.В., Цапенко И.П., 1996, 2001).

Новые условия внешней среды вызвали в научных организациях ряд адаптационных изменений, характерных для всех секторов науки.

Для всех исследованных научных организаций характерно существенное **сокращение численности персонала**. Оценивая данный процесс, респонденты высказывались как «за», так и «против» этих изменений. Во всех научных учреждениях, независимо от их типа, респонденты отмечали значительное и ненужное перенасыщение кадрами, которое было характерно для дореформенного периода. В этом смысле сокращение активно приветствуется как освобождение науки от ненужного «балласта».

«Раньше сократишь, уволишь – а вдруг потребуется? Поэтому, ну, работает и работает человек. Но по существу, и это особенно сейчас стало ясно, половина была ненужной. Я думаю, что можно было делать те же самые работы вдвое меньшим количеством людей (отраслевой институт, руководитель лаборатории).

В качестве негативной стороны называется уход перспективных, молодых талантливых ученых в бизнес, либо их эмиграция за границу. Во всех обследованных организациях имеются научные подразделения, которые практически исчезли, и сохранение «научных направлений» в них держится буквально на нескольких специалистах.

«Понимаете, раньше, когда кто-то уходил на пенсию или умирал, то почти не чувствовалось бреши, потому, что было все постепенно – 60 лет, 50 лет, 40 лет, молодые специалисты. Один упал – второй подхватил. Сейчас ситуация такая, что если кто-то уже ушел на пенсию, за ним никого нет. И так по любому направлению. Остались такие «хранители истории», потенциала» (отраслевой институт, руководитель лаборатории).

При этом во всех институтах имеются подразделения, правда их значительно меньше, в которых изменения численности практически не произошло. Это наиболее успешные отделы и лаборатории, которым удается на фоне общего отсутствия заказов и финансирования обеспечить достаточный объем работ.

«...наш отдел мало сократился, почти не сократился. Теперь кроме алкоголиков никого не увольняем» (отраслевой институт, руководитель отдела).

Все респонденты отмечают существенное старение персонала – это общая болезненная ситуация во всех организациях. Привлечение и удержание молодежи, по общему признанию, одна из наиболее острых проблем, которую пытаются решить,

прежде всего, «по старинке» на уровне организации в целом. Предпринимаются попытки организации системы внутриинститутских грантов и конкурсов для молодых сотрудников. Но если организации в целом, как правило, бессильны решить проблему привлечения молодежи, то отдельным наиболее успешным лабораториям это удается.

«...у меня в лаборатории есть пример, вот есть молодой человек. Мы взяли его оттуда, откуда хотели. Со своей кафедры в Политехе. Мы даже заплатили деньги, как теперь платят за молодых специалистов. Мы очень довольны нашим молодым человеком, думаю, что он придет на мое место когда-нибудь» (отраслевой институт, руководитель лаборатории).

Но такая ситуация все же скорее исключение, чем правило. В большинстве случаев руководители лабораторий вынуждены расставаться с молодыми способными работниками, т.к. не в состоянии предложить им зарплаты сопоставимые с заработками в бизнесе.

Изменение состава подразделений также характерный процесс для всех научных организаций. Из-за сокращения или полного прекращения централизованного финансирования многие лаборатории и отделы, занимающиеся исключительно теоретическими или фундаментальными исследованиями, просто перестали существовать, либо приобрели новый статус в структуре организации. Практически во всех институтах происходит разукрупнение жизнеспособных отделов, выделение рабочих групп, специализирующихся на конкретных направлениях. Такая реорганизация вызвана необходимостью гибкого реагирования на изменения требований рынка.

«Было в лаборатории 34 человека. 5 кандидатов, 5 групп. Сегодня бороться с такой численностью за выживание тяжело. Мы разделились ...» (отраслевой институт, руководитель лаборатории).

Параллельно происходит объединение тех лабораторий и подразделений, которые не в состоянии самостоятельно адаптироваться к новой ситуации. Это типично, например, для теоретиков отраслевых институтов. В университетах идут аналогичные процессы реструктуризации, проявляющиеся в реорганизации «устаревших» кафедр, которые прежде держались за счет централизованной поддержки, появления новых подразделений и специализаций, отвечающих рыночному спросу.

С возрастанием экономической самостоятельности в структуре научных организаций появляются новые подразделения или группы, обслуживающие взаимодействие организации с другими субъектами рыночной среды. Поскольку в прежние времена институтами не было проблем в составлении портфеля заказов — они планировались централизованно — не было необходимости в структурах, занимающихся изучением спроса и предложения, либо способствующих поиску финансирования. Теперь потребность в таких подразделениях становится все более настоятельной. Во многих научных организациях появляются маркетинговые отделы, занимающиеся поиском заказов и реализацией научной продукции, или так называемые отделы взаимозачетов, занимающиеся в том числе, и бартерными операциями. В академических институтах делаются попытки создания подразделений, занимающихся поиском информации и оказанием помощи в написании заявок в различные фонды на получение финансирования исследований, и также создаются структуры, занимающиеся поиском заказчиков на имеющиеся практические разработки. В университетах активизируется деятельность по привлечению абитуриентов.

Меняется значение и статус отдельных подразделений внутри научных организаций. Научные организации всегда были внутренне неоднородны, однако в последние годы критерии высокого статуса и престижа научного подразделения внутри организации меняются. Это вызвано в первую очередь изменением соотношения значимости теоретических и практических работ, фундаментальных и прикладных исследований. Раньше благополучие подразделения, его престиж во многом определялись принадлежностью к «теоретической элите». Теперь позиция подразделения во внутриинститутской иерархии в большей степени определяется наличием полезных разработок, которые можно продать, возможностью выхода на конкретных заказчиков, организационными качествами руководителя. Усиливается внутренняя дифференциация, разрыв между благополучными и неблагополучными подразделениями.

«У нас есть в университете пятьдесят кафедр. Примерно четыре из них делают девяносто процентов всех научных работ» (университет, заведующий кафедрой).

Важная тенденция изменения внутренней структуры организаций — автономизация деятельности структурных подразделений и отдельных научных коллективов вплоть до выделения их в экономически самостоятельные организации.

Изменение содержания научной деятельности коснулось в наибольшей степени соотношения доли фундаментальных и прикладных исследований.

Таблица

Распределение ответов на вопрос, произошли ли за последние годы в РАН изменения в структуре научных исследований.

	%
Серьезных изменений не произошло	13,2
Усиливается ориентация на фундаментальные исследования	3,9
Не в ущерб фундаментальным усиливается прикладная направленность исследований	3,9
В ущерб фундаментальным усиливается прикладная направленность исследований	18,0
Ослабевает и фундаментальная и прикладная науки	59,4
Развиваются только прикладные исследования	0,8
Развиваются только разработки	0,8

Сегодня акцент переместился на проекты, имеющие прикладное значение. Многие направления научной деятельности не связаны с проблематикой, которой научные сотрудники занимались прежде. В университетах данная тенденция проявляется в разработке новых учебных курсов, порой в совершенно новых для преподавателя научных областях, для подготовки специалистов, востребованных рынком.

«Мы овладевали все новыми специальностями, новыми специализациями, т.е., мы сидим с 87 где-то года и овладеваем новыми предметными областями. Т.е., я никогда не занималась менеджментом, я освоила эти курсы. Я никогда не занималась организационным проектированием, я это освоила...» (университет, доцент).

Для ученых академических институтов — это освоение новых исследовательских «ниш», в отраслевых институтах — выполнение работ, с которыми никогда прежде не сталкивались.

Стратегии адаптации

Строго говоря, само понятие «стратегия» как некий осознанный набор ориентиров и целей, а также соответствующих им методов достижения, применимо лишь по отношению к успешным ученым, коллективам и организациям. В условиях нестабильности правил рыночного поведения и быстрых социальных изменений планирование перспективы уже означает определенную степень адаптации ученых и научных коллективов к новой ситуации. Для большинства же сотрудников научных организаций более уместно говорить о тактиках приспособления к постоянно меняющимся условиям, о попытках выжить здесь и сейчас, не планируя даже свое ближайшее будущее. Поэтому, используя понятие «стратегии адаптации», мы в данной статье рассматриваем в первую очередь экономическое выживание ученых и научных организаций, поиск источников финансирования научной деятельности и средств существования.

Индивидуальные стратегии адаптации ученых практически во всех научных организациях, независимо от их типов и форм собственности, характеризуется возрастанием интенсивности поиска финансовых источников, расширением списка видов деятельности. Множественная занятость стала неотъемлемой чертой научной сферы. Согласно статистическим данным, каждый второй научный работник в 1997 году имел дополнительную работу, что более чем в три раза превышает аналогичные показатели в других секторах экономики¹. В наших исследованиях более 80% респондентов имели дополнительные заработки (не считая пенсий), в т.ч. у 60% дополнительные доходы составляют половину и более всех доходов, а у 22% дополнительные доходы больше официальной зарплаты.

В индивидуальных стратегиях научные работники используют самые разные комбинации видов деятельности. Это могут быть как относительно стабильные совместительства внутри и

¹ Russian Economy in 1997: Trends and Perspectives. Institute For the Economy in Transition, Moscow, 1998, P. 133.

вне научных организаций, так и эпизодические приработки. Дополнительная занятость может быть связана с основной научной деятельностью, может локализоваться в смежных научных отраслях, а может и вовсе не иметь ничего общего с научной сферой. При этом основная научная работа может оставаться доминирующим источником дохода, а может уходить на задний план, превращаясь в частично оплачиваемое «хобби». Подобная мозаичная картина занятости, характерная для работников всех секторов науки, делает невозможным описание ситуации через некие более-менее типичные строгие модели индивидуальных стратегий, тем более дать статистическую оценку степени их распространенности. Тем не менее, общим критерием типологизации индивидуальных экономических стратегий ученых может служить ответ на вопрос, в какой степени используется для выживания в нынешних условиях индивидуальный научный потенциал, насколько эффективно эксплуатируются научные заделы и наработки, а также имеющиеся знания и опыт.

Среди индивидуальных практик, основанных на использовании учеными своего научного потенциала, можно назвать следующие:

– Получение грантов на поддержание исследований от российских и международных фондов.

Гранты от международных фондов получают относительно немногие наиболее квалифицированные и в основном молодые исследователи, имеющие международный опыт, знающие иностранные языки. Размеры грантов российских фондов мало сравнимы с международными. Тем не менее, большинство наших респондентов из академических вузов рассматривают создание внебюджетных научных фондов как довольно успешную инновацию. Однако лишь 20% считают, что это изменение осуществлено «достаточно полно», 58,8% считают, что эта инновация удалась лишь «частично». Кроме того, процедура конкурса вызывает недоверие со стороны многих ученых. В интервью нередко высказывания по поводу ангажированности экспертов, несправедливости присуждения грантов, которые распределяются, по мнению респондентов, в соответствии со статусом руководителей проектов и неформальных отношений с фондами.

«Теперь насчет финансирования, мое личное мнение по поводу РФФИ. Значит, я не знаю, как обстоят дела по другим наукам, но мое твердое убеждение, что по <название научной отрасли>, я не знаю, каким красивым словом это назвать, ну, раньше это называли блат... Но, я еще раз говорю, во-первых,

это мое личное мнение, а во-вторых, может быть это не по всем наукам, может это по нашей» (академический институт, ведущий научный сотрудник).

Обе категории грантов имеют отношение, прежде всего, к институтам Академии наук. В ответе на вопрос «Каковы в настоящее время источники финансирования вашего подразделения?», который задавался ученым академических институтов, 47% ответили, что ими являются гранты, в том числе 32,1% отечественные. В ряде случаев в качестве грантов поступает больше средств, чем за счет бюджетного финансирования, и в несколько раз больше, чем за счет договорных тем и продажи интеллектуальной собственности.

— Поездки за рубеж — стажировки, временные контракты, конференции, чтение лекций, участие в семинарах и прочих научных мероприятиях.

Доходы, получаемые во время таких поездок, ослабляют, иногда весьма существенно, финансовый «прессинг» и дают возможность заниматься исключительно своим профессиональным делом. Более мобильны при этом молодые ученые. Они, как правило, лучше знают иностранные языки и обладают большей профессиональной гибкостью. Кроме того, российские и международные фонды часто предоставляют молодежи определенные преимущества и возрастные льготы.

— Участие в совместных исследованиях и проектах с западными партнерами. В таких проектах редко принимают участие ученые из отраслевых институтов, хотя в нашем исследовании имеются примеры такого сотрудничества.

— Участие в прикладных исследованиях для российских и зарубежных заказчиков, что является основным для ученых из отраслевых институтов.

К данной группе практик следует отнести и работы консультационного характера, которые реализуются на основе межличностных контактов в индивидуальном порядке.

— Гонорарные научные публикации, написание учебных пособий. Этот вид деятельности характерен в основном для сотрудников университетов и только в некоторых отраслях знания.

Сравнительно немногие наиболее квалифицированные и мобильные ученые достаточно зарабатывают, используя исключительно вышеназванные практики, эффективно используя имеющийся научный потенциал. Абсолютное большинство занятых в науке формирует стратегии выживания при помощи сочетания работы в рамках своей специальности с другими видами деятельно-

сти. Распространенность такого совмещения характерна для всех научных организаций, хотя источники дополнительного дохода имеют некоторую специфику в разных секторах науки.

– Организация собственного бизнеса, что было особенно эффективно в начале реформ, когда многие занялись предпринимательской деятельностью.

В случае сочетания научной деятельности с занятиями бизнесом основной доход получается за счет бизнеса, а научная деятельность превращается в нечто вроде хобби, работу «для души». Сложно анализировать исходя лишь из имеющегося материала степень вынужденности занятия бизнесом параллельно основной научной деятельности. В нашем исследовании интервью-партнеры, имеющие собственный бизнес – это, как правило, активные творческие личности, которые получают удовлетворение от освоения новых видов деятельности. Они одинаково ценят как занятие бизнесом, так и научную деятельность. Кроме того, доход, получаемый от параллельного бизнеса, по выражению одного из информантов «не те деньги», а бизнес не того масштаба и не столь перспективен, чтобы ради него бросать интересную научную работу. Бизнес выступает в качестве более-менее стабильной финансовой подпитки, позволяющей «не думать о деньгах». По оценке информантов, все, кто занялся серьезно бизнесом ушли из науки примерно в начале-середине 90-х.

«Надо сказать, что в последние годы отток, чисто, вот я знаю, экономический, у нас резко сократился. Т.е., основной пик ухода преподавателей приходился на первую половину 90-х годов. Т.е., условно говоря, те, кто хотел уйти, полностью порвать с этой деятельностью, они уже ушли...во все формы зарабатывания денег. Я бы так сказал, именно уход в бизнес требовал разрыва» (университет, заведующий кафедрой).

– Преподавательская деятельность в высших учебных заведениях в своей или новой востребованной области, вплоть до полного перехода в эти новые области.

Для многих работников академических и отраслевых институтов это «уход в преподавание». Речь идет не об «эпизодическом» преподавании, которое имело и раньше и рассматривалось как необходимый фактор профессионального роста в рамках своей научной области, а о превращении преподавания в основной вид деятельности. Для преподавателей университетов – это освоение новых предметных областей, порой не имеющих ничего общего с прежней специализацией.

– В отдельную группу практик параллельной работы можно выделить преподавание в школах и репетиторство. В отличие от преподавания в университетах этот вид деятельности не требует столь высокого уровня научной квалификации.

– Параллельная занятость на наемной работе в других организациях, частном бизнесе при сохранении занятости на основной работе в научной организации.

Такое сочетание видов деятельности является наиболее распространенным способом адаптации к новой ситуации.

«Ну, вот, я могу вам сказать, кем я пыталась работать. Я закончила бухгалтерские курсы. Правда, вот такие паршивые, двухмесячные что ли... Я работала даже в какой-то фирме, и, в общем, мне даже эта работа очень помогла, потому, что это был 92-й год, очень тяжелый, а там платили деньги... Ну, потом я пыталась косметику продавать в «Орифлейме», но тоже у меня это получилось неудачно. Так что если бы у меня эти попытки получились удачными, я бы и совсем ушла из института и занималась бы совсем другими вещами. Ну, чем занимались другие, я могу сказать. Преподавали, где-то кто-то писал программы... Уборщицами – не знаю, работали ли... Да самые разнообразные были работы. Кто-то деревья валил на кладбище, кто-то в банке подрабатывал...» (академический институт, заведующая лабораторией).

Коллективные стратегии адаптации. Важнейшим объективным условием адаптации отдельных научных подразделений является характер деятельности, а именно, насколько направление научной деятельности востребовано рынком. В более выгодном положении оказались коллективы, которые и прежде существовали по принципу самокупаемости. Такие подразделения стремятся к экономической независимости от научной организации. Эти тенденции особенно характерны для отраслевых институтов, работникам которых есть что предложить на рынке научно-технической продукции. Однако, и в университетах, и в академических институтах также проявляются тенденции усиления экономической самостоятельности успешных кафедр, факультетов, отделов.

Для руководителей организаций в целом типична ориентация на сохранение организации в прежнем виде как крупных конгломератов научных коллективов. Стремление сохранить целостность научной организации вопреки воздействию внешних условий особенно ярко проявляется в стратегиях отраслевых

институтов. Логика новой экономической среды требует реорганизации отраслевых институтов в организации по типу холдинговых компаний. Это позволило бы освободиться от неэффективного персонала и сохранить наиболее жизнеспособные лаборатории. В действительности подавляющее число отраслевых институтов (в нашем исследовании – все) отказываются от идеи создания холдинга, заменяя ее различными системами экономической самостоятельности. Объясняется такая позиция стремлением «сохранить институт как научный центр», «ответственностью перед людьми, которые проработали здесь многие годы», боязнью, что «лишь единицы сумеют выжить в жестких условиях рынка».

«Мы хотели сделать вместо «название института» холдинг. Создать несколько компаний... Но это приведет к тому, что мы закроем очень много подразделений. Потому, что таких отделов у нас немного. Это у меня буквально наберется 5-6 подразделений, которые могли бы вот так самостоятельно работать» (отраслевой институт, заместитель директора по науке).

Сохранению организации в прежнем виде соответствует стремление, характерное практически для всех научных учреждений, сохранить научную тематику в прежней широте, несмотря на существенное сокращение кадров и «оголение» научных направлений.

«...численность сократилась в институте в два раза, а направления остались, фактически, те же, т.е. профиль института несколько не пострадал. Несмотря на невероятные усилия, мы сохранили и фундаментальные направления исследований, и какие-то практические дела...» (академический институт, ученый секретарь).

Такая стратегия оказывалась экономически оправданной лишь в тех исключительных случаях, когда институту или университету удавалось найти какую-либо финансовую подпитку извне. Ориентация на сохранение прежней структуры и прежних направлений деятельности предопределяет и «прежние» стратегии выживания научной организации, попытки получить от государства тем или иным способом гарантированное финансирование (создание ГНЦ, получение статуса учебного заведения с приоритетным финансированием и т.п.).

Другим следствием ориентации на сохранение институтов в прежнем виде является отсутствие в большинстве обследованных организаций целенаправленной кадровой политики и страте-

гии освобождения от «балласта» (непродуктивных сотрудников). Типичное высказывание информантов на этот счет: «Никто никого не увольнял, люди сами ушли». Да и структура большинства научных организаций за последние годы менялась сама собой под влиянием внешних условий, а не являлась следствием реализации какой-либо перспективной стратегии по реорганизации научных подразделений.

Распространенной практикой является создание при институтах структурных образований, обладающих той или иной степенью формальной экономической независимости от «материнской» организации. По данным нашего исследования создание таких малых предприятий при научных организациях наиболее развиты в институтах естественнонаучного и технического профиля – в физике (в Санкт-Петербурге в одном из крупнейших институтов), химии, биологии, практически во всех отраслевых институтах и многих университетах. В нашем исследовании мы встречали такие малые предприятия, как «центры научно-технических услуг», «научно-внедренческие центры, «инновационные центры», «высшие школы» и т.д. Все эти структуры пользуются имиджем научной организации, при которой они созданы. Многие используют имя «материнской организации» в своем названии. Официальной целью создания таких структур является «улучшение процессов взаимодействия с заказчиками», «доведение научных разработок до реального практического выхода», «освоение новой рыночной ниши» и т.п. И, судя по полученной информации, эти организации действительно выполняют возложенные на них «явные» функции. Они более гибко реагируют на запросы рынка, в них концентрируется лучший кадровый потенциал научных организаций, для выполнения запросов рынка используются передовые методы и технологии.

В течение 90-х годов произошла известная трансформация малых предприятий в сфере науки. В одних случаях в направлении сближения тематики разработок с основной научной деятельностью, в других – уменьшение доли инновационного бизнеса и увеличение внеаучной производственной, медицинской и другой деятельности с коммерческим эффектом. Во многих случаях используются разработки прежних лет и модифицируются зарубежные аналоги. Выявилась такая функция МП как база проведения крупных научно-технических и инновационных программ.

Латентной функцией описанных структурных единиц, которая играет на самом деле не последнюю роль в нынешних экономических условиях, является создание независимого канала поступления финансовых средств за выполненные работы. Выполнение работ через такие структуры дает возможность научным организациям существенно экономить на накладных расходах, что является важной финансовой поддержкой для институтов, помогая решать проблемы, связанные порой буквально с их выживанием и поддерживать материальное положение научных сотрудников.

«И поэтому этот инновационный центр, конечно, путем проб и ошибок, но вот уже прошлый год существования очень помог институту. За счет инновационного центра ездили в командировки, за счет инновационного центра в критические моменты, когда на счету ни копейки денег не было, и вообще, там все почти что в арестах, платили какие-то коммунальные платежи. Сколько раз приезжали «закрывать» воду, закрывать газ, свет — мы не платим — они проплачивали. Да, телефоны на них так и числятся, они его оплачивают» (академический институт, заместитель заведующего лабораторией).

«Первоначально это создавалось просто как некая альтернатива институту, маленькая альтернатива институту, направленная только для того, чтобы повысить зарплату отдельных работников. Некоторые работы, которые делал институт, перебрались на кооператив «Центр научно-технических услуг». Создавалась группа, коллектив из нескольких человек, которые эти работы выполняли, но в связи с тем, что накладные расходы существенно меньше, зарплата их была существенно больше» (отраслевой институт, директор Центра научно-технических услуг).

Отсутствие или недостаток централизованного финансирования заставляет руководство научных организаций заниматься поиском разнообразных финансовых источников. Иногда способом мобилизации внутренних финансовых ресурсов выступает ужесточения внутриинститутской централизации, когда полученные сотрудниками гранты, как коллективные, так и индивидуальные, поступают в полном объеме в централизованный институтский фонд, а затем перераспределяются руководством института между всеми сотрудниками в виде надбавки к основному окладу.

«У нас есть некая политика у дирекции,... вот я имел грант, я со своих грантов ничего не имел (пауза) в том смысле, что я могу тратить какие-то деньги. Все деньги забирал директор.

И расходовал на институт, т.е. я что-то имел из этих денег, но каким-то вот таким, очень хитрым путем, и директор решал, кому деньги из моего гранта дать, мне или другой лаборатории» (академический институт, ведущий научный сотрудник).

Широко распространенным способом выживания научных организаций является сдача в аренду помещений, которая практикуется во всех исследуемых институтах и университетах.

«У нас единственный более-менее устойчивый доход в области коммерции – это сдача в аренду своих помещений. Я могу привести пример, когда часть наших помещений, хороших помещений, была сдана в аренду некоей компьютерной фирме «название фирмы». Из этих средств мы могли покупать компьютеры и т.д.» (академический институт, старший научный сотрудник).

В институтах, которые имеют большой излишек площадей, образовавшийся в результате значительного сокращения численности и свертывания объемов работ, сдача в аренду помещений превращается в серьезный бизнес, требующий привлечения специального персонала для организации этой деятельности.

Другой общей для всех организаций стратегией является ориентация на усиление экономической самостоятельности подразделений с одновременным усилением их экономической ответственности перед «центром». Проблема содержания колоссальных площадей и оборудования часто решается путем разделения ответственности за их содержание между подразделениями.

Результаты проведенного исследования позволяют говорить о доминировании в целом индивидуальных экономических стратегий над групповыми. Отсутствие целенаправленной политики руководства институтов с одной стороны, и активизация индивидуальных стратегий с другой, приводит к тому, что изменения иницируются в основном «снизу» – руководство институтов реагирует на уже сами собой сложившиеся факты.

Исследование позволило обнаружить некоторые общие тенденции в процессах трансформации научных организаций, несмотря на то, что по своему формальному статусу они продолжают относиться к разным секторам науки. Сегодня сложно говорить, например, о большей или меньшей успешности адаптации ученых академических институтов по сравнению с отраслевыми институтами, или одной отрасли науки в целом по

сравнению с другой. В любой научной области можно найти примеры как продуктивных, так и непродуктивных научных групп и индивидуальных ученых. Этот факт четко прослеживался в исследованных нами организациях, где различия в успешности весьма существенны даже среди ученых одной и той же специализации. Уровень успешности сегодня определяется в большей степени способностью найти востребованную научную и практическую «нишу», а также умением предложить имеющиеся разработки на рынке научно-технической продукции.

Ситуация в организациях, принадлежащих различным секторам науки, различается не так сильно, как об этом принято думать. Можно отметить меньшую гибкость институтов академического сектора по сравнению с другими секторами науки, что объясняется сложностью преодоления ими инерции длительного существования за счет государственного финансирования. При этом ситуация в различных академических институтах также весьма неоднородна.

Мы не обнаружили какого-либо однозначного, универсального воздействия тех или иных форм собственности на происходящие изменения. Процессы трансформации научных организаций, превратившихся из государственных учреждений в акционерные общества, во многом идентичны происходящим в организациях, сохранивших прежний экономический статус. Институты с различными формами собственности испытывают практически одни и те же проблемы и сложности. Было бы слишком категорично утверждать, что указанные характеристики не оказывают абсолютно никакого влияния на различия в нынешнем состоянии и процессах трансформации научных учреждений, однако совершенно очевидно, что не они в условиях нынешней ситуации являются решающими. На процессах трансформации сказываются, прежде всего, особенности экономической среды, которые являются общими для всех научных организаций, что и предопределяет схожесть происходящих в них трансформационных процессов.

Материалы исследования подтвердили гипотезу, что академическое сообщество в той или иной мере адаптировалось к новым условиям работы в науке в том числе, согласно самооценкам, 14,5 % – «хорошо»; 53,4% – «средне». Больше всего «хорошо» адаптированных в возрастной когорте 33-х летних

(42,9%). Меньше всего «хорошо» адаптированных среди научных работников в возрасте более 60 лет. В целом подтвердилась и гипотеза о том, что лучше всего адаптировались наиболее активные научные работники. По данным опроса 90% адаптировавшихся считают, что их положение зависит в большей степени от собственных усилий, чем от внешних обстоятельств. Оптимизм внушает также и тот факт, что большинство респондентов выразили уверенность, что кризис в науке в целом миновал.

Библиография

1. *Бабкин В.* Похороны российской науки // Независимая газета, 25.07.97.
2. *Богуславская О.* В беднежи профессор и студент // Труд. 08.07.93.
3. *Брацкий Д.* Финансовые проблемы толкнули ученого на самоубийство // Сегодня. 01.11.96.
4. *Голов А.* Наука и научные работники в сегодняшней России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1996, №1.
5. *Засорин О.* Это забытое слово «зарплата» // Смена. 19.12.96.
6. *Косалс Л., Рывкина Р.* Социология перехода к рынку в России. М.: Эдиториал УРСС. 1998.
7. *Кугель С.* (ред). Институциональные изменения в российской науке: организационные и социологические аспекты. СПб, 1997.
8. *Рывкина Р.* Куда приведет деинституционализация науки в России // Проблемы деятельности ученых и научных коллективов. 2000. Вып. XV. С. 67-72.
9. *Савельева О.* Имидж науки // Вестник РАН, 1998. Т. 68. № 6. С. 535-538.
10. *Юревич А., Цапенко И.* Наука «убывающая» // Мировая экономика и международные отношения. 1995. №2. С. 37-45
11. *Юревич А., Цапенко И.* Мифы о науке // Вопросы философии, 1996. № 5.
12. *Юревич А., Цапенко И.* Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2001.
13. *Юсупов Р.М.* Наука, образование и проблемы национальной безопасности // Проблемы деятельности ученых и научных коллективов, 2000. Вып. XV. С. 14-25.
14. *Dezhina, I.* Situation in Research and Development. – Russian Economy in 1997: Trends and Perspectives. Moscow: Institute for the Economy in Transition. P. 132-145.
15. *Josephson, P., Dezhina, I.* The Slow Pace of Reform of Fundamental Science in Russia and Ukraine // Problems of Post-Communism, September / October 1998. P. 48-62.
16. *Meske, W.* Institutional Transformation of S&T Systems in the European Economies in Transition. Discussion paper, Berlin.

А.В.Юревич

Функциональный кризис российской науки*

К основным симптомам кризиса современной российской науки обычно относят резкое ухудшение ее материально-технической базы и информационного обеспечения, стремительное снижение численности ученых, прогрессирующую утечку умов — внешнюю (за рубеж) и внутреннюю (в другие сферы деятельности), снижение результативности исследований, падение престижа научного труда, тяжелое психологическое состояние ученых и т. п. А корень всех ее многочисленных бед обычно видится в убогом финансировании. Денег на науку нет и быть не может, ведь те, кто богат, не вкладывают деньги в науку и производство, а переводят их за рубеж или тратят на предметы роскоши. В результате российская наука по-прежнему почти фатально зависима от государственного бюджета. Казна же постоянно пуста, поскольку мало кто платит налоги, а главные источники сырья — основа ее наполнения в советские годы — приватизированы и теперь плодоносят не в государственный, а в частные карманы.

Все эти довольно часто встречающиеся рассуждения, конечно, верны, но выражают довольно поверхностные причины кризиса российской науки. *В основе происходящего с ней лежат более глубокие причины — в первую очередь, серьезный функциональный кризис, переживаемый как ею, так и всей мировой наукой.*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Проект № 00-06-80124) и Российского гуманитарного научного фонда (Проекта № 99-03-19807).

1. Наука в отставке

Любой отечественный ученый, сумевший побывать за рубежом, наверняка заметил, что и там, вопреки распространенным у нас мифам о процветании зарубежной науки, с наукой не все благополучно. Свертываются эпохальные научные проекты, сокращается финансирование фундаментальных исследований, и только то, что обещает быстрый эффект и хорошую прибыль, в первую очередь различные компьютерные разработки, получает солидную финансовую поддержку. Фундаментальная же наука переживает трудные времена, что обусловлено не бедностью государства или скупостью предпринимателей, а ее *функциональным кризисом*.

Уловить основные симптомы этого кризиса можно, рассмотрев науку в рамках широко распространенного в социальных науках функционального подхода — как социальную систему, выполняющие определенные функции. Основные функции науки принято разделять на когнитивные и социальные, причем *если для самой науки существеннее ее когнитивные функции, то общество ценит науку главным образом за выполнение ею социальных функций*. Главной функцией науки традиционно считается производство нового знания, обладающего как когнитивной, так и практической ценностью — позволяющего понять мир (что ценно само по себе), а также желаемым образом на него воздействовать. При этом фундаментальное научное знание служит основой прикладного знания, которое в свою очередь является базой разработок, позволяющих получить прибыль.

Именно здесь — в сердцевине сплетения функций науки — возникает первая трещина. Несмотря на некоторое соответствие действительности истматовской метафоры о ее превращении в непосредственную производительную силу, давно подмечено, что фундаментальная наука накапливает свое знание быстрее, чем прикладная наука превращает его в практически полезное, прибыльное знание, в результате чего накапливается некоторый избыток фундаментального знания, которое прикладная наука не успевает переработать. Поэтому общество стремится как бы «приостановить» фундаментальную науку, пока произведенное ею знание будет утилитаризировано. И время научных открытий сменяется временем использования плодов этих открытий, когда науке дается временная отставка.

Естественно, это возможно только в условиях расхождения двух функций науки – познавательной и практической, на которые расщепляется функция производства нового знания. Фундаментальная наука продолжает выполнять познавательную функцию, однако на пути выполнения ею практической функции стоит описанное «затоваривание».

В условиях подобного расхождения решающее значение имеет доминирующий социально-психологический настрой общества, определяющий, что для него важнее – познавательная или практическая функция науки, и соответственно стоит ли наука, исправно выполняющая, хотя и не по своей вине, только первую функцию, того, чтобы на нее тратить большие деньги. Современному обществу свойственна не столько потребительская, сколько «здесь и теперь – психология», характеризующаяся преобладанием прагматических ориентаций, быстро осуществимых намерений и соответствующих ценностей. Современный человек не любит ждать и видеть свои деньги истраченными на то, что начнет давать осязаемый результат в необозримом будущем. Такие соблазны как полеты на Марс или контакты с другими цивилизациями, будоражившие воображение предшествующего поколения, его мало возбуждают, и он скептически относится к различным «прыжкам в грядущие века» и «открытиям, опередившим свое время».

Переключение воображения человечества с будущего на настоящее имеет для науки важные последствия. И дело не только в том, что она метафорически характеризуется как «окно в будущее», которое при всеобщей поглощенности настоящим оказывается не особенно нужным. Как писал Ф. Поллак, на протяжении всей истории развитие цивилизации стимулировалось и направлялось образами будущего, которые создавали наиболее одаренные и талантливые члены общества. Развивая эту мысль, Е. Торранс на основе анализа исторических сюжетов показал, что, во-первых, расцвет науки и культуры всегда происходил на фоне ярких образов будущего, во-вторых, потенциальная сила той или иной культуры пропорциональна отчетливости и энергичности этих образов. В результате их потускнение, вытеснение массовой устремленности в будущее «здесь и теперь – психологией» означает разрушение очень важной предпосылки развития науки.

Одним из проявлений подобной психологии, оказывающим особо заметное влияние на судьбу науки, является глобальная мистификация массового сознания, находящая выражение в та-

ких явлениях как повышенный интерес к оккультным феноменам, широкая популярность колдунов, гадалок, хиромантов, экстрасенсов и т. п. Подобное состояние общества часто и совершенно неадекватно воспринимается как порождение современной российской действительности, где все основные симптомы массового помешательства традиционно проявляются с особой остротой. Однако в действительности бум мистицизма является лишь дошедшей до нас с Запада волной, на пути которой прежде стояли твердый материализм отечественного обывателя и бдительность советских идеологов. В конце 70-х годов известный канадский физик К. Саган, автор одного из публицистических бестселлеров «Драконы Рая» писал, что на Западе (но не на Востоке) наблюдается возрождающийся интерес к туманным, анекдотичным, а иногда и подчеркнуто ложным доктринам, которые, если бы были правдивыми, создали бы более интересную картину вселенной, но, будучи ложными, выражают интеллектуальную неаккуратность, отсутствие здравого смысла и траты энергии в ненужных направлениях. Образцы подобных доктрин, перечисляемые К. Саганом: астрология, учение об аурах, парапсихология, мистицизм и т. д. По его мнению, их популярность выражает активность наиболее примитивных — лимбических — структур мозга, нашедшую выражение в «стремлении заменить эксперименты желаниями». В конце же 80-х годов, например, на родине Силиконовой долины — в штате Калифорния — профессиональных астрологов насчитывалось больше, чем профессиональных физиков. А сейчас материалы, посвященные науке, регулярно печатают менее 10 % американских газет, в то время как, скажем, астрологические прогнозы — более 90 %.

Связь тотального мистицизма со «здесь и теперь — психологией» достаточно прямолинейна. Человеку свойственно желать чудес — и не только потому, что материализм для многих скучен и в качестве постоянного мировоззрения надоедает, но и в силу более фундаментальных свойств человеческой природы, которые можно найти и у австралийского аборигена, и у строителя коммунизма, и у представителя современного западного общества. В весьма потребной функции создателя чудес довольно долго выступала наука, потрясая воображение обывателя умопомрачительными открытиями и фантастическими возможностями. Однако она обманула и разочаровала его. Научно-фантастические романы, которые у целого поколения в не меньшей степени, чем учебники физики, формировали взгляд на мир, предре-

кали полеты в глубины галактики, смешанные браки с инопланетянами, превращение антрополоподобных роботов в предмет домашней утвари уже в восьмидесятые-девяностые годы, в худшем случае — в начале следующего века. Следующий век наступает, а на Марс на такси не съездишь, да и вообще, как свидетельствуют пробы грунта, там нет ничего интересного.

Обыватель не прощает таких разочарований и в поисках чуда обращает свой взор от науки к, казалось бы, давно побежденным ею магии и астрологии, обещающим свои чудеса «здесь и теперь» и не требующим долгих ожиданий. В результате наука лишается весьма важной для обывателя «чудотворческой» функции и начинает утрачивать еще более важную *мировоззренческую* функцию, которую она давно и, казалось, навсегда перехватила у религии, определяя представления массового сознания о том, как устроен мир.

Надо заметить, что, как это не парадоксально, сама наука во многом содействовала порождению идей и настроений, на почве которых расцвел современный мистицизм. Она породила *гипотезы* — о существовании биополей, возможности экстрасенсорного восприятия, влиянии космоса на организм человека и т. п., которые активно эксплуатируются магами и экстрасенсами в качестве *объяснительных принципов*. Она подала им пример социальной организации: в процессе происходящей сейчас *институционализации* сообщества магов и колдунов, они моделируют организацию научного сообщества, создавая институты и академии (здесь трудно не вспомнить НИИЧАВО — Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства, прозорливо описанный братьями Стругацкими в романе «Понедельник начинается в субботу»), присуждая себе ученые степени магистров белой и черной магии или профессоров парапсихологии. И, наконец, именно наука своими открытиями, не раз разрушавшими привычное мировосприятие, внушила массовому сознанию, что в принципе *все возможно* — даже то, что сейчас кажется абсолютно нереальным.

Другая важная причина функционального кризиса науки состоит в ослаблении ее некогда очень важной и самой «агрессивной» функции. Наука всегда верой и правдой служила военной промышленности, и остановка гонки вооружений во многом оставила ее не у дел. Если учесть, что почти любая оборонная разработка тянула за собой длинный шлейф спин-эффектов — побочных открытий и изобретений, а также открытий и изоб-

ретений, применимых не только при производстве оружия, но и в мирной жизни¹, то нетрудно себе представить, какой урон сворачивание оборонных исследований нанесло «мирной» науке. Впрочем, как не бывает худа без добра, так не бывает и добра без худа ...

Кризис науки порождается и отношением к ней, которое с наибольшей рельефностью проявляется в экологистском сознании, хотя в той или иной мере представлено и в современном массовом сознании вообще. Несмотря на внешнюю прагматичность экологистского сознания, его отношение к науке вполне прагматично и вписывается в традиционную экономическую формулу, соотносящую затраты и результаты. На одну чашу весов кладут достижения науки и то хорошее, что она дает, отдавая должное ее познавательным и практическим возможностям, на другую — средства, которые тратятся на науку, и устрашающие экологические последствия научно-технического прогресса. Естественно, когда на «плохую» чашу весов научные исследования кладутся облипшими тем, что к ним не относится — безответственностью политиков или меркантильностью бизнесменов, использующих научное знание не так, как хотелось бы ученым, она без труда перевешивает. Подобный способ «взвешивания» науки передается массовому сознанию, весьма расположенному традициями западного общества к оценке любой социальной структуры на основе соотнесения затрат и результатов. При этом сама постановка вопроса, обычно сводимая к форме «Что для Вас важнее — полеты на Марс или здоровье Ваших детей?», оставляет науке мало шансов.

И, наконец, хотя это и весьма спорно, многие аналитики отмечают в западном обществе постепенное разрушение традиционных — протестантских — ценностей. Если это действительно так, то наука утрачивает одну из главных основ своего существования, ибо именно протестантская этика и соответствующая массовая психология явились одной из главных предпосылок формирования и успешного развития науки Нового Времени.

Функциональный кризис науки вживляет в массовое сознание ее образ как дорогостоящей и небезопасной социальной структуры, сулящей весьма призрачные и отдаленные во времени выгоды, и в демократических странах, где именно носитель этого массового сознания, являющийся типовым избирателем и налогоплательщиком, определяет основную траекторию развития науки, неизбежно оборачивается сворачиванием ее социального престижа и финансирования. Можно предположить, что

в этих условиях все еще впечатляющее финансирование фундаментальных научных исследований в развитых странах (2-4 % ВВП) осуществляется скорее по инерции, будет сокращаться, и, что особенно печально для нас, зарубежные научные фонды, сейчас оказывающие весьма ощутимую поддержку российской науке, вскоре будут вынуждены переключить свои усилия на спасение науки в собственных странах.

Уже хотя бы в силу последнего обстоятельства функциональный кризис мировой науки проецируется и на российскую науку, открывая перед ней весьма тревожные перспективы. Но этим ее проблемы не исчерпываются, *она переживает двоякий функциональный кризис: и в качестве составляющей мировой науки, и в качестве субструктуры российского общества.*

2. Функциональный вакуум

Обращаясь к рассмотрению второй слагаемой функционального кризиса российской науки, следует сформулировать предварительное утверждение о том, что *в любом обществе наука выполняет когнитивные и социальные функции, и, если ее когнитивные функции достаточно универсальны, то социальные достаточно вариативны и зависят от особенностей общества.*

Когнитивные функции отечественной науки были теми же, что и в других странах: состояли в производстве нового знания, объяснении мира и т. д., хотя ее социальный контекст подчас порождал специфические когнитивные образования вроде научного коммунизма или теории Лысенко. А вот ее социальные функции были весьма специфичны и выражали особенности советского общества. Принято считать, что основная социальная функция естественной науки в советском обществе состояла в укреплении оборонной мощи государства, а общественной науки – в «промывании мозгов» и укреплении господствовавшей идеологии. Можно добавить и еще одну – «престижную» функцию: наука позволяла запускать спутники и тем самым использовалась для демонстрации успехов советского государства, преимуществ социализма и т. п., удовлетворяя весьма характерное для советских людей желание быть впереди планеты всей.

Естественно, эти функции науки носили *макросоциальный характер*, далеко не всегда трансформируясь в соответствующие мотивы ученых и определенное содержание конкретных научных исследований. Отнюдь не каждый советский естествоиспытатель думал об укреплении оборонной мощи государства, рав-

но как далеко не всякий советский обществовед преследовал идеологические цели. Но наука как социальный институт пользовалась поддержкой властей предрержащих и щедро финансировалась (в советские годы на нее выделялось до 5-7 % ВВП) главным образом благодаря выполнению ею именно этих функций, жизненно важных для советской системы. И вполне закономерно, что, как отмечают историки науки, практически любое естественнонаучное исследование имело если не прямое, то, как минимум косвенное отношение к военным целям, а любая работа в области общественных наук – идеологическую подоплеку, пусть во многом ритуальную – в виде ссылок на работы классиков марксизма и (или) решения партийных съездов, но необходимую.

Изменения, произошедшие в нашем обществе, сделали все три основные социальные функции отечественной науки не востребованными, поскольку на смену гонке вооружений пришла гонка разоружений, общегосударственная идеология отсутствует, а о престиже государственных властей предрержащие иногда вспоминают лишь в своих предвыборных речах. Все это сделало основные социальные функции советской науки не только не нужными, но и противоречащими преобладающим в современном российском обществе установкам.

Свято место пусто не бывает, и было вполне естественным ожидать, что наука у нас никогда не останется не у дел, а на смену ее специфически советским функциям придут функции, которые она выполняет в цивилизованном обществе – такие как обеспечение технического и социального прогресса, ускоренного развития экономики и др. Особые надежды, разумеется, возлагались, на «рыночную» функцию науки – создание ею нового знания, которое позволяет производить новую, более конкурентоспособную продукцию и получать прибыль. В идеале – для нашей страны – и в реальности – для цивилизованных стран – это выглядит так: ученый совершает открытие, инженер делает на его основе изобретение, производитель материализует это изобретение в новой продукции, которую бизнесмен успешно продает, делясь полученной прибылью с ученым, инженером и производителем, – чтобы цикл вновь повторился. Естественно, эта цепочка работает, если присутствуют и исправны все ее звенья: не только ученый и инженер, но и производитель, жадно ждущий новых разработок и всегда готовый их материализовать, и бизнесмен, нацеленный на получение прибыли именно в сфере производства, понимающий необходимость финанси-

ровать науку, и др. Если же какая-либо из этих социально необходимых фигур отсутствует, то цепочка, связывающая науку и рынок, разрывается. Если производство чахнет, а общество устроено так, что прибыль образуется где угодно, но не в сфере производства, то общество оказывается неспособным потреблять научное знание. Неприспособленность всей нашей экономики, построенной преимущественно на спекулятивно-финансовых операциях, к потреблению научного знания лишает нашу науку возможности исправно выполнять свою «рыночную» функцию. В результате девальвация советских функций отечественной науки не компенсирована обретением ею «рыночной функции». И на месте ее социальных функций возник *функциональный вакуум*, который в массовом сознании неизбежно трансформируется в представление о ненужности науки нашему обществу.

В принципе вакуум на месте социальных функций науки может быть заполнен за счет ее когнитивных функций — путем утверждения в массовом сознании веры в то, что наука производит новое знание, и этого самого по себе достаточно для того, чтобы ее холить и лелеять. Именно данный прием «функционального замещения» — замещения социальных функций науки ее когнитивными функциями, усиленный метафорами вроде «наука — путь в будущее», «наука открывает неизведанное» и т. д. — обычно и используют защитники отечественной науки, вызывающие к нашему обществу и власть имущим не разрушать ее дальше. Акцентирование когнитивных функций науки обычно сопровождается утверждением ее *самоценности*, лежащим в основе увещеваний сохранить отечественную науку в виду ее уникальности или славных традиций.

Подобная агитация, естественно, предполагает определенного адресата — члена правительства, министра финансов, влиятельного политика, рядового гражданина или кого-то еще, в иерархии ценностей которого такие ценности как постижение нового (но необязательно практически полезного), самоценность познавательного процесса, приоткрытие завесы в будущее (но опять же без прагматического умысла) занимают ведущие места. Было бы ошибкой объявлять подобного адресата мифическим персонажем, аналогичным строителю коммунизма или абсолютно честному российскому предпринимателю. Достаточно вспомнить, что вплоть до 80-х годов сознание советских граждан было пропитано своеобразным «романтическим сциентизмом»: убежденностью в том, что наука вскоре не только решит все земные проблемы, но и откроет завесу в прекрасное будущее, которое

виделось не на Земле — в скучных склоках между политиками, а в космосе — в увлекательных контактах с иноземными цивилизациями.

Разумеется, к обществу, пропитанному «романтическим сциентизмом», можно апеллировать с утверждениями о самоценности науки, равно как и с видением ее функционального предназначения в «расширении горизонтов познания» или «приоткрытии завесы в будущее». И вполне закономерно, что, как показывали социологические опросы того времени, большинство родителей мечтали видеть своих детей учеными и космонавтами. Большие затраты на науку тоже не вызывали раздражения, верным индикатором которого служили анекдоты и другие порождения «кухонной политики».

Но все изменилось. Современное российское общество не менее прагматически ориентировано и пропитано «здесь и теперь — психологией», чем общество западных стран. Степень прагматической ориентированности наших сограждан, конечно, не следует переоценивать. Опросы показывают, что в иерархии их основных жизненных ценностей ориентации на создание хорошей семьи или получение интересной работы занимают более высокое место, чем ориентация на заработок; среди основных мотивов выбора профессии предоставляемые ею возможности самореализации преобладают над материальными соображениями; а конкурс на гуманитарные факультеты МГУ и РГГУ уже несколько лет подряд выше, чем в вузы, дающие потребное на нашем рынке экономическое и юридическое образование.

Тем не менее, в современном российском массовом сознании отчетливо проступают установки, идущие вразрез с прежним отношением к науке. «Здесь и теперь — психология» наиболее рельефно проявляется в нежелании чего-либо *ждать*, а тем более жертвовать удовольствием сегодняшнего дня ради будущего, что явилось естественной реакцией на длительное навязывание «модуса ожидания» — преодоления «временных трудностей», коммунизма, светлого будущего или чего-то еще. Наука же предполагает достаточно длительное *ожидание* результата, который к тому же далеко не гарантирован, и поэтому она не делается и не поддерживается нетерпеливыми.

Выраженный *интеллектуализм*, подчас доходивший до настоящего культа мысли, как одна из главных характеристик социально-психологической атмосферы советского общества, по крайней мере, его образованной части, проявлявшийся в том, что, скажем, красота мысли ценилась не ниже, чем прагмати-

ческие ценности, любимыми способами времяпровождения были «почитать» и «поговорить», а популярность таких людей как М. Мамардашвили, для которых мышление являлось их образом жизни, была сравнима с популярностью звезд эстрады, сменился весьма антиинтеллектуалистическим «культом дела» (деланием денег, заключения сделок и т. п.), на фоне которого прагматически ненаправленное мышление презрительно квалифицируется как пустая «болтовня». Ну и конечно для типового носителя нового русского менталитета мало значат такие ценности как престиж государства, а перспективы превращения России в отсталую страну или в сырьевой придаток развитых стран оставляют его равнодушным.

Основные установки его менталитета противоречат ценностям, на которых основана система научного познания, и могли бы ужиться лишь с «рыночной» наукой, которой, как было показано, в современном российском обществе быть не может. В результате *прежние социальные функции отечественной науки не только не замещаются ее «рыночной» функцией, но и не могут быть компенсированы ее когнитивными функциями, что превращает вакуум на месте социальных функций в ее общий функциональный кризис.*

Функциональный кризис, конечно, затронул не всю нашу науку. На фоне остановленных синхрофазотронов и опустевших институтов естественнонаучного профиля наблюдается интересное явление, в возможность которого еще лет двадцать назад, когда естествознание считалось «настоящей» наукой, а общественные науки — их не слишком полезным придатком, было бы трудно поверить: процветание таких наук как социология, психология и политология. За последнее десятилетие в нашей стране возникло более сотни (!) новых социологических центров, количество политологов перевалило за пятьдесят тысяч, а психологи уверенно обосновались при всех известных политиках, во всех крупных банках и коммерческих структурах.

Чтобы понять это явление, недостаточно ограничиться общим тезисом о том, что основные проблемы нашего общества — социальные, политические и психологические, а полеты в иные миры для нас не столь актуальны, и поэтому наше общество предъявляет основной социальный заказ именно к социальным наукам. Функции науки полезно рассмотреть еще в одно плоскости — в зависимости от их *адресата*. Нетрудно заметить, что основные социальные функции советской науки были ее «государственными» функциями — состояли в укреплении оборонной мощи,

престижа и идеологии тоталитарного государства. Функции, выполняемые наукой в цивилизованном обществе — производство нового знания, ускорение технического прогресса, «рыночная», да и «чудотворческая» функции — это «общественные» функции, выполняемые ею в интересах всего общества или, по крайней мере, его значительной части. Консультирование политиков и обслуживание бизнесменов — это «элитарные» функции науки, выполняемые ею ради политической и экономической элиты.

Основная «клиентура» науки определяется характером общества. В тоталитарном обществе она выполняет преимущественно «государственные» функции, в демократическом — «общественные», в элитаристском² — «элитарные». Наше общество — элитаристское и поэтому потребляет науку, в основном, в ее «элитарных» функциях. Политическая элита использует ту науку, которая полезна для зондирования (и зомбирования) общественного мнения, создания политических имиджей и подготовки избирательных компаний, бизнес-элита — науку, которая помогает подбирать персонал и продавать продукцию. В результате наблюдается внешне парадоксальный расцвет политологии, социологии и психологии, в то время как большинство других пребывает в «коме».

Впрочем, расцвет отдельных научных дисциплин, точнее, их весьма специфической, ориентированной на практику, части, мало влияет на общее состояние российской науки и не размывает вывода о том, что она находится в глубоком функциональном кризисе. В массовом сознании этот кризис проявляется как ощущение ненужности науки и соответственно ученых нашему обществу, за которое это сознание возлагает ответственность не на общество, не способное использовать новое научное знание, а на отечественную науку, якобы не способную адаптироваться к рынку. Проявления такого отношения улавливаются опросами общественного мнения. Разговоры о разрушении российской науки и о нищете ученых вызывают не сочувствие, а раздражение у большинства наших сограждан, лишь незначительная часть которых видит пользу от фундаментальных наук. А научный труд превратился в одну из самых непопулярных профессий, причем не только из-за его смехотворной оплаты, но и из-за массовой убежденности в том, что наука нам не нужна.

3. Вторичные функции науки

Сами российские ученые, похоже, тоже смирились с мифом о ненужности науки нашему обществу. Предлагаемые ими стратегии радикального сокращения численности ученых, консер-

вации ядра научного сообщества (предполагающей жертвование всем остальным), а то и просто перехода к импортированию всей наукоемкой продукции (зачем изобретать самим, когда можно купить уже готовое?) имеют общую основу – признание полного функционального вакуума российской науки и соответственно ее ненужности современной России. Эта позиция глубоко ошибочна, поскольку *учитывает только скрытые – вторичные – функции* (табл.).

Таблица

Основные функции науки*

Когнитивные	Социальные	
	Первичные	Вторичные
Производство нового знания, объяснение мира и др.	«Государственные» (укрепление оборонной мощи, «промывание мозгов», «престижная»)	Подпитка системы высшего образования, интеллектуальное обеспечение других сфер деятельности, интеллектуализация общества
	«Общественные» (ускорение научно-технического и социального прогресса, «рыночная», мировоззренческая, «чудотворческая» и т. д.)	
	«Элитарные» (создание политических имиджей, подготовка избирательных кампаний, маркетинговые исследования и др.)	

* Схема имеет иллюстративный смысл, не претендуя на исчерпывающую систематизацию функций науки. Естественно, возможно как выделение и других социальных функций науки, так и более подробная дифференциация ее когнитивных функций.

Одна из таких вторичных — относительно традиционного социального заказа науке, но не по значимости — функций состоит *в подпитке системы высшего образования*. Наивно думать, что и здесь можно пойти по пути импортирования: не вырабатывая нового научного знания в своем отечестве, преподносить студентам знание, которое производится за рубежом. Чтобы передавать другим новое научное знание, надо самому им обладать, для чего необходимо находиться на переднем крае развития науки и уж во всяком случае заниматься ею. Кроме того, как известно, наука производит огромное количество описанного М. Полани «личного», неформализованного знания, которое может быть усвоено только в процессе «живого» общения с коллегами — учеными. Можно утверждать, что качество преподавания пропорционально удельному весу передаваемого студентам «личного» знания, а вообще не обладающий им преподаватель попросту не нужен, ведь существуют учебники.

В результате даже у нас в стране, несмотря на более выраженное, нежели в других странах, разделение научной и преподавательской деятельности, практически все хорошие преподаватели — это ученые. «Чистый» преподаватель, не занимающийся наукой, не способен быть хорошим преподавателем, потому что, оторванный от науки, он может обладать в лучшем случае знанием «не первой свежести». По той же причине, как установлено, качество высшего образования зависимо не столько от уровня социально-экономического развития страны, сколько от уровня развития национальной науки, в результате чего многие, например, голландцы или финны, предпочитают учиться за рубежом. А отечественная система высшего образования своим общепризнанным высоким качеством была обязана прежде всего отечественной науке.

Все это, конечно, не делает «импортный» путь развития образования невозможным: теоретически можно импортировать не только обезличенную научную информацию, но и ученых-преподавателей. Но это обошлось бы куда дороже, чем содержание всей нынешней российской науки, ведь зарубежные профессора не будут работать за те гроши, к которым привыкли их российские коллеги. Да и вообще трудно представить себе какого-нибудь известного, да и неизвестного, американского или английского профессора постоянно работающим где-нибудь в Томске или Хабаровске. Так что импорт здесь не поможет, и *высокий уровень российского высшего образования может быть обеспечен только отечественной наукой*.

Еще одна вторичная социальная функция науки состоит в создании интеллектуальной элиты и в обеспечении «мозгами» других сфер деятельности. Где только нет выходцев из науки, но наиболее заметны они в самых престижных видах деятельности — в политике и в бизнесе, причем многие политики до сих пор не порывают связь с наукой, в перерывах между политическими баталиями защищая диссертации. Почти половина членов любого из наших с калейдоскопической частотой сменяющих друг друга правительств имеет ученую степень, бывшие ученые составляют примерно треть руководителей крупных коммерческих структур, а такие персоны как Е. Гайдар, А. Чубайс, И. Хакамада, К. Боровой, известны каждому, хотя и не каждый знает, чем именно они занимались в науке и с какими успехами.

Обильный приток «мозгов» из науки в другие сферы деятельности, особенно наиболее престижные и высокооплачиваемые, объясняется не только тем, что долгие годы лучшие умы нации в силу особенностей советской системы концентрировались в науке. *Наука служит школой мышления*, которая органично дополняет высшее образование, предполагающее получение знаний, но не обучение мышлению. В отсутствие национальной науки различные сферы деятельности могут насыщаться вполне квалифицированными специалистами, которые обладают приличными знаниями, но не прошли школы мышления, и поэтому имеют невысокие интеллектуальные возможности. Наука осуществляет интеллектуальную подпитку других сфер деятельности, не только делегируя туда выращенные у себя «мозги», но и снабжая идеями. И, если сейчас естественнонаучные и технические идеи в нашем обществе не востребованы в виду описанных выше причин, то социально-политические идеи пользуются большим спросом — и у каждой из политических партий, и у общества в целом.

Еще одна вторичная функция науки носит весьма аморфный характер, но это не делает ее малосущественной. Она состоит в создании в обществе *интеллектуальной атмосферы* или, говоря словами К. Мангейма, «интеллектуальной напряженности», проявляющейся в постановке перед ним некоторых проблем (например, есть ли разум в других мирах и возможен ли машинный интеллект, подобный человеческому), без раздумий над которыми наша духовная жизнь была бы убогой; в поддержании системы отбора и специального обучения наиболее одаренных детей и т. д. Подобный способ влияния науки на обще-

ство внешне не очень заметен, но невыполнение ею данной функции привело бы к тотальной деинтеллектуализации массовой культуры. Наиболее тривиальной иллюстрацией мог бы стать кинематограф, если из него исключить все сюжеты, порожденные наукой — киборгов, звездные войны и др.

Как ни странно, подобные вторичные функции науки более стабильны и независимы от сиюминутной социальной конъюнктуры, чем ее первичные функции, переживающие сейчас кризис и в нашей стране, и за рубежом. Трудно представить себе современное общество, которое не нуждалось бы в передовой системе высшего образования, интеллектуальной подпитке различных видов деятельности, интеллектуальной атмосфере. А, если и можно представить, то только в виде страны дураков, образ которой вдохновил немало сатирических произведений.

Из этого следует, что *наука нужна любому современному обществу и нужна постоянно*, а социальные стратегии вроде консервации научной элиты или временного приостановления научных исследований напоминают замысел временно — на время бедности — поглупеть с тем, чтобы, разбогатев, по звонку будильника поумнеть снова. Временно перестать развивать национальную науку означает «временно» разрушить систему высшего образования, деинтеллектуализировать общество, лишит различные сферы деятельности притока идей и людей, умеющих мыслить. Подобная утопия куда более нелепа и несбыточна, чем те утопии, которыми наше общество жило почти столетие.

Из неспособности современного общества обойтись без вторичных социальных функций науки следует еще один вывод, который многим, конечно же, покажется дискомфортным. Результативность выполнения наукой этих функций пропорциональна *количеству* научных идей, вживленных в массовую культуру, и ученых, преподающих в вузах, а также перешедших в другие виды деятельности, которое относительно пропорционально общему количеству ученых в стране. То есть, *чем больше страна, тем крупнее должна быть национальная наука*, в противном случае выполнение ею обозначенных функций будет носить не массовый, а элитарный характер: ученых хватит только на преподавание в элитарных вузах и интеллектуальную подпитку элитарных видов деятельности. Малая наука в большой стране, быть может, способна эффективно выполнять когнитивные³, но не вторичные социальные функции, которые предпо-

лагают «распыление» научных идей и их носителей в обществе, что требует большой науки. Малая наука, в большом обществе эффективно выполняющая свои социальные функции — такая же утопия, как бедная, но эффективная наука.

Впрочем, еще один вывод, вытекающий из выполнения наукой вторичных социальных функций, прозвучит еще более неутешительно для желающих сэкономить на ней: как ни парадоксально, *в современных условиях только богатые страны могут позволить себе не иметь собственной науки*. Дело в том, что выполнять социальные функции науки путем импортирования — импортировать преподавателей, консультантов для бизнесменов и политиков — гораздо дороже, чем выращивать их у себя, и поэтому такую роскошь могут позволить себе лишь богатые страны. При нашей же бедности единственная возможность не превратиться в общество дураков — содержать собственных ученых и оплачивать их дешевые услуги. А *постоянно* развивать науку гораздо экономнее, чем «консервировать» ее, а затем возрождать снова, ибо для ее возрождения, как и для ее создания, опять придется приглашать «немцев и прочих шведов», услуги которых, в отличие от труда наших ученых, недешевы.

Из всего сказанного, Впрочем, не следует, что наше общество неизбежно образумится и перестанет разрушать свою науку. Его отношения с наукой напоминают его отношения с природой, без которой оно не может жить, но при этом делает все возможное для ее разрушения. Основные причины подобного отношения к науке определяются состоянием этого общества.

Во-первых, результаты невыполнения наукой ее основных функций губительно скажутся на обществе, но не сейчас, а в будущем. Для общества же, пропитанного «здесь и теперь — психологией», не живущего, а выживающего, существует только «сейчас». Поэтому обращения к массовому сознанию с позицией завтрашнего дня, разъяснение того, что произойдет с нашим обществом, если оно лишится науки, — такой же глас вопиющего в пустыне, как упор на самоценность науки и ее когнитивную функцию.

Во-вторых, политико-экономическая элита невыполнение наукой ее вторичных функций компенсирует другими путями. Ее представители отправляют своих детей обучаться за рубеж, и поэтому уровень российской системы образования им безразличен. Поддержание интеллектуальной атмосферы в обществе их тоже не интересует, поскольку они окружают себя «придворными» интеллектуалами. А для интеллектуальной подпитки бизнеса и политики, которыми занимается элита, для того, чтобы

организовать очередную избирательную компанию, следить за динамикой общественного мнения или провести маркетинговое исследование, достаточно небольшой «придворной» науки, существующей в виде ряда аналитических центров. Наука и ученые, безусловно, нужны России, но не слишком нужны российской политико-экономической элите, что в условиях, когда практически все происходящее в стране зависит от этой элиты, оставляет науке мало шансов.

Все это означает, что отечественной науке не следует особенно уповать на развитие рыночных отношений и сопутствующие им преобразования общества. Даже если в нашей стране в ближайшие десятилетия удастся сформировать цивилизованный рынок, что крайне мало вероятно, это создаст спрос на прикладную, но не на фундаментальную науку. Последняя же в лучшем случае окажется в том незавидном положении, к которому она приближается в развитых странах, где наблюдается «затоваривание» фундаментального научного знания.

Больше шансов открывает науке социально-политическое развитие нашего общества. Если когда-нибудь в нашей стране будет построена истинная демократия, то есть правящая элита будет выражать интересы основной части общества, это вынудит ее поддерживать науку — хотя бы в силу выполнения ее вторичных социальных функций, основной носительницей которых является именно фундаментальная наука.

Для того, чтобы направить развитие нашего общества по этому пути, а также для того, чтобы выжить в нынешнее трудное для российской науки время, отечественное научное сообщество должно научиться оказывать большее влияние на политику властей и общественное мнение. Это предполагает идейное и организационное сплочение ученых, создание собственной политической структуры (в перспективе — политической партии), способной отстаивать их коллективные интересы, четкое осознание этих интересов и выработку «профсоюзного сознания», очень развитого у представителей других профессиональных групп и начисто отсутствующего у нашей научно-технической интеллигенции. А также восстановление мировоззренческой, просветительской функции отечественной науки, отнятой у нее сначала советской идеологией, а затем ангажированными (различными финансовыми кланами) средствами массовой информации, и состоящей в разъяснении людям происходящего в нашем обществе.

Примечания

- ¹ При реализации программы «Апполон», например, было совершено свыше 400 таких открытий и изобретений, одним из главных потребителей которых явилась ... парфюмерная промышленность.
- ² Автор ввел этот термин для выражения специфики нашего и подобных ему обществ и их отличий от обществ демократических. Несмотря на обилие критериев и дефиниций демократии, в политологической литературе вычлениются два ее ключевых признака: а) наличие системы демократических институтов (парламентов, политических партий и др.) и б) вынужденное действие политической элиты в интересах основной части общества. В нашей стране первый признак демократии не только присутствует, но и, как все хорошие начинания, доведен до абсурда. А второй признак отсутствует, поскольку политико-экономическая элита откровенно действует в своих собственных интересах, отчетливо противоречащих интересам основной части общества. Поэтому термин «элитаристское» представляется наиболее подходящим для характеристики современного российского общества. Если использовать традиционные понятия, такие, например, как либеральная демократия (но не в том смысле, который придал ему В. Жириновский), этот тип общества может быть квалифицирован как либеральный, но не демократический, как *либерально-недемократический*.
- ³ Это, впрочем, тоже очень сомнительно: весьма популярная у нас идея о том, что неплохо бы уволить из науки всех посредственностей, а оставить одних гениев, представляет собой очередную утопию, поскольку гении лишь тогда на что-то способны, когда черновую работу за них делают эти самые посредственности. Предложения оставить в науке лишь высокопродуктивных ученых сродни идее о том, чтобы оставить в доме один лишь верхний этаж, убрав все предыдущие: такой дом попросту рухнет.

**Роль интеллектуального потенциала России
в обеспечении ее национальной безопасности
и выхода страны из кризиса***

Ушедший в историю XX век без преувеличения можно назвать веком бурного развития науки и техники. Наука из увлечения одиночек превратилась в обширную и исключительно важную сферу человеческой деятельности, профессию миллионов людей. В последней четверти века в развитых странах расходы на научные исследования стабильно находятся на уровне 2,5-3,0 процентов ВВП. Полученные научные достижения позволили освоить новые мощные источники энергии, создать принципиально новые средства связи и транспорта, индустрию производства вычислительной техники, совершившей переворот в интеллектуальной сфере, расширить и обогатить знания о Человеке, природе и внеземном пространстве. Научные знания становятся важнейшим фактором производства материальных ценностей, решения экономических, социальных, политических и военно-стратегических задач. Эти выводы подтверждаются большим числом научных исследований, резолюций международных организаций и конференций. Так, в 1999 г. в г. Будапеште состоялась Всемирная конференция по науке для XXI века: новые обязательства. Созванная ЮНЕСКО и Международным советом по науке (МСНС), в работе которой приняли участие делегаты из 150 стран. В документах конференции, в частности, отмечается: «Никогда ранее открытия и нововведения не позволяли добиться такого значительного материального прогресса, как сегодня, но и никогда ранее производительный

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 99-03-00080а

или разрушительный потенциал человечества не оставлял нерешенным столь большое число проблем. Главный вызов наступающего столетия связан с границей, разделяющей власть, которой обладает человечество и мудрость, которую оно способно проявить, используя ее» [1].

Это замечание о силе власти и мудрости при ее применении, на мой взгляд, крайне важно для оценки современного состояния науки в России. В XX веке наша страна без преувеличения стала одной из ведущих мировых держав в области науки и техники. Была создана разветвленная сеть научных организаций, работавших в более чем 1000 городах и населенных пунктах, мировую известность и признание получила отечественная наука. Работа в науке считалась престижной и оплачивалась выше, чем в среднем по стране. Как справедливо говорится в утвержденной Президентом РФ «Доктрине развития российской науки»: «Своим положением великой мировой державы Россия во многом обязана достижениям отечественных ученых.

В современных условиях практическое использование естественнонаучных, гуманитарных и научно-технических знаний во все большей степени становится источником обеспечения жизнедеятельности общества, его духовного и физического здоровья»[2]. Безусловно, не стоит идеализировать советское прошлое отечественной науки. Как известно, нерешенной проблемой в рамках этой системы являлось слабое использование научных результатов в гражданских отраслях экономики.

Гонка вооружений и конфронтация в период «холодной войны» обеспечивали мощный приток финансирования в исследования и конструкторские разработки военного характера. Будучи обществом закрытого типа и не имея конкурентной среды для работ гражданского направления, военные исследования постоянно испытывали влияние своих зарубежных коллег, занимающихся разработкой аналогичных проблем. Можно сказать, что холодная война создала жесткую конкурентную среду для разработчиков новых поколений оружия и средств защиты от него.

Автор был участником встреч ученых России и США, участвовавших в разработке атомного оружия. Первая такая встреча состоялась в г. Дубне в 1996 г., вторая в Вене в 1999 г. «Закрытые» и засекреченные ученые и специалисты, которые в течение длительного времени знали фамилии друг друга, впервые смогли посмотреть друг на друга, сопоставить, как параллельно шла работа. Как говорится, нет худа без добра, эта гонка, посто-

янная конкуренция поддерживали высокий тонус творческого поиска и позволили создать образцы военной техники, которые и сегодня высоко котируются на мировых рынках оружия и военной техники.

Другое дело – гражданские отрасли. Планово-административные методы управления экономикой породили застой, неэффективное использование научного потенциала. Попытки М.С.Горбачева «ускорить научно-технический прогресс», использовать в экономике результаты бурно протекающего в мире очередного этапа научной революции, положительного результата не дали. Это существенно повлияло на экономическое состояние страны и в совокупности с рядом других факторов, которые мы здесь не будем рассматривать, привело к развалу СССР. Россия получила в наследство мощный научно-технический потенциал и казалось, что создание рыночной среды позволит устранить пороки старой системы и рационально использовать его в интересах новой России. Однако, как и во многих других случаях, в эти годы политические страсти и интересы ставились на первый план и зачастую превалировали даже над здравым смыслом. Верховный Совет РСФСР в своей борьбе с Центром дошел и до науки и посчитал, что нужно создать новую республиканскую академию. 25 января 1990 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ «Об учреждении Академии наук Российской Федерации» и определил ее численность – 160 членов академии. Таким образом, была сделана попытка расколоть научное сообщество, втянуть его в политические интриги и склоки. Академия наук СССР была подвергнута критике, формировалось общественное мнение о ее бесполезности и ненужности. Следует отдать должное мудрости ученых, которые не позволили втянуть себя в эту склоку и смогли найти конструктивное решение о воссоздании Российской академии наук путем включения в ее состав членов АН СССР и вновь избранных членов республиканской академии. В состав последней, кстати сказать, были включены Р.Хасбулатов и Б.Березовский.

Указ об организации Российской академии наук был издан Президентом РСФСР 21 ноября 1991 г., а 17-20 декабря того же года в актовом зале Московского университета проходило Учредительное общее собрание Российской академии наук. Выступая на нем, Президент России Б.Н.Ельцин сказал: «Воссоздание Российской академии наук мы рассматриваем как одно из направлений возрождения Российского государства. Российская

наука занимает достойное место в мировой науке, и сегодня важно не растерять накопленный научный потенциал». Далее, говоря о финансировании науки, Ельцин сказал: «... правительство России предпринимает необходимые действия по решению жизненно важных проблем науки. Это касается объемов и регулярного финансирования, материально-технического обеспечения исследований, улучшения условий труда, большей социальной защищенности ученых... Красная черта, которую мы не можем перейти — уровень государственной поддержки науки 1991 года» [3]. Участники этого Общего собрания с удовлетворением восприняли речь главы государства, считая, что ученые смогут активно включиться в созидательную работу по обновлению и развитию всех сфер экономической и духовной жизни демократической России. Надо отметить, что за время ельцинского правления было принято несколько важных постановлений Правительства, указов Президента, Федеральный закон РФ «О науке и государственной научно-технической политике» и ряд других правовых актов, в подготовке которых самое активное участие принимали ученые. Поэтому большинство положений этих документов их вполне устраивало. Например, в доктрине развития российской науки отмечалось, что «государство рассматривает науку и ее научный потенциал как национальное достояние, определяющее будущее нашей страны, в связи с чем поддержка развития науки становится приоритетной государственной задачей» [2]. Замечательные слова, под которыми, надеюсь, может подписаться каждый научный работник. Или разве плохо, что в Законе о науке определен размер финансирования из федерального бюджета (не менее четырех процентов от расходной части)? Но все дело в том, что большинство принципиально важных положений чиновники проигнорировали. Так, вместо предусмотренных законом 4 процентов расходной части бюджета, на гражданскую науку ежегодно выделяется менее 2 процентов, причем эта доля из года в год уменьшается. В одном из своих постановлений Правительство признает, что финансирование науки в 1991–96 гг. реально сократилось в 6 раз, среднемесячная зарплата — почти в 3 раза, а численность работающих в науке — более чем в 2 раза [7]. Все это привело к резкому падению престижа научного труда. По социологическим опросам в рейтинге наиболее уважаемых профессий ученые занимают одно из последних мест (5% к числу опрошенных) [5]. В конце 2001 года по заказу газеты «Коммерсантъ» Всероссийс-

кий центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос, целью которого было выяснить рейтинг лучших представителей современного российского общества независимо от рода их занятий. По итогам опроса в список вошли фамилии 139 ныне живущих граждан России. Среди них только один ученый – Нобелевский лауреат, физик Жорес Алферов, которому в списке элиты отвели лишь 22 строчку. Естественно, что все эти факторы оказывают отрицательное влияние на кадровый состав науки. Ежегодно из науки уходит больше, чем поступает на работу. Идет прогрессирующее старение научных кадров: сейчас средний возраст членов государственных академий – около 70 лет, докторов наук – более 60 лет, молодежь до 29 лет составляет только около 8,0%. Как отмечают науковеды, сохранение этой тенденции на ближайшие 10 лет приведет к разрыву связи поколений, разрушению научных школ, утрате преемственности в науке. Власти объясняют свое отношение к науке отсутствием средств у государства и необходимостью расходовать их на более важные нужды. Отчасти это правильно, т.к. экономические реформы привели к существенному снижению всех показателей. По среднегодовым темпам роста за 10 лет реформ Россия оказалась на 168 месте. По сравнению с 1989 г. наполовину сократился ВВП, что привело к значительному снижению уровня жизни. Вместе с тем, произошло расслоение общества: доходы 10 процентов высокооплачиваемых граждан в 34 раза выше, чем у 10 процентов низкооплачиваемых. По данным Международной организации труда (МОТ) реальная зарплата работающих упала за эти десять лет более чем в три раза, одна треть россиян имела доходы ниже прожиточного минимума. Несмотря на оживление экономики в последние два года, бюджет России в три раза меньше, чем он был в 1991 г. Основные доходы страна получает за счет продажи нефти, газа, черных металлов и другого сырья. Но почему реформы привели к таким результатам? Почему была избрана такая стратегия их проведения? И можно ли было их провести иначе и добиться другого результата? На эти и другие подобные вопросы пытаются найти ответ политики, ученые, журналисты, депутаты, да и практически все «жертвы» проведенных реформ. Прежде всего, исследователи отмечают, что при разработке концепции реформы не был использован мощный интеллектуальный потенциал, которым располагала страна. Она формировалась келейно, узкой группой амбициозных политиков на безальтернативной основе. Это было уже пер-

вое знаковое, пренебрежительное отношение власти к ученым, специалистам и интеллектуальной составляющей общества. Отсюда проистекают корни не востребоваемости науки. Для создания криминально-олигархического государства наука не нужна. Также не нужна она для захвата в собственность государственных предприятий и зданий, увода из-под контроля и вывоза за рубеж капитала, проведения валютных спекуляций и др. Поэтому никаких планов на использование научно-технического потенциала для развития экономики страны и укрепления ее обороноспособности у идеологов реформ не было, это их не волновало. Однако, когда эти «специалисты» по рыночным реформам в 1998 г. довели страну до дефолта, спасти положение был призван «консерватор» академик Е.М.Примаков, который за короткий срок работы на посту главы Правительства, сумел стабилизировать обстановку и остановить сползание страны в пропасть. После того, как опасность миновала, «мавр» был освобожден от руководства правительством, а экономический курс возвращен в сырьевую колею. Вместе с тем, отечественные и зарубежные эксперты отмечают, что Россия располагает и другим важным ресурсом для своего развития. Так, в докладе экспертной группы по России американского конгресса отмечается: «У России есть и иное достоиние, не разрушенное экономическим крахом 1998 и не стертое десятилетиями коммунизма. Например, во мраке несвободы советской системы науки и образования мерцал луч надежды – высокий уровень подготовки ученых и квалифицированных специалистов. И этот потенциал, характеризующий значительную часть трудоспособного населения в России, до сих пор остается нерастроченным ... Богатая культура России, объединяющая людей и вызывающая восхищение во всем мире, также создает основу, на которой страна может возродиться заново» [6].

В другом исследовании по нашей стране, сделанного для одного из университетов США, отмечается, что Россия располагает двумя сферами, которые могут быть использованы для интеграции в мировую экономику. Это ресурсодобывающие отрасли промышленности и наукоемкая сфера, развитие которой базируется на знаниях и качестве «человеческого капитала». Авторы доклада подчеркивают: «При надлежащей поддержке российский сектор науки и технологии мог бы осуществлять коммерчески эффективное производство продукции, имеющей рыночный потенциал во всем мире, и стать ведущей силой эко-

номического возрождения страны. Отрасли высокой технологии и информатики потенциально способны заменить отрасли энергетики, добычи минеральных ресурсов и производства вооружений в качестве основных экспортных статей и источников финансовых ресурсов для экономики...

Основные научные академические институты, а также институты, участвующие в атомных, оборонных и космических программах, могли бы играть ведущую роль в таком развитии, обеспечивая кадрами, мощностями и идеями решение задач коммерческого использования передовых позиций России в ряде областей высокой технологии (суперкомпьютеры, компьютерное программное обеспечение, распознавание образов, передовые средства связи, лазеры, термоядерный синтез, биотехнология) [8].

Справедливость такой оценки подтверждается и тем, что многие ученые и специалисты, будучи невостребованными в своей стране, находят работу по специальности в других странах и во многих случаях добиваются хороших научных результатов. К сожалению, еще большая часть научных работников, не уезжая из страны, оставляет научную деятельность и переходит в другие сектора экономики. Такая «утечка умов» существенно ослабляет научный потенциал, т.к. для подготовки хорошего ученого требуется много времени и значительные затраты. Несмотря на все эти негативные процессы, российская наука выжила, многие ее сектора сумели адаптироваться к новым условиям. Это касается, в первую очередь, отраслевой и вузовской науки. Происходят изменения и в организации академической науки. На состоявшемся в ноябре 2001 г. Общем собрании РАН ее Президент академик Ю.С.Осипов сказал: «Пора ломки и разрушений заканчивается. Наступает время стабилизации, строительства и оживления. Ценой лишений и напряжений сил созданы условия для перелома в развитии: от борьбы с призраками прошлого к гражданскому партнерству в интересах будущего. В первые десятилетия нового века России предстоит построить новую экономику, способную стать фундаментом ее общественного благосостояния и оборонной мощи» [9].

За годы, которые были потрачены на выживание отечественной науки, мир бурно развивался. В развитых странах идет активное формирование нового технологического уклада, основанного на новых знаниях и технологиях. Сейчас Россия проигрывает конкурентную борьбу на мировых рынках наукоемкой продукции. Такие товары, производимые в США, занимают

39 процентов мирового рынка, Японии – 30 процентов, Германии – 16, России – всего 0,3 процента. У нас пока не созданы отрасли высокотехнологических производств, которые могли бы представить товары, способные занять достойное место в международном разделении труда. Вместо оставшегося в прошлом соревнования в гонке вооружений, теперь на первый план выходит гонка технологий, инновационная культура страны, ее способность обеспечить экономическую и научно-технологическую безопасность и высокий уровень жизни ее граждан. Это большая и трудная задача. Как отмечается в уже упоминавшемся докладе конгрессу США «... перед Россией стоят те же задачи, что и в 1992 г. Несмотря на то, что прогресс в установке строительных блоков для свободной рыночной экономики еще крайне незначителен, надо начинать работать по настоящему. Однако, если в 1992 г. для этого существовали в целом благоприятные условия, годы провалов в политике лишили Россию этого преимущества» [6].

Прежде всего, следует разработать основные направления государственной научно-технической политики, ориентированной на поэтапный переход к инновационному развитию экономики. В эту программу должен входить комплекс мер по сохранению и развитию научно-технологического потенциала страны и его использования для создания современной производственной базы, способной обеспечить выпуск конкурентоспособных отечественных товаров и формирования научно-технологической основы национальной безопасности. В настоящее время принципиальные основы такой программы, наконец, появились. Речь идет о подписанных президентом России «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», в которых четко заявлено, что Россия вступает на инновационный путь развития. Для ее реализации следует разработать и внести в действие пакет законов и других правовых актов. В настоящее время действует большое число государственных решений, регулирующих отношения в области науки и новых технологий. Многие из них устарели или не соответствуют основополагающим Федеральным законам: Гражданскому, Налоговому, Трудовому, Бюджетному, Таможенному кодексам и ряду других законов. Практически нет современных законов по охране интеллектуальной собственности, инновационной деятельности, внебюджетных фондах в сфере науки, статусе научных сотрудников и

др. Как можно успешно работать в условиях рынка, не имея таких основополагающих законов? Ведь рыночные механизмы в научно-производственной деятельности должны учитывать специфику творческого труда, специфику получаемых результатов в научной и научно-технической деятельности, их характер, определять собственность на интеллектуальный продукт и т.д. Зарубежный ученый, в отличие от нашего, может стать состоятельным человеком за счет своего интеллектуального труда. Кстати, первые строчки самых богатых людей планеты теперь, как правило, занимают представители наукоемкого бизнеса, а не нефтяные короли, как это было до недавнего времени.

Необходимо также рассмотреть и систему управления на государственном уровне научно-технической деятельностью, распределения полномочий федеральных и региональных органов управления. Сюда входят также вопросы отбора и утверждения приоритетных направлений развития науки и технологий; порядок осуществления межотраслевой координации и кооперации, разработка и реализация научных и научно-технических программ и проектов, аккредитация научных организаций и др.

В числе вопросов экономического характера следует определить формы поддержки инновационного предпринимательства, совокупность льгот для организаций и предприятий, выполняющих научные исследования и разработки, таможенный режим для субъектов научно-технической деятельности, систему государственного финансирования научно-технических и инновационных работ, совокупность финансовых форм участия внебюджетных фондов в научном и научно-техническом творчестве, государственные льготы и гарантии банкам, финансирующим и кредитующим научно-исследовательские проекты и программы, т.е. формы стимулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также меры по социальной защите научных и научно-технических работников.

К числу первоочередных мер следует также отнести создание системы продвижения на рынок научно-технических разработок и наукоемкой продукции. Эта система призвана решать двудединую задачу – обеспечивать занятие и последовательное расширение на рынке определенного сегмента («ниши») для создаваемых разработок и продукции при одновременном сохранении и эффективной охране всех связанных с ними прав и выгод за владельцами этих разработок и производителями продукции. Она будет включать в себя маркетинг, рекламу и

выставочную деятельность, патентно-лицензионную работу и защиту интеллектуальной собственности и т.д. Также важно создать систему подготовки и переподготовки кадров для научно-технической и инновационной деятельности. Она должна обеспечивать применительно к современным условиям рыночной экономики кадровую поддержку данной деятельности, включая обучение как отдельных специалистов и предпринимателей, так и подготовку целевых «менеджерских команд» для реализации конкретных крупных научно-технических и инновационных проектов.

Справедливости ради, надо отметить, что в последние два года наметилась положительная тенденция в отношениях между представителями власти и науки. Президент страны В.В.Путин регулярно встречается с учеными, недавно создал и возглавил Совет по науке и высоким технологиям. Стабильно выполняется бюджет по науке, хотя его объемы не удовлетворяют ученых. В конце года В.В.Путин встретился с новым составом Президиума РАН, в ходе которой были обсуждены проблемы, волнующие научное сообщество. Участники встречи были единодушны, что идет, хотя и медленно, процесс возрождения науки и ее востребованности. Через несколько дней после этой встречи, во время телевизионного общения, отвечая на вопрос научного сотрудника из Новосибирского академгородка, В.Путин сказал, что для развития страны интеллектуальный потенциал имеет гораздо более важное значение, чем сырьевой ресурс. Если эти слова будут подкреплены практическими делами Правительства, у России по выполнению программы, намеченной в «Основах» новой научно-технической политики, то может появиться шанс занять в XXI веке достойное место в мировом научном сообществе и мировой экономике. Время покажет, будет ли использован этот шанс.

Литература

1. Наука для XXI века: новые обязательства. Всемирная конференция по науке. Будапешт. 26 июня – 1 июля 1999 г., ЮНЕСКО, 2000. С. 20.
2. «О доктрине развития российской науки» Указ Президента Российской Федерации № 884 от 13 июня 1996 г. Собрание законодательства РФ, 1996. № 25.
3. Вестник Российской академии наук, 1992. № 3. С. 8.
4. Вестник Российской академии наук. Т. 69, № 8. 1999. С. 740.
5. Наука России в цифрах: 2000 Стат. сб. / ЦИСИ. М., 2000. С. 112.
6. Коммерсантъ, 22 сентября 2000 г.
7. «О концепции реформирования российской науки на период 1998-2000 годов» Постановление Правительства РФ № 453 от 18 мая 1998 г. Собрание законодательства РФ № 21. 1998.
8. Проблемы теории и практики управления, 2001. № 3. С. 19.
9. Выступление Президента Российской академии наук академика Ю.С.Осипова на Общем собрании академии 12 ноября 2001 г. М.: Наука, 2001. С. 25.

Содержание

Предисловие	3
ЧАСТЬ I. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ	6
<i>Б.Г.Юдин</i> Интеллектуальный потенциал личности	6
<i>М.Н.Руткевич, В.К.Левашов</i> О понятии интеллектуального потенциала и способах его измерения	20
<i>В.Ж.Келле</i> Проблемы реализации интеллектуального потенциала России	42
<i>Г.Л.Смолян, В.Н.Костюк</i> Информационный капитал как важная составляющая интеллектуального капитала	57
ЧАСТЬ II. СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА	63
<i>Г.М.Зараковский</i> Качество населения в аспекте качества жизни: возможные показатели и методы их оценки	63
<i>И.И.Ашмарин</i> Устойчивое человеческое развитие: размышления о понятии	86
<i>О.В.Гаман-Голутвина</i> Интеллигенция и власть или сбывшиеся пророчества и тревоги	94
<i>Н.А.Носов</i> Виртуальное управление персоналом в XX веке	103
<i>Н.Н.Авдеева, Г.Б.Степанова</i> Современные факторы риска для человеческого и интеллектуального потенциала страны	119
<i>В.В.Фаузер, В.А.Сулимов</i> Республика Коми: демография и образование	132
<i>Г.Л.Тюльчинский</i> Драйв трансцендентного Российский духовный опыт: апофатика как потенцирование бытия	145
ЧАСТЬ III. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И КУЛЬТУРА	156
<i>Т.В.Артемяева</i> Интеллектуальная элита эпохи Просвещения	156
<i>Г.В.Иванченко</i> Человеческий потенциал: развитие личности в образовательной среде	167
<i>В.Л.Рабинович</i> Слово поэта: ретроспектива как перспектива (Серебряный век XXI веку)	179

<i>Л.П.Гримак, О.С.Кордобовский</i>	
Культура – изначальная терапия человека	190
ЧАСТЬ IV. НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ	216
<i>С.А.Кугель, И.Б.Олимпиева</i>	
Наука и рынок: адаптация ученых к новым экономическим условиям	216
<i>А.В.Юревич</i>	
Функциональный кризис российской науки	234
<i>В.М.Орел</i>	
Роль интеллектуального потенциала России в обеспечении ее национальной безопасности и выхода страны из кризиса	253

Научное издание

**Человеческий потенциал России:
интеллектуальное, социальное, культурное измерения**

Утверждено к печати Ученым советом Института человека РАН

В авторской редакции:

Художник *В.К.Кузнецов*

Технический редактор: *Ю.А.Аношина*

Корректурa авторов

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 28.05.02.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 16,56. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 500 экз. Заказ № 013.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор авторов

Компьютерная верстка: *Ю.А.Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119992, Москва, Волхонка, 14